

Арне Фальк-Рённе

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Арне Фальк-Рённе

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК

СРЕДИ ПЛЕМЕН
НОВОЙ ГВИНЕИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Arne Falk-Rønne
KANNIBALERNES NY GUINEA
København, 1974

Редакционная коллегия
*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Перевод с датского
В. Л. Якуба

Ответственный редактор
и автор послесловия
М. А. Членов

Фальк-Рённе А.

Ф19 Путешествие в каменный век. Среди племен Новой Гвинеи. Пер. с датск. В. Л. Якуба. Послел. М. А. Членова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

192 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Новая книга известного датского писателя и путешественника — это итог его поездок в 50—60-е годы XX века на один из наименее исследованных островов Океании — Новую Гвинею. Эта работа знакомит читателя с жизнью племен, живущих в самых отдаленных от современных центров районах, с их нравами и обычаями, которые во многих отношениях были характерны для людей каменного века.

Ф 1905020000-011 209-85
013(02)-85

ББКл8

© Arne Falk-Rønne, 1974.
© Перевод и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

Глава первая

Охота на тайпанов.— Трапеза на о-ве Гоарибари.— Торресов пролив — кладбище кораблей. Шведский отшельник на о-ве Паки¹. Как была открыта Новая Гвинея. Земля курчавоволосых. Жители Берега Казуарин.— Охота за именами у охотников за головами

I

Шхуной «Сонгтон» с острова Четверга искатели жемчуга пользовались задолго до того, как она стала садком для разведения крокодилов, пойманных в болотах Новой Гвинеи. Но с тех пор как японцы научились выращивать искусственный жемчуг, для шхуны «Сонгтон» наступили плохие времена. Я делю каюту на борту шхуны с неким мистером Беркли, который зарабатывает на жизнь тем, что отлавливает и «доит» ядовитых змей-тайпанов. Беркли наотрез отказывается принять мое объяснение причин, которые привели меня на борт «Сонгтона»: мне хочется прибыть на Новую Гвинею с «черного хода» вместе с браконьерами — охотниками на крокодилов, ловцами устриц и собирателями трепангов, со всеми этими искателями счастья, которым администрация Порт-Морсби отказала в визе на въезд, ибо раньше они были замешаны в незаконной охоте на пук-пуков (так на пиджин² называют крокодилов).

— Все острова в Торресовом проливе больны, один смертельнее другого,— хихикает Беркли, с утра «зарядившийся» изрядной порцией смеси рома и воды.— Там нет ни капли питьевой воды, дорогой сэр, ни одного жителя, зато множество зловонных мангровых болот и мириады малярийных комаров. А эти люди...— он презри-

¹ Этот раздел, а также раздел «Охота на тайпанов» были включены в книгу А. Фальк-Рённе «Слева по борту — рай» (М., 1980; 1982).— *Здесь и далее примеч. ред.*

² Пиджин-инглиш, или ток-писин — один из официальных языков Папуа-Новой Гвинеи; возник в конце XIX в. в результате контакта папуасов и меланезийцев с европейскими колонизаторами. См. также: М. В. Дьячков, А. Н. Леонтьев, Е. И. Торсуева. Язык ток-писин (неомеланезийский). М., 1981.

тельно поводит рукой. — Ты же понимаешь, что все они — члены пук-пуковой мафии. За мешок крокодильчиков они готовы мать родную продать. Я не советую тебе отправляться с этой компанией в край болот. Ты, верно, слышал, что бóльшую часть крокодилов отлавливают в землях охотников за головами.

— Конечно, я как раз и собираюсь добраться туда на пироге.

Беркли долго качает головой и снова подбадривает себя глотком рома, на сей раз неразбавленного.

— Ну, ну, только не говори потом, что тебя не предостерегали!

Беркли содержит зменную ферму неподалеку от Кэрнса, на полуострове Кейп-Йорк, где выращивает тайпанов. Каждые две недели он «доит» их, то есть сцеживает яд, необходимый для производства вакцины против змеиных укусов. Время от времени он отправляется на шхуне «Сонгтон» или каком-либо другом судне с острова Четверга, чтобы отловить на мелких островках новых змей для своей фермы, поскольку тайпаны плохо размножаются в неволе. Стоит нам бросить якорь у какого-нибудь пустынного островка, как Беркли отправляется в заросли со своими палками и пузырьками для яда. А вечером мы встречаемся на палубе шхуны и разыгрываем очередную партию в шахматы. Правда, игру то и дело приходится прерывать, ибо Беркли должен присматривать за своими питомцами, проявляющими признаки беспокойства. Пойманных змей он содержит в завязанных мешках в трюме на задней палубе, от которого нашу каюту отделяет лишь тонкая перегородка. Меня он решительно заверяет, что тайпану никогда не выползти из мешка и не пробраться в нашу каюту через одну из многочисленных щелей.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Как только тайпан оказывается за пределами кустарника или высокой травы, — говорит Беркли, — он лежит совершенно неподвижно, чтобы в случае самообороны предпринять стремительный рывок вперед.

Я искренне надеюсь, что так оно и есть, и прошу только внимательно проверить, всех ли тайпанов он после кормежки снова поместил в мешки. В нашей маленькой каюте достаточно хлопот с тараканами, и если придется еще опасаться ядовитых змей, то вряд ли можно будет рассчитывать на сон.

В один из дней я вместе с Беркли высаживаюсь на

каком-то новом островке. На одной из полян он наметил окружность диаметром в три-четыре метра и в ее пределах вырвал всю высокую траву, а оставшуюся примял так, что получился небольшой красивый газон.

— Острова в Торресовом проливе — раздолье для змей, — поясняет он. — Тут водятся сотни тайпанов, и нет нужды забираться за ними в глубь зарослей, как приходится делать на Кейп-Йорке. Для охотника на змей здесь суший рай.

— Но ведь охота на змей обходится дорого, тебе приходится арендовать шхуну.

— Это вполне окупается. Не забывай, что тайпан — одна из опаснейших змей на свете. Если человеку, которого она укусила, тут же не ввести противоядие, в течение нескольких минут неизбежно наступит смерть. Еще сравнительно недавно медицина не располагала сколько-нибудь эффективным средством — просто не было отловлено достаточного количества тайпанов, чтобы получить это средство. Австралийский институт вакцины в Мельбурне периодически помещал объявления о том, что ищет людей, которые взялись бы за отлов тайпанов и получение от них яда для производства сыворотки. Но, как ты сам понимаешь, охотников нашлось немного. Двое добровольцев отказались от такой работы, как только узнали, что ни одно страховое общество не согласится застраховать ловца змей, если он сам не будет ежегодно вносить сумму, равную одной четверти страхового полиса.

Сегодня, однако, имеется сыворотка против яда тайпана, поскольку еще несколько человек помимо меня зарабатывают себе на жизнь отловом тайпанов и получением их яда. Мне платят сто двадцать австралийских фунтов за каждый грамм высушенного змеиного яда, но на это уходит четыре—пять «доек», а от каждой змеи можно получить яд раз в две недели. Сейчас у меня на ферме восемнадцать тайпанов, это, насколько мне известно, самая большая коллекция в мире. Одна из змей дала приплод в неволе, и я многого жду от своих дорогих малюток, когда они подрастут. Но получить от них яд смогу не скоро, года через четыре.

— Насколько силен яд тайпанов?

— Яда одной взрослой змеи достаточно, чтобы убить двести овец. Для сравнения могу сказать, что от яда кобры погибнут лишь тридцать четыре овцы, так что можешь себе представить, насколько опасен тайпан! На

Кейп-Йорке и в северной части Квинсленда до сих пор водится много тайпанов. У меня есть договоренность с местными жителями: я плачу им десять австралийских фунтов за каждую змею, которую они мне покажут, ну а ловлю этих змей, конечно, я сам. Так что, как понимаешь, наша поездка по таким необитаемым островкам, которые кишмя кишат ядовитыми змеями, для меня тоже неплохая возможность заработать деньги.

Говоря это, Беркли готовил орудия лова. Мешок из плотной парусины, куда сразу помещают змею, прежде чем ее пересадят в другой мешок, побольше, он положил под кустом на краю вытоптанного зеленого круга. На конце длинной палки укреплена небольшая петля из тонкой стальной проволоки. От петли к другому концу палки протянут шнур: дернув за него, ловец затягивает петлю. Сам Беркли безоружен, если не считать ножа длиной с полметра, который он кладет под куст рядом с мешком.

Начинает накрапывать дождь. Беркли посматривает на облака:

— Теперь они скоро начнут выползать из кустов. После дождя тайпаны любят погреться на солнышке... Осталось ждать совсем немного, солнце вот-вот появится из-за тучи!

— А наши голоса они не слышат?

— Сразу видно, что ты никудышный зоолог: змеи глухи. Не следует только шевелиться, это может их напугать.

Беркли делает глоток из фляжки, которую достал из кармана, и осторожно направляется к зарослям. Я было собрался заметить, что он, видно, выпил для храбрости, но все дальнейшее произошло настолько быстро, что я и рта не успел раскрыть. Беркли бросается в высокую траву и ударяет длинной палкой по земле; в то же мгновение из зарослей появляется почти метровый тайпан и, извиваясь, ползет в мою сторону. Я вскакиваю и отбегаю на несколько шагов. Однако Беркли заставляет змею вползти в вытоптанный круг, и начинается удивительный танец змеи и человека. Хотя змея, очевидно, чувствует, что не может двигаться свободно, она отнюдь не собирается лежать неподвижно, а извивается и выворачивается, в то время как Беркли, танцуя на цыпочках, пытается накинуть ей петлю на шею. Это, однако, не так-то просто, и человек и змея долго исполняют свой фантастический танец на маленькой сцене, словно специально

построенной для этого необыкновенного спектакля. Всякий раз, когда тайпан пытается выползти из круга, Беркли останавливает его палкой. Тогда змея поворачивается и с шипением ползет на человека. Тот отскакивает в сторону, снова держа наготове петлю. Этот маневр повторяется раз десять, пока наконец Беркли не набрасывает петлю на голову змеи. Он тут же ее затягивает, но не настолько, чтобы задушить змею, которая раскрывает пасть и обнажает ядовитые зубы.

— Мешок... быстро! Маленький, парусиновый! — кричит Беркли.

Я держу грубый мешок в вытянутых руках, стараясь держаться подальше от страшного существа. Но опасность миновала, Беркли надежно держит свою добычу. Схватив ее сзади за голову, он так крепко сдавил затылочную часть указательным и большим пальцами правой руки, что змея находится как в тисках. Чуть запыхавшись, Беркли говорит, что у себя дома, в Австралии, он обычно «выдаивает» яд лишь после возвращения на ферму, но здесь, когда неделями приходится бывать в пути, вынужден делать это сразу, а капсулы с ядом хранит на льду.

Некоторое время он не выпускает мешка из руки, но, как он замечает, змее требуется время, чтобы «остыть». Я усаживаюсь рядом с ним на траве. Беркли весь дрожит от возбуждения, и ему требуется снова пропустить глоток рома, чтобы успокоиться. Лишь после этого он решает, что пора приступать к делу. Вытянув вперед пальцы, он обращается ко мне:

— Ну как, по-твоему, я успокоился?

В самом деле, возбуждение как рукой сняло: видно, ром и впрямь его успокоил.

— Возьми-ка баночку с пергаментной крышечкой у меня в сумке, — говорит он, — и подойди поближе, иначе ничего не увидишь.

Через грубую парусину он нащупывает голову змеи.

— Почему у тебя нет перчаток? Что, если змея ужалит через мешок?

— Она пускает жало в ход, лишь когда видит добычу.

Наконец Беркли вытаскивает тайпана из мешка. Держа голову змеи в одной руке и баночку из-под варенья в другой, он прижимает ядовитые зубы змеи к крышке. Змея вновь оживляется. Тщетно попытавшись несколько раз вывернуть голову, она пронзает зубами плотную бу-

магу. Крупные капли смертельного яда, белого, как молоко, стекают на дно банки. Затем Беркли осторожно отодвигает тайпана в сторону, ибо в зубах змеи мог остаться яд, а он хочет сохранить его как можно дольше, чтобы не раз получать такой «удой».

Когда мы спускаемся к берегу, чтобы сесть в ялик, Беркли рассказывает о вакцине:

— Я отправляю яд в лабораторию в Кэрнсе, где его высушивают до кристаллического состояния и отправляют в Институт вакцины в Мельбурне. Там яд во все возрастающих дозах впрыскивают лошадям, чтобы сделать их невосприимчивыми к нему. Когда у лошадей вырабатывается необходимый иммунитет, из их крови приготавливают сыворотку. За последние три-четыре года она спасла сотни людей в Австралии.

— Как тебе пришло в голову стать сборщиком яда?

— Я вырос на Кейп-Йорке. Это дикая местность площадью с довоенную Германию, все население которой составляет горстка скотоводов и небольшая группа охотников за крокодилами. Вокруг миссий проживает тысячи две аборигенов. Они до сих пор охотятся при помощи бумерангов и длинных дротиков, выпускаемых из копье-металки с поразительной меткостью. Аборигены — превосходные охотники на тайпанов, потому что жареные тайпаны и черепашьи потроха для них самое большое лакомство. Это они научили меня охотиться за тайпанами и находить места, где они водятся. Первое время я относился к этому занятию полушутя, года четыре назад оно стало моим главным делом. У него есть по крайней мере одно преимущество: найдется немного людей, кто пожелал бы отбить у меня хлеб.

Постепенно я знакомлюсь и с членами команды «Сонгтона». У Кенаи Уорриора, нашего лоцмана, проводника и кока на шхуне, кожа темно-серого цвета. Родом он с острова Мабуиаг, куда его дед бежал с острова Гоарибари после того, как в 1901 году на пасху участвовал в убийстве двух миссионеров, Джеймса Чалмерса и Оливера Томкинса, а на следующий день и в чудовищной трапезе.

Этим фактом Кенаи наряду с другими жителями островов Торресова пролива весьма гордится, ибо он служит доказательством того, что они принадлежат к воинственному племени, привилегированной части населе-

ния, обладавшей правом лакомиться человеческим мясом. Пастора Чалмерса предостерегали от высадки на остров Гоарибари, жители которого слыли каннибалами. И когда он на миссионерской шхуне «Ниуэ» бросил якорь неподалеку от крупнейшей на острове деревни Допимы, судно окружили воины на пирогах. Они принялись уговаривать Чалмерса и его молодого коллегу Томкинса посетить их дубу — мужской дом. Чалмерс делал все, чтобы не брать с собой Томкинса, но его усилия оказались тщетными. Как только миссионеры вошли в дубу, их оглушили каменными дубинками, убили и съели.

Жители Гоарибари дорого заплатили за этот обед. Губернатор Папуа сэр Джордж Ле Хант снарядил на остров карательную экспедицию, уничтожившую 24 жителя. Его преемник Крис С. Робинсон в 1904 году направил новую экспедицию и попытался заполучить череп Чалмерса, который туземцы отказывались выдать. С губернаторского судна «Мерри Ингленд» по острову Гоарибари открыли огонь, уложив с полсотни островитян. Губернатор Робинсон лично принимал участие в расправе. Позднее в оправдание своего поведения он заявил, что гоарибарийцы вряд ли могут считаться людьми, ссылаясь, в частности, на обычай, согласно которому матери поедают своих грудных детей, когда те умирают. Однако нападение на гоарибарийцев встретило резкое осуждение как в Сиднее, так и Лондоне, и в одно прекрасное утро Робинсон вышел в сад и пустил себе пулю в лоб. Но островитяне Гоарибари по-прежнему испытывали страх перед белыми людьми, многие воины бежали на отдаленные острова архипелага. Среди них был дед Кенаи Уорриора.

Торресов пролив называют кладбищем кораблей, и не без оснований: множество не обозначенных на карте коралловых рифов на протяжении последнего столетия вспороли брюхо более чем 800 судам многих стран. По этой причине дед Уорриора не сидел без работы. Местные жители знали наиболее опасные проходы и заранее устраивали там засады в ожидании кораблекрушений. В эти воды часто заходили на шхунах ловцы жемчуга. Если судно терпело крушение и часть команды добиралась до берега, людей убивали, а всю попавшую в руки добычу старик Уорриора успешно сбывал. Впрочем, нам нет нужды погружаться в глубь истории, чтобы обнаружить, что такие же дела творились и на западном берегу Дании.

В облике Кенаи есть что-то от Дон-Кихота; к тому же, подобно герою испанского романа, он также считает себя дворянином, но по сравнению с испанским идальго наш герой несколько деградировал. Кенаи — потомок могущественных воинов, но он не живет больше на своем далеком острове. Он любит называть себя «джентльменом из города»; городом здесь называют колонию на острове Четверга, куда съехалось большинство мужчин с островов Торресова пролива и где они, по-видимому, проводят время за игрой в бильярд в двух павильонах. Подобно тому как его предки размахивали копьями, Кенаи машет бильярдным кием. А кроме того, он делает самое вкусное на острове красное вино. Удовольствие это недорогое, поскольку спиртное местным жителям не продается, и самый дорогой напиток, дающий также право на партию в бильярд, — оранжад стоимостью 50 центов. Ночи Кенаи проводит в сарае из листов гофрированного железа, и стоит ему раздобыть пару шиллингов, поработав в порту, как он спускает их в единственном местном кинотеатре, экран которого потемнел от старости и дождей. Крыши в помещении нет, так что во время дождей — а они здесь частое явление — над зрителями вырастает целый лес зонтов и экран почти не виден.

Кенаи — непревзойденный лоцман; шкипер, метис Альфред Миллз, отнюдь не преувеличивает, когда утверждает, что Кенаи может «почуять» песчаную косу на расстоянии ста метров. Когда «Сонгтон» пробирается между островами, а белая пена захлестывает поручни с подветренной стороны, когда на форштевне маячит темно-серая фигура и время от времени доносится жалобное «оий-оий», Альфред Миллз уже знает, что прямо по курсу — песчаная отмель, и во весь голос подает команду мотористу Тино Майо, цвет кожи которого мне так и не удалось определить, ибо с головы до ног он был постоянно вымазан маслом.

— Но это не потому, что я грязнуля, — поясняет Тино. — Масло защищает тело от жары.

Даже дождь не мешает Кенаи почувствовать, что впереди отмель. Он утверждает, что если песчаная банка расположена не глубже чем в полуметре от поверхности, то дождь усиливает запах песка. Другое дело коралловые рифы — определить их по запаху гораздо труднее.

На берегу Кенаи также слывет превосходным следопытом, еще сохранившим тесный контакт с природой.

Если поблизости находятся дикие кабаны или крокодилы, он тотчас их обнаруживает.

Как-то утром мы бросаем якорь вблизи островка, отделенного от острова Принца Уэльского узким, но бурным проливом. Беркли изъявляет желание сойти на берег для охоты на змей, которая, признаться, уже начала действовать мне на нервы. Как этот человек способен изо дня в день «доить» тайпанов? Неужели это совсем не действует на его психику? Но ведь это — его кусок хлеба, и я, разумеется, не имею права ворчать, хотя мне хочется, чтобы «Сонгтон» как можно скорее достиг устья реки Эйланден на Берегу Казуарин, где нас обещали встретить на пироге охотники за крокодилами.

На северной оконечности острова имеется бухта, где море относительно спокойно. Кенаи, Беркли и я греем к песчаному побережью.

— Как называется остров? — спрашиваю я у Кенаи.

— На морской карте его название не значится, но мы зовем его остров Паки, в память папуаса Паки, которого здесь съела акула.

— Отличное место для тайпанов, — замечает Беркли. — По-моему, на остров много лет не ступала нога человека.

Я изучаю берег в бинокль. На вид он ничем не отличается от побережья большинства других островов, на которых мы побывали за последние две недели. За песчаным берегом начинается густой кустарник, над которым, степенно покачиваясь на ветру, возвышаются две пальмы.

Мы с Беркли отдыхаем на берегу, пока Кенаи занят поиском прохода в зарослях. Вложив патрон в одноствольное ружье, я забираюсь метра на два по стволу мангрового дерева, откуда открывается вид на остров. Пышные кроны тропических деревьев образуют свод; их стволы увиты тысячами лиан, которые пышными лозами свисают вниз. Пришел Кенаи и сообщил, что видел следы кабанов. Предоставив Беркли заниматься змеями, мы идем по следам в глубь леса. Кенаи энергично работает мачете, со свистом перерубая корни, которые закрывают всю тропу, оставляя лишь узкий проход для кабанов. Внезапно король бильярда с острова Четверга останавливается.

— Тут поблизости стадо кабанов, — шепчет он. — Я чувствую их запах.

Ножом он раздвигает лианы, но в этом лесу, где де-

ревья, кусты и лианы переплелись друг с другом, в непроходимой чаще зеленовато-черных, окутанных испарениями зарослей я ничего не вижу. Кенаи подает мне знак следовать за ним. Немного погодя он находит новую звериную тропу, которая выводит нас из тростниковых джунглей на поляну, заросшую высокой, в рост человека, травой.

— На острове есть пресная вода,— говорит он.— Ты можешь видеть по множеству следов, что животные каждый день ходят по тропе на водопой.

Вскоре мы выходим на новую поляну, окружающую илистую впадину, посреди которой находится озерцо — место водопоя животных. На противоположной стороне озера под зеленой крышей джунглей взад-вперед носятся какие-то серые тени. Кенаи хватает меня за руку.

— Стреляй! Ты что, не видишь кабанов? — кричит он.

Я прикладываю ружье к плечу и уже готов нажать на спусковой крючок, как раздается выстрел.

В первый момент я решаю, что это Беркли прервал свою охоту на змей и отправился стрелять кабанов, но тут же вспоминаю, что свое ружье он оставил на шхуне. Может быть, это враждебно настроенные островитяне? Я бросаю взгляд на Кенаи, но тот хранит молчание и лишь подает знак, чтобы мы спрятались в траве.

Кабаны, разумеется, давно скрылись в зарослях. Но вот раздается новый звук — кажется, будто кто-то рубит ветки. Вскоре из-за деревьев появляется высокий худой человек. На нем одни шорты, все тело коричневое, как орех. В руке он держит ружье с телескопическим прицелом. Светловолосый викинг на необитаемом острове в Торресовом проливе! Позабыв о предосторожности, я выпрямляюсь во весь рост и бегу к озерцу.

— Кто вы такой? — кричу я по-английски.

Незнакомец останавливается. На какое-то мгновение мне кажется, что он собирается вскинуть ружье, но вот он снова опускает его вниз и продолжает стоять, будто хочет что-то сказать и не может.

Я подхожу к нему ближе и повторяю свой вопрос. Какое-то внутреннее чувство побудило меня заговорить по-датски. Приближаюсь к незнакомцу вплотную, протягиваю ему руку и называю свое имя. Отставив ружье, он медленно, подыскивая каждое слово, отвечает по-шведски:

— Меня зовут Ёста Бранд. Я из Хальмстада в Швеции, но уже много лет живу один на острове Паки.

Я располагаюсь на несколько дней в одной из двух хижин Ёсты Бранда, чтобы выслушать историю 61-летнего шведского Робинзона Крузо.

Остров Паки имеет 15 километров в длину и почти вдвое меньше в ширину. Пересеченная местность в глубине по большей части покрыта джунглями, где зеленые лианы, опоясывающие деревья, сплетают гигантские упругие циновки. Вместе с раскидистыми кронами деревьев выющиеся растения образуют огромный ковер, сотканный из тысяч мелких цветов — красных, желтых, лиловых. Хотя вы и не видите множества птиц, строящих гнезда и живущих в переплетенных кронах, зато с утра до вечера слышите пение и гомон. А ночью редкие крики свидетельствуют о драмах, происходящих в темноте.

Вдоль западной и восточной сторон острова простираются широкие нетронутые песчаные берега, окаймленные пальмовыми рощицами, которые метрах в двухстах от берега переходят в сплошные заросли. То тут, то там над колючим кустарником возвышаются толстые стволы гигантских пальм. Остальная часть берега покрыта манграми, и к вечеру из-под корней доносится запах гнили.

Там, где мангровые болота переходят в песчаную прибрежную полосу, обитают сотни тысяч крохотных красноватых крабов. В отлив они выползают из своих норок и на расстоянии кажутся живыми красными камешками, которые при малейшем движении засасывает трясина.

В глубине острова имеется два небольших водоема с пресной водой, однако из-за дождливого климата даже в три «сухих» месяца выпадают обильные осадки, так что снабжение пресной водой здесь не проблема. К тому же Ёста установил на берегу два жестяных бидона, где скапливается дождевая вода.

Паки — типичный островок, ничем не отличающийся от других небольших безымянных островов этого региона. Все они необитаемы, их внутренние районы не исследованы; капитаны судов, плавающих в Торресовом проливе, весьма неохотно ищут на них укрытия и лишь в крайних случаях высаживаются на берег. Острова и теперь такие, какими были тысячелетие назад, — огромные заповедники, где бурно размножаются животные. Здесь множество диких свиней; фыркающая и сопя, носятся

они под лиановым ковром в полумраке джунглей. Здесь нашли себе пристанище полчища мелких серых крыс, все пожирающих на своем пути. Но больше всего здесь термитов и муравьев, этих истинных властителей далеких островов. Кенаи говорит: «Создатель отдал все острова Торресова пролива во власть муравьев».

То, чего в этих краях не сумели достичь люди, осуществили насекомые, создавшие в термитниках и муравейниках высокоразвитые сообщества. Повсюду на островах вдоль побережья Новой Гвинеи можно натолкнуться на их жилища, напоминающие сказочные замки из мультфильмов Диснея, с башнями и шпилями, достигающими двухметровой высоты. Каждый муравейник — это целый город, спускающийся глубоко под землю и населенный миллиардами жителей. В нем есть улицы с односторонним движением, частные жилища и общественные здания. Здесь живут могущественные царицы, ревностные полицейские, санитары, убирающие отбросы, неутомимые строители, которые надстраивают квартиры, и чернорабочие. Из этих городов муравьи отправляются на поиски пищи, и между различными городами-муравейниками проложены широкие муравьиные тропки. Зоологи все еще недостаточно хорошо изучили жизнь этих насекомых, но разве не примечательно, что в местах, где не смогли обосноваться люди, одни из самых маленьких на земле живых существ создали превосходно организованные сообщества!

Белые песчаные берега и зеленые джунгли и в дождь, и под лучами яркого солнца кажутся ничейной землей, над которой навис почти призрачный блеск. Именно здесь, среди этого затерянного мира, Рауль Ёста Бранд вновь обрел тот рай, с которым распрощался более 40 лет назад, когда оставил свой маленький хуторок Свалильт в долине Симлунгсдал, что раскинулась в шведской губернии Халланд. На отлогом песчаном берегу, в том месте, где начинается подлесок, он построил две хижины — свой домашний очаг, который он не намерен покидать до конца дней. Это место привлекло его потому, что восточный берег Паки образует бухту, в спокойную погоду туда можно подгрести на лодчонке к самой суше и привязать лодку к дереву. А кроме того, там, где Ёста выкорчевал кустарник, земля оказалась настолько плодородной, что все шесть кокосовых пальм, посаженных им по прибытии на остров свыше десяти лет назад, уже плодоносят. Свою кокосовую рощицу он на-

звал по имени собаки Сиппы, умершей дома, в Халланде, 40 лет назад, незадолго до того, как он навсегда покинул родные края.

Бухту, где стоят его хижины, Ёста называет Дестини-Бей, что в переводе с английского значит «Бухта судьбы». Перед большей хижинкой, в которой находится «спальня» со сплетенной из травы циновкой, он из корабельных досок соорудил входную дверь, на которой белой краской по-английски написал свое жизненное кредо. Его девизом послужил припев популярной песенки, лет десять назад обошедшей весь мир: «Чему быть, того не миновать. Никто не знает, что с ним случится завтра».

А Ёста говорит:

— Вряд ли найдутся слова, которые лучше подошли бы ко мне. Моей судьбой правит случай, но, как бы прихотлив он ни был, в нем есть своя закономерность. То, что я искал на протяжении полусотни лет, ждало меня на этом островке. Вот почему я написал на двери эти слова: я гляжу на них каждый вечер, прежде чем ложусь спать.

Во второй хижине Ёста оборудовал кухню. Ее тонюсенькие стенки он покрыл куском парусины, так что издали кухня напоминает большую палатку. Между хижинами в земле вырыта открытая печь, где в первый же вечер нашей встречи хозяин готовит для нас курицу.

Рауль Ёста Бранд — современный Робинзон Крузо — вероятно, один из последних белых людей, добровольно бежавших от благ цивилизации. У него нет и никогда не было столкновений с полицией, но им с самого детства владело стремление к обособленной жизни, и с годами это желание окрепло.

— Возможно, я всегда был эгоцентричен, — говорит Ёста, поворачивая курицу над огнем другим боком. — В молодости чувство одиночества временами причиняло мне даже боль, но теперь, с возрастом, я нахожу его удивительным. Я позволил ветрам и течениям взять надо мною власть, никто меня нигде не ждал. В трудные минуты находил утешение, обращая взор к звездам или к волнам, что бьются об эти берега. За те годы, что я плавал матросом, мне доводилось встречаться с самыми разными людьми — и хорошими, и плохими. Я повидал почти все крупные города мира, но не захотел поселиться ни в одном из них. Городская жизнь всегда меня страшила. Никогда не забуду слов одного норвежского шкипера, сказанных им во время шторма, когда мы огибали

мыс Горн: «Если я переживу этот кошмар, то открою рыбный магазинчик в Тведестранне... Хочу видеть волны только в бассейне для рыб». Я тогда стоял за штурвалом и слушал его причитания. Мне в ту пору едва минуло двадцать, и я твердо знал, что рыбная лавка не для меня. Я уже тогда мечтал найти пустынный остров и поселиться там навечно.

Без преувеличения скажу, что с тех пор вся моя жизнь была долгим поиском желанного острова... На это ушло целых тридцать лет. Лишь десять лет назад волны выбросили меня на этот песок. Я словно плавник, всегда меня несло к самым дальним берегам. По тем меркам, какими вы определяете богатство, я человек бедный, сам же я считаю себя богаче всех на свете: здесь я король и подданный, хозяин и работник. У меня вдоволь еды и питья. Ведь тот, кто никогда не вкушал свежей дождевой воды с зеленого листа пальмы, даже не подозревает, что есть напиток, с которым не сравнится самое выдержанное вино. Охота и рыбалка для меня и источник развлечений и хорошая зарядка. А когда раз-другой в году кончаются патроны или соль, мне ничего не стоит отправиться в пролив, где ходят корабли,— на это уходит четверо суток — и окликнуть какое-нибудь судно. Я продаю крокодиловую кожу или обмениваю ее на то, в чем нуждаюсь.

— И тебе не хотелось бы вернуться на старости лет в Швецию?

— Не думаю, чтобы я смог жить теперь в Швеции. Конечно, это прекрасная страна, но, если бы я жил там, я просто скитался бы по лесам как отшельник и власти вскоре поместили бы меня в какое-нибудь заведение. Ведь в Скандинавии таких, как я, считают чужаками, людьми не от мира сего, верно? Здесь же, на этом острове, у меня в досталь времени для раздумий, и я искренне убежден, что обрел истинное счастье. Я прекрасно отдаю себе отчет, что могилой мне станет море и ни один священник не прочтает молитвы над моим телом. Но меня это не беспокоит. Люди в основном живут в обществе, у них есть возможность опереться друг на друга. Но умирать... умирать надо в одиночестве, и коль скоро я так долго был один, то мысль о смерти меня не пугает. Я лишь надеюсь, что, когда настанет эта великая минута, я смогу почувствовать ее заранее. Тогда я отправлюсь в воды лагуны и там подожду наступления смерти. Отлив унесет меня в Тихий океан, где я найду

свою могилу. С юношеских лет океан был моим лучшим другом, и мне хочется умереть в его объятиях.

3

Острова, где ныне живет Ёста Бранд, или одного из соседних с ним островов в мае 1789 года достигли капитан «Баунти» Уильям Блай и оставшиеся ему верными члены экипажа в ходе своего опаснейшего плавания в утлом баркасе к голландской колонии Купанг, после того как недалеко от Тофуа (архипелаг Тонга) их корабль был захвачен Флетчером Крисченом и другими мятежниками. Тогда Блай и его измученные спутники не знали, что всем им удалось бы спасти жизнь, а мятежники были бы схвачены, направь они баркас южнее с внутренней стороны рифа, вместо того чтобы пересекать опасный Торресов пролив к северо-западу. В этом случае Блай наткнулся бы на английскую штрафную колонию Порт-Джексон Ботани-Бей, созданную всего за год до трагических событий. Здесь ему тут же оказал бы помощь один из возвращавшихся в Англию фрегатов, и можно не сомневаться, что мятежников удалось бы схватить еще на Таити, прежде чем они навсегда исчезли на борту «Баунти» в направлении далекого и неизвестного острова Питкэрн.

Но штрафная колония, положившая начало заселению Австралии, была создана уже после того, как «Баунти» покинул берега Англии, поэтому Бляю не оставалось ничего другого, как направиться в Купанг, что на острове Тимор. Туда же бежали еще несколько человек — та небольшая группа, о которой доподлинно известно, что ей удалось вырваться из ада в Ботани-Бей и бежать в Ост-Индию, преодолев на лодке по океану и вдоль неведомых берегов более четырех тысяч миль. По иронии судьбы группу возглавлял человек по имени Уильям, но он не имел ничего общего с вздорным английским капитаном Уильямом Блаем. Это был бывший батрак из Корнуолла Уильям Брайант, осужденный на «пять лет высылки в Новую Голландию за кражу предмета стоимостью менее пяти шиллингов»: Брайант присвоил принадлежавшую помещику овцу. Незадолго до этого он женился, его жена Пэтти ждала ребенка. Семье не на что было жить, и Уильям решился на отчаянный шаг: украл овцу у помещика, у которого их насчитывалось свыше 2000. Кражу обнаружили, Уильяма схватили

и вместе с молодой женой отправили в ссылку в колонию «на край света».

Сейчас трудно даже представить себе условия, в которых находились тогда арестанты. На Темзе и в английских гаванях стояли пришедшие в негодность суда, и на них из года в год содержались заключенные. Некоторые из них были настолько истощены, что не могли стоять. В 1787 году английский парламент принял наконец решение о создании места ссылки на побережье Новой Голландии. Туда отправилась флотилия из одиннадцати судов. На борту каждого судна находилось не менее 800 заключенных (среди них были и Уильям Брайант с женой), а также четыре роты морской пехоты (некоторые пехотинцы с женами и детьми) и 443 матроса. Вслед за первой группой вышла вторая, в 1791 году — третья, которая доставила в колонию 1865 мужчин и 144 женщины легкого поведения.

Состав ссыльных был самым разнообразным. Даже зная о жестокости, царившей в XVIII столетии, всеобщем унижении и глубочайшей пропасти между богатыми людьми и бедняками, трудно вообразить те цинизм и безжалостность, которые проявляли власти к нарушителям закона. 300 ударов плетью — больше, чем может вынести средний мужчина, — таково было обычное наказание за кражу овцы, причем возраст «преступника» не имел значения. Он вор, и этим было все сказано. За такие преступления полагалась ссылка. Сегодня за многие из них нарушитель отделался бы замечанием или небольшим штрафом. В те же времена человека могли сослать «на край света» за поджог кустарника, браконьерство и ловлю рыбы в водах, которые принадлежали знати. Достаточно было быть обвиненным в краже «корнеплодов, дров или растений на сумму свыше 5 шиллингов», попасться на карманной краже не более чем на 1 шиллинг (что спасало от казни), вскрыть чужое письмо — и виновного ждала ссылка. Датчанин Юрген Юргенсен, человек весьма причудливой судьбы (он, в частности, претендовал на роль короля Исландии), был сослан в Новую Голландию за то, что осмелился возвратиться в Англию после того, как получил предписание о высылке. Двоеженство и «безнравственное сожительство» карались отправкой в Новую Голландию (Австралия). Немало людей месяцами носило в трюмах кораблей по волнам океана, прежде чем они завершали свой жизненный путь в колонии Ботани-Бей, где, по свиде-

гельству источников того времени, летом стояла такая жара, что птицы и летучие мыши замертво падали на землю.

Перед отправкой в колонию мужчин заковывали в кандалы, а на руки надевали наручники. И хотя по закону в хорошую погоду их следовало раз в день выпускать на палубу, большую часть времени — а корабли нередко находились в пути по полгода — эти несчастные лежали в зловонном трюме. В шторм им приходилось сидеть в соленой воде, доходящей до пояса. Жалкая пища, которую им выдавали, была почти непригодна для употребления. Удивительно ли, что многие умирали в пути? К ногам «отошедшего в мир иной» привязывали грузила и бросали мертвеца за борт, где к нему устремлялись акулы. Малейшее неповиновение наказывалось плетью, а попытка к бунту каралась смертью через повешение.

Из колонии в Ботани-Бей многие пытались бежать... в Китай, так как полагали, что эта страна лежит всего лишь в трехстах милях к востоку. Но почти всех беглецов приканчивали австралийские аборигены, которые не видели разницы между солдатами и заключенными.

Едва ступив на твердую почву, Уильям и Пэтти Брайант замыслили побег. Им не составило большого труда понять, что удача их ждет только в море. Чтобы вернуться в Европу, следует раздобыть лодку, научиться ею управлять, заручиться помощью других заключенных, которые также хотели бы вырваться на волю и к тому же знали толк в ремонте. И надо было разжиться провиантом и оружием.

Мысль о побеге во многом изменила жизнь бывшего батрака. Брайант самостоятельно научился читать, изучил морские карты, овладел сведениями из географии. В 1791 году все было готово к побегу. К тому времени у Брайантов было двое детей, трех лет и одного года. Это обстоятельство в немалой степени способствовало побегу, так как администрация предоставляла более легкую работу женатым мужчинам, особенно тем, у кого были дети. Пэтти работала на кухне у губернатора и имела возможность выносить кое-какие продукты, необходимые для долгого пути. В бараке, где жили супруги, они закопали украденные вещи, поставив сверху детские кровати. В попутчики Уильям и Пэтти выбрали рыбака, плотника и двух моряков. Из личной библиотеки губернатора Пэтти выкрала карту Голландской Ост-Индии, но для отрезка пути между Ботани-Бей и островом

Тимор у них карты не было. Об этом маршруте они ничего не знали, кроме того, что придется преодолеть свыше 4000 миль по океану. И хотя срок отбывания в колонии для Уильяма истек и он ожидал лишь распоряжения из Англии о своем освобождении, мысль о побеге, а может, желание чувствовать себя подлинно свободным человеком настолько овладели им, что он поклялся осуществить свой план чего бы ему это ни стоило.

Темной, дождливой ночью 29 марта 1791 года Уильям Брайант отдал долгожданный приказ. Под покровом ночи восемь человек перенесли провиант в тайник, где в густых зарослях была спрятана лодка — пятиметровый ялик, который плотник Нил выменял у голландского капитана, доставившего в Ботани-Бей партию риса. Нил не скрывал от голландца своих планов о побеге, и тот рассказал ему о Большом Барьерном рифе и о том, как опасно подходить слишком близко к побережью Новой Гвинеи, все жители которого были людоеды.

— А если мы все же доберемся до Купанга, голландцы нам помогут? — спросил Нил.

Ответ не сулил никаких надежд.

— Мы не помогаем беглецам из колонии, мы выдаем их судебным инстанциям в Англии, — сказал капитан. — Но так поступают официальные власти. Простые голландцы скорее всего окажут вам всяческую помощь, в которой вы будете нуждаться. Но остерегайтесь сыщиков! Твердите, что вы английские моряки, потерпевшие крушение, а когда придете в Кейптаун, постарайтесь наняться на американское, французское или датское судно.

Тропический ливень, словно покрывало, накрыл людей и лодку, когда восемь беглецов наугад вышли в открытый океан. Наутро дождь не унялся и продолжался целых восемь суток. Перед бегством матросу Тому удалось раздобыть кремневое ружье, порох и пули, но из-за дождя порох настолько отсырел, что прошло немало времени, прежде чем им можно было воспользоваться. Пока в этом не было особой беды: земли не видно, а значит, можно не опасаться аборигенов, которые внушают им ужас. Бесконечный, нудный дождь оказался и благом: он помог беглецам скрыться от преследователей. А опасаться следовало, ибо четыре часа спустя после выхода в море их побег был обнаружен и вдогонку был послан корабль губернатора.

По словам голландского капитана, чтобы достигнуть

Большого Барьерного рифа, беглецам предстояло двигаться на север. Однажды утром, на двадцать первый день пути, когда дождь наконец прекратился, насквозь промокшие, дрожащие от холода люди заметили впереди полоску пены. Они поняли, что до рифа уже недалеко. Трое суток сильный юго-восточный ветер нес беглецов вдоль внешней стороны частокола из острых кораллов, отделявшего их от спокойного океана. Они все время видели серебристо-голубую воду за барьером, но, сколько ни пытались найти проход в рифе, им это не удавалось. Время от времени жалкое суденышко глубоко проваливалось в пучину волн и все вокруг пропадало из виду. Но вот гигантская волна высоко возносит их на пенистые гребни, и тогда взору отчаявшихся людей предстают острова. Рев волн прорывался сквозь коралловую крепость. Его было слышно даже ночью при самом сильном ветре, когда беглецы пытались отойти подалее в море. Силы их были на исходе. И тогда Нил предложил вернуться в колонию и принять наказание.

— И получить сто ударов плетью! — стараясь перекричать рев воды, воскликнул Уильям Брайант. — Нет, только через мой труп эта лодка переменит курс!

Раза два им показалось, что они нашли проход. Но стоило направить лодку в сторону прибоя, как их подстерегали острые кораллы, которые, точно зубы гигантской акулы, торчали из пенистых волн прибоя. И все же однажды случилось то, чего они так долго ждали и на что надеялись. Незадолго до наступления темноты люди вдруг заметили разрыв между рифами длиной в несколько сотен метров. Не прошло и нескольких минут, как они оказались в тихой, спокойной воде. Направив ялик к песчаному берегу одного из бесчисленных низких островов, они, шатаясь, вышли на сушу и рухнули на землю под тенистыми пальмами, сморенные крепким сном.

Спали они долго, почти сутки. К счастью, остров был необитаем, иначе они стали бы легкой добычей. И в других отношениях судьба оказалась к ним милостива: их забросило на островок, куда стекаются черепахи, чтобы отложить яйца. Период кладки длится всего две недели в году, и надо же было случиться так, чтобы это время совпало с высадкой беглецов на остров. Непрерывные дожди обеспечили их питьевой водой, а теперь они получили и свежее черепашее мясо.

Два дня они набирались сил, после чего Уильям Брайант отдал приказ продолжить плавание. Теперь они

совершали переходы между островами и побережьем материка. И лишь когда они достигли острова, на котором мы высадились сейчас, им впервые пришлось столкнуться с аборигенами. Тонкие, черные, как смоль, люди, вооруженные трехметровыми копьями, появились из-за мыса в лодке, выдолбленной из ствола большого дерева, и направились прямо к их лагерю. Прыгнув в воду за несколько метров до берега и высоко подняв копья над головой, они с криками устремились вперед. Уильям Брайант достал единственное имевшееся у них оружие — кремневое ружье, прицелился в бегущего впереди и нажал спусковой крючок. Но ружье не сработало — видимо, кремень отсырел. Тогда Брайант оторвал кусок платья и принялся лихорадочно тереть камень. Когда первый нападающий находился в нескольких метрах от него, он снова нажал на спуск. На сей раз раздался выстрел. Пуля попала прямо в грудь, откуда фонтаном брызнула кровь. Аборигены, едва услышав грохот выстрела, бросились к берегу, оставив на песке мертвого товарища.

В июне беглецы достигли голландского поселения Купанг на острове Тимор, где без труда убедили губернатора в том, что они — команда английского судна, потерпевшего кораблекрушение у Большого Барьерного рифа. За два года до этого в Купанге побывали Уильям Блай и члены его экипажа, и жители поселка приняли пришельцев с не меньшей доброжелательностью. Из Купанга Брайант с людьми направились в Батавию, столицу Голландской Ост-Индии, и уже считали себя свободными людьми, но судьба распорядилась иначе. В Батавии в это время года самый нездоровый в мире климат, и в те времена люди не знали средства против малярии, или болотной лихорадки, как тогда называлась эта болезнь.

Первой жертвой лихорадки стал Уильям Брайант. Перед смертью он заклинал своих спутников не пить вина и не проболтаться спьяну, откуда они прибыли. Вскоре умерли дети Брайанта и трое мужчин. Плотник Нил с горя напился и в одном из кабаков выболтал всю историю. Оставшихся в живых беглецов, и среди них жену Уильяма Брайанта Пэтти, заковали в кандалы и отправили в Англию, где их вновь приговорили к ссылке в ту же колонию. Но затем их помиловали и вместо ссылки в Новую Голландию заточили в Ньюгейтскую тюрьму в Лондоне, а Пэтти Брайант освободили.

Луис Ваэс де Торрес — так звали испанца, который, отправившись в 1606 году из Кальяо (Перу) и проплыв южнее огромной горной земли, нашел новый путь в далекую страну пряностей. Как сумел он провести свою большую, неуклюжую каравеллу сквозь бесчисленные коралловые рифы, мимо песчаных отмелей, меж сотен низких островков, об этом история умалчивает. Известно только, что опасный пролив назван его именем, и даже сегодня название «Торресов пролив» окружено зловещим ореолом. Иниго Ортис де Ретес в 1545 году по пути с Молуккских островов в Мексику прошел севернее этой горной страны и назвал ее Новой Гвинеей. Возможно, немногочисленные туземцы, которых он увидел на берегу, напомнили ему африканцев из Гвинеи, а может, он обратил внимание на то, что Гвинея в Африке и вновь открытая им земля вблизи Австралии находились в противоположных точках на глобусе, и именно это обстоятельство побудило его дать новой земле такое название. Уже на карте мира фламандского картографа Меркатора можно найти название *Nueva Guinea*.

Но еще до того как Торрес доказал, что Новая Гвинея — остров, а следом за ним и другие европейцы наблюдали негостеприимные берега огромной страны, индонезийцы охотились в этих местах за рабами. Уже в VIII. веке владыки Суматранской империи Шривиджая дарили танским императорам черных рабов и множество попугаев. На крупном яванском храме Боробудур (VIII столетие) можно видеть барельефы с изображением курчавых людей. По-малайски человека с короткими курчавыми волосами называют «оранг папуа». Памятуя об этом, Жоржи ди Менезиш, португальский губернатор Молуккских островов, назвал Новую Гвинею островом Ильяш душ Папуаш (Острова папуасов). И по сей день жители Новой Гвинеи зовутся папуасами.

Сегодня нам трудно представить себе людей, которые рисковали жизнью во имя того, чтобы столы европейцев украсили пряности. Их профессия была не менее опасной, чем профессия ловца змей или охотника на крокодилов в бескрайних болотах страны каннибалов. Еще до того как Васко да Гама проложил морской путь в Индию, а Фернан Магеллан совершил кругосветное плавание, до того как европейцы открыли для себя кофе и чай и стали употреблять лимоны, чтобы подкислить

пищу, а сахар — чтобы подсластить ее, западный мир уже знал о существовании эшпесиариэш, что буквально означает «специи». Но лишь самая богатая знать, короли и князья, могли приобрести несколько граммов изысканных индийских пряностей: зернышки перца, мускатный орех, щепотку имбиря или корицы, которые щечочут язык, возбуждают аппетит, доставляя ни с чем не сравнимое удовольствие за столом. В богатых домах кушанье считалось отменным лишь в том случае, если оно было хорошенько поперчено и приправлено специями. В пиво добавляли имбирь, а в вино клали столько всевозможных пряностей, что каждый глоток обжигал рот.

Не только в пищу шли эшпесиариэш. Тщеславие женщин требовало все больше благовонных восточных масел: возбуждающего мускуса, амбры, сладковатого розового масла. Ткачи и красильщики без устали отделявали китайские шелка и индийский дамаст. Еще более мощный толчок торговле дарами Востока дала католическая церковь: ведь родиной ладана, дымящегося в кадильницах, коими святые отцы размахивали в тысячах церквей, была не Европа. Эта ароматическая смола, добываемая из тропических деревьев, а также опиум и камфара, без которых не обходились аптекари, равно как и гуммиарабик, по бесчисленным караванным путям на верблужьих спинах доставлялись из знойных пустынь или плыли на утлых суденышках по Индийскому океану, прежде чем достигали места назначения.

5

У острова Колепом (называвшегося прежде островом Фредерика Хендрика) шхуна «Сонгтон» бросает якорь в ожидании охотника на крокодилов Ванусса, его людей и лодок. Сейчас они где-то в районе болот Маувекере и, верно, доставят на борт солидный груз маленьких пук-пуков. Никто, однако, не знает, когда их можно ждать. Мы идем немного в глубь узкого пролива между островами Коморан и Колепом. Дальше, в проливе Мариане, находится пост Кима'ам с тремя индонезийскими солдатами. По этой причине Альфред Миллз не осмеливается идти в глубь пролива. Я спрашиваю, нельзя ли спустить ялик и двух членов экипажа в придачу, чтобы высадить меня на берег. В ответ раздается громкий хохот.

Видя мое недоумение, Беркли поясняет:

— Остров Колепом — сплошное болото. Без проводника, знающего дорогу, ты в нем просто утонешь. Тебе когда-нибудь доводилось слышать про зыбучие пески? Так вот, болота Берега Казуарин еще хуже. Несчастного, который ступит на эту землю, болото засосет за несколько минут.

— А как же островитяне?

— Они знают тропы. И, бьюсь об заклад, охотно возьмут тебя на прогулку... чтобы по пути спихнуть в болото.

— Чем же они живут, если кругом болота?

— В глубине острова растут саговые пальмы. В основном местные жители питаются только ими... ну, и человеческим мясом, разумеется. Ты ведь знаешь, мы находимся в стране охотников за головами. Они захотят не только снести тебе голову, но и отведать твоего тела.

Перед отъездом я собрал немало свидетельств об охотниках за головами в этих краях, поэтому понимал, что Беркли не шутит. В 1957 году, когда теперешний индонезийский Ириан-Джая был голландской колонией, одно из племен Казуаринового берега напало на людей из другого племени. Те плыли в лодках и были смыты в море огромной волной. Несчастливым удалось вплавь добраться до берега, но им предстояло несколько суток идти по вражеской территории, чтобы попасть домой. Их быстро обнаружили и всех перебили. Многих съели, а в качестве трофеев охотники за головами унесли 78 голов. Голландский чиновник направился в деревню, где жило воинственное племя, и приказал возвратить головы жертв. Воины доставили на борт судна огромный мешок и бросили его к ногам голландца. Из мешка, точно кокосовые орехи, выкатилось тридцать отрубленных голов. Чиновник пригрозил сжечь их мужской дом, если они не принесут остальные головы. И когда те отказались, он приказал обстрелять мужской дом зажигательными снарядами. Но он не загорелся. Тогда на берег была высажена вооруженная группа, которая сумела поджечь этот дом. Только таким путем ему удалось получить остальные головы. Именно здесь, чуть севернее, на территории асматов, исчез Майкл Кларк Рокфеллер. Но об этом я расскажу позднее.

Вечером я сижу на палубе и смотрю на берег. Идет дождь, неторопливый поток из глубины незнакомого острова выносит мангровые корни. Запах моря смешивается со зловонием от гниющих растений, которое тянется с

суши. Внезапно из тумана возникают фигуры. словно темные статуи, стоят они в длинном выдолбленном стволе дерева и едва заметны. Впрочем, быть может, они и не гребут, а предоставляют течению заботиться о лодке. В молчании, почти не двигаясь, они неумолимо приближаются к судну, словно призраки из глубины каменного века, из той жизни, о которой вместе со смертью уходят воспоминания, к стране, где непрерывно идет дождь и реки несут свои воды в море, а солнце встает после кромешной ночной тьмы, чтобы осветить листву, ярко зеленеющую в теплоте тропического утра. «Вчера» здесь никогда не существовало, «завтра» никогда не наступит. Есть только «сегодня».

Это моя первая встреча с жителями Берега Казуарин, и я пребываю в нерешительности, не зная, как быть. В лодке, насколько я успел заметить, девять человек, в руках у каждого помимо весла лук и связка стрел. На палубе, кроме меня, никого нет: команда играет в кости в каюте на носу шхуны, Кенаи в трюме помогает Беркли кормить змей. Возможно, люди в лодке меня и не заметили, а может, они думают, что на судне вообще никого нет, и потому так осторожно приближаются, чтобы захватить его, стащить все, что найдут на борту, и скрыться так же незаметно, как появились. В голове у меня мелькает множество всяких «возможно». Но в конце концов я решаюсь подняться и посмотреть, что произойдет.

Ничего, однако, не происходит. Пироба вплотную приблизилась к шхуне, поручни которой так нависли над водой, что мне видны головы и плечи гребцов. Стоит сделать два-три шага вперед, и я смогу дотронуться до них. Чтобы окончательно убедиться в реальности происходящего, а не отнести все это на счет рома, которым меня угостил Беркли, бросаю в темноту по-английски:

— Что вам здесь нужно?

Но люди в лодке, видимо, по-прежнему меня не замечают, так как взоры их устремлены в небо.

Только теперь до моего слуха доносится какой-то странный шелкающий звук. Он становится все громче и поначалу напоминает стук копыт скачущей вдалеке лошади, но вот это уже не одна, а несколько лошадей. Их топот слышится все ближе, ближе. И тут до меня доходит, что звуки эти мне знакомы по ковбойским фильмам из моего далекого детства. Более того, я обнаруживаю их источник: это люди — вначале один, а вслед

за ним остальные — щелкают языком. Позднее я узнаю, что таким способом жители Берега Казуарин уведомляют о своем присутствии.

Как только Альфред Миллз, Кенаи и остальные члены команды услышали эти звуки, они без промедления пригласили пришельцев на палубу шхуны. В лодке островитяне оставили оружие и молодого гребца, почти мальчика. В его обязанности входило присматривать за тем, чтобы лодка не стукнулась о борт шхуны. Один из наших матросов, которого все почему-то называют Велосипедистом и который затем будет сопровождать нас по рекам, немного знает малайский и понимает, о чем говорят островитяне. По его словам, им нужна соль. Обещают за нее сообщить что-то важное.

На «Сонгтоне» соль хранится в небольших холщевых мешках, примерно по полкилограмма в каждом. Капитан Миллз велит принести один мешочек, сочтя, что этого довольно. Не тут-то было. Один из гребцов, надо полагать вожак, качает головой и поднимает правую руку, вытянув все пять пальцев.

— Пять мешков соли! Эти канаки³ совсем рехнулись! — негодует Миллз. — Послушай, Велосипедист, попытайся разузнать, что они хотели нам рассказать. Верно, про Ванусса. Попробуй вытянуть из них хоть что-нибудь.

Матрос, к которому он обращается, — коротышка с желтоватой кожей. Несведущему человеку может показаться, что он болен желтухой, но все гораздо проще: он родом с островов Кей в море Банда, для уроженцев тамошних мест желтый цвет кожи — обычный. Сейчас щеки Велосипедиста покраснели от возбуждения и лицо окрасилось в цвета испанского флага.

— Если ты полагаешь, что у охотника за головами можно что-то выведать, попытайся сделать это сам! — кричит он.

Человеку несведущему такая внезапная вспышка ярости могла бы показаться по меньшей мере странной, но дело в том, что охотники на крокодилов, обитающих в реках Берега Казуарин, знают, что представитель племени воинов не терпит отказа. Если он не может тут же убить того, кто ему отказал, то непременно затаит обиду в сердце и не преминет воспользоваться первым же удобным случаем, чтобы рассчитаться с обидчиком. И ес-

---

³ Собрательное название для аборигенов Южных морей.

ли он знает имя обидчика, то убийство последнего считается добрым деянием, ибо тем самым он преподносит подарок новорожденному младенцу своего племени. Немецкий антрополог Пауль Вирц, один из самых мужественных ученых мира, в своей книге об охотниках за головами на этом побережье пишет: «Как только охотники за головами появляются на вражеской территории, они совершают ритуал: натирают тело мелом и человеческим жиром, который приносят из дому, и на рассвете направляются к деревне с криками: „Выходите из своих хижин! Мы пришли за вашими головами! Выходите и сразитесь с нами“»⁴.

Но прежде чем убить своих врагов и отрубить им головы, они узнают их имена: голова ценится вдвое дороже, если известно, кому она принадлежит. Имя убитого приносят в дар новорожденному мальчику в своем селении. «Скажи мне твое имя, и я тебя не трону!» — кричат нападающие мужчинам, укрывшимся в хижинах. Но это лишь военная хитрость — стоит им узнать имя, и они убивают человека, чтобы овладеть его головой. По пути домой воины держат перед собой в лодке трофеи и бесчисленное число раз повторяют имена убитых.

Велосипедист сообщил прибывшим свое прозвище. Имя же он не решает раскрыть даже нам с Беркли. Ему и так становится не по себе при мысли, что в одном из селений может появиться ребенок, которого звали бы Велосипедист, ибо он имел неосторожность обидеть одного из представителей живущего там племени. И хотя у прибывших к нам воинов нет при себе соко — острых бамбуковых ножей, Велосипедист не хочет подвергать себя риску. В итоге казуаринец получает желанные пять мешочков соли без всякой компенсации.

Я же счел, что он вполне заслужил свою добычу, сказав, что чуть выше по реке Бетс встретил Ванусса. Там ожидают нас со своим грузом охотники за крокодилами. Если пустить нашу посудину полным ходом, то за сутки можно туда добраться. Беркли тоже доволен. Когда шхуна будет полностью загружена пук-пуками, она пойдет в Дару, в Папуа, где выгрузит крокодилов. Оттуда Беркли вылетит в Кэрнс. Меня же снова возьмут на борт после того, как я проведу три недели с Вануссом на охоте за пук-пуками, до этого крокодилов будут доставлять прямо в Сингапур.

⁴ Paul Wirz. Die Marind-Anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea. Hamburg, 1922—1925.

Глава вторая

Вверх по реке Бетс.— Ванусс, охотник за крокодилами.— Бесконечный дождь.— Болотная лихорадка. Тучи mosкитов.— Ловля крокодилов в темноте.— Мафия охотников за крокодилами.— Посещение асмагов

1

На заре Ванусс готовится покинуть лагерь. Я всеми силами стараюсь оттянуть минуту, когда придется выбраться из гамака, ибо именно в этот скоротечный промежуток времени между ночью и днем лучше всего думается. Верхушки деревьев уже посветлели, но здесь, у серовато-черной земли, еще господствуют ночные тени. На фоне зелени горы свертков, ящиков и орудий лова постепенно приобретают более четкие очертания. Одни носильщики и гребцы еще спят, другие проснулись. До меня доносится их бормотание. Кто-то прочищает горло. Несмотря на дождь, дневной свет становится ярче, и вот уже отчетливо видны стволы деревьев, увитые лианами.

Большой деревянной ложкой Ванусс бьет по чугунной крышке.

— С первыми лучами солнца мы должны сидеть в лодке! — кричит он. — На завтрак остановимся, когда станет теплее.

Река Бетс метрах в пятидесяти от лагеря. Неделю назад, когда мы покинули шхуну «Сонгтон», она была широкой и полноводной. Теперь берега ее сузились, в воде все чаще попадались деревья и островки травы. Мы поднялись вверх по течению, где, казалось, река с трудом пробивает себе дорогу сквозь нависшие деревья. Над нашими головами плотный зеленый ковер, но временами солнце, набирая силу, пронзает его своими острыми лучами. Со сводов этого своеобразного туннеля свисают кусты и лианы. На первый взгляд раздвинуть их нетрудно — стоит подняться, схватить одну из ветвей и потянуть. Но я уже научился воздерживаться от подобных глупостей. Многие растения сгнили. Дотронься до них —

и на тебя обрушится каскад лиан, колючих веток, мокрых листьев, полных всевозможных жуков величиной с яйцо, ящериц всех цветов и размеров, древесных клопов, которые накрепко присасываются к телу, а иногда и змей. Последние извиваются на дне лодки, пока кто-нибудь из охотников не прикончит их веслом или палкой.

Чтобы путешествовать в этих местах и остаться в живых, лучше всего по возможности избегать тесных контактов с природой. Только тот, кто полностью осознает, что находится во враждебном мире, которого ему не одолеть, может рассчитывать на возвращение без особого для себя ущерба. Ну а тот, кто тщится обуздать природу или поиграть в Тарзана, хватая свисающие лианы, будет очень скоро наказан.

Вот какие мысли одолевают меня, пока наш лагерь пробуждается ото сна. Но наконец и я вываливаюсь из гамака (самый противный момент!), разбитый, не стряхнувший с себя усталости минувшего дня, который провел скорчившись в пироге. Мое тело совсем окостенело, и виной тому не только усталость, но и дождь. С трудом натягиваю на себя рубашку и шорты. Они насквозь мокрые, хоть выжимай. А тут еще дает о себе знать голод, и умыться нельзя. Ванусс ревет прямо над ухом:

— Ну-ка все, поторапливайтесь! Тувай, прикрой свертки брезентом! Через пять минут отплываем!

Только теперь он делает вид, что заметил меня. Надо полагать, я выгляжу так, словно не меньше двух недель пролежал в гашеной извести, потому что левым уголком рта Ванусс изображает подобие улыбки.

— Ты ведь сам этого хотел,— говорит он, подходя ко мне и доставая из-за пазухи небольшую бутылку.

Оглядевшись вокруг и убедившись, что никто не видит, чем он занимается, Ванусс протягивает мне бутылку. Я с благодарностью отпиваю пару глотков обжигающего горло виски, после чего он прячет ее на прежнее место. Никто не должен видеть, что у него с собой спиртное.

— Ну, вот ты и позавтракал,— ухмыляется он.

Несколько капель виски немного взбудрили меня. Еще не очнувшись хорошенько ото сна и тревожных мыслей, я направляюсь к берегу, где в молочном тумане как бы парят лодки. Где-то над головой кричат белые какаду и огненно-красные, похожие на ястребов птицы, а над рекой и джунглями стоит зловонный запах ила и гниющих растений. Я делаю шаг в сторону, чтобы

справить нужду, но один из островитян хватает меня за руку и качает головой.

— Нет, таубада⁵, нет,— говорит он решительно.

Подошедший Ванусс поясняет:

— Здесь вокруг сплошная тина. Стоит сделать шаг — утонешь. Это как зыбучий песок. Надо отойти глубже в лес.

Ткнув меня в живот колышком от крепления палатки, он громко хохочет:

— Только смотри, чтобы там тебя не схватили охотники за головами!

Я не разделяю его веселости и, признаться, начинаю раскаиваться в том, что отправился в этот край нескончаемых болот с бандой охотников за крокодилами. Отныне Ванусс — мой господин и повелитель, я полностью завишу от его настроения. Правда, убить меня он вряд ли сможет: в Порт-Морсби или на острове Четверга кто-нибудь из его людей непременно проболтается об убийстве белого человека, да и власти быстро обнаружат, с кем я отправился в страну болот. Но ему ничего не стоит испортить мне жизнь здесь. Откажет, например, в помощи, если я заболю. Вдруг начнется приступ из-за камня в почке и потребуются немедленная операция? Или вновь меня свалит малярия? С этими невеселыми мыслями, вооруженный рулоном туалетной бумаги в одной руке и мачете в другой, я пробираюсь в глубь девственного леса.

И все-таки жизнь прекрасна, думаю я несколькими минутами позже, когда вновь оказываюсь на берегу и занимаю свое место в лодке. Да и Ванусс отличный парень, такой обходительный и простой. Мы путешествуем по земле асматов, охотников за головами, и за минувшую неделю Ванусс не раз предостерегал меня от опасностей и оказывал всяческую помощь. Он нелегально охотится за крокодилами. Ну и что? Разве есть легальные охотники на этих рептилий? Чем больше я размышляю, тем веселее становится у меня на душе. Наше путешествие представляется теперь в розовом свете. Я даже верю, что мне удастся сделать хорошие снимки, хотя аппаратура подмокла, а пленки отсырели.

Но вот заработал мотор, и мы отправляемся в путь вверх по реке. По-прежнему льет дождь. Час за часом крупные капли падают с темно-зеленой крыши отвесно

---

⁵ Уважительное обращение к мужчине на языке моту.

и с такой неумолимой регулярностью, что вновь охватывает уныние. Я страдаю от «току» — так местные жители называют хандру, которая преследует белых путешественников в джунглях страны болот. Насколько мне известно, эта болезнь не описана в медицине, однако, несомненно, она во многом способствовала восприятию островитянами белых людей. Страдающему «току», полагали они, достаточно всего нескольких капель виски или какого-нибудь другого крепкого напитка, чтобы ему море стало по колено.

— Веселые таубады опаснее грустных,— утверждает Ванусс.— Им кажется, будто они могут перевернуть мир. Когда я служил в полиции в Дару, у нас был патрульный офицер, который всегда страдал болотной болезнью (ее здесь также называют «току»), стоило нам покинуть полицейский участок и отправиться в патрульный объезд. Нам приходилось бывать среди самых отвратительных канаков, какие только имеются. Они поедали друг друга по любому поводу и без зазрения совести убили бы и сожрали нас, «правительственных» людей, если бы только могли. И знаешь, что обычно говорил этот полоумный киап⁶? «Вы наши братья. Отложим в сторону оружие, пойдем к вам в деревню, поднимемся в мужской дом и усядемся среди вождей. И они поймут, что мы желаем им добра». Я, конечно, был против, но что мне оставалось делать? Ведь он был моим начальником. Все ему сходило с рук до тех пор, пока однажды он не начал взбираться по лесенке в «хаус тамбаран»⁷. Тут появился канак с натянутым луком в руках. Он был плохим стрелком и успел лишь поразить киапа в руку, прежде чем я выстрелил в него из револьвера. Это был личный пистолет патрульного офицера, я вытащил его утром у него из ранца и спрятал за пазухой. Если бы и я был безоружным, нас бы прикончили. Но через несколько часов болотная лихорадка — возможно, из-за полученной раны — повлияла на киапа в противоположном направлении. Теперь он рвался застрелить всех, а мужской дом сжечь. Я уж и не знал, как отговорить его.

— Но тебе все же удалось это сделать? — спросил я.— Каким образом?

— Я достал бутылку виски и предложил ему глоток. Он кинул на меня злобный взгляд: «Разве ты не знаешь,

⁶ На языке ток-писин — представитель колониальной администрации, полицейский.

⁷ Общинный мужской дом.

что местной полиции запрещено брать с собой спиртное в патрульные поездки?» — «Конечно, знаю», — ответил я. «Почему же у тебя при себе фляжка?» И я ответил: «Чтобы ты мог пропустить иногда глоток, киап». Дело кончилось тем, что он приложился к бутылке, и я больше не слышал разговоров о том, чтобы спалить мужской дом.

Стоит мне подавить хандру, как я с особой силой отдаю себе отчет, с каким редкостным человеком свела меня судьба. Быть может, это объясняется его происхождением — Ванусс приходится дальним родственником жене германского кайзера Вильгельма, императрице Августе, и связан с королевскими домами Скандинавии (о чем я расскажу позднее), но, по-моему, такое впечатление о Вануссе прежде всего объясняется его великолепным знанием людей. На Западе, где значительную власть над людьми приобретают компьютеры, знание людей — качество, которое все больше отступает на задний план. Нам некогда познать друг друга, и свои впечатления мы нередко черпаем из вторых рук, через телевидение. Но в Новой Гвинее, одном из немногих уголков земли, от знания местных обычаев зависит порой, останешься ты в живых или погибнешь! Как узнать намерения человека, стоящего передо мной с копьем или луком? Натянет ли он лук, кинет ли в меня копьё, если повернусь к нему спиной? Не сумею ли я установить с ним контакт, не ходить мне по его земле. Вот почему так важно понять мотивы, по которым он, возможно, не допустит меня в свою деревню, или же условия, на которых он, напротив, разрешит проезд через его территорию.

Не менее важно для Ванусса и других путешественников этих мест изучить белых людей, с которыми им приходится сталкиваться. Киап, пусть даже он отличный служака в своем полицейском участке, может нанести непоправимый вред во время патрульных поездок, если он страдает болотной лихорадкой. Но, зная его характер и привычки, можно найти к нему верный подход, и это во многом облегчит будничную жизнь.

Свое знание людей Ванусс приобрел не из учебника психологии, он выработал необходимый опыт в процессе богатой событиями службы в полиции папуасов, а в последние годы — в качестве охотника на крокодилов. Быть может, его опыт объяснялся тем, что он любит людей, а в Новой Гвинее люди очень радуются встречам с

другими людьми, хотя порой они и убивают их. Как ни парадоксально, убийства совершаются то тут, то там по ритуальным или иным мотивам. Случалось, что с пленником обходились как с почетным гостем, пока древний обычай не повелевал его убить, сварить в земляной печи и съесть. Самое удивительное — и тому немало примеров, — что пленник воспринимал ситуацию с полнейшим спокойствием: он знал свою участь. Она неотвратима, к тому же к смерти местные жители относятся весьма прозаически. Можно видеть прокопченные трупы воинов вдоль стен. Конечно, они мертвы, но их мана⁸ продолжает жить. Свободно живет лишь тот, кто может умереть.

Возможно, именно вера в то, что все мы связаны друг с другом нерасторжимыми узами, придает особый смысл путешествию к различным племенам Новой Гвинеи. Враги мы или друзья, мы связаны друг с другом, более того, зависим друг от друга. Я завишу от Вануса, оба мы зависим от наших носильщиков и помощников — стоит им удрать, и мы погибнем от голода. А все вместе мы зависим от воинов племени асматов, на чьей земле находимся.

2

К вечеру мы приближаемся к месту охоты. Перед заходом солнца эти болотистые места во власти москитов. И хотя их нашествия не так уж неожиданны — они повторяются из вечера в вечер, — всякий раз при виде этой «пятой колонны» я испытываю шоковое состояние. Еще днем ты — человек, властелин животного мира. Но вот из болот и мангровых зарослей появляется многомиллионный рой кровососущих тварей и накидывается на все живое. Они носятся взад и вперед темными облаками и как по сигналу устремляются к своей жертве, стоит им ее обнаружить, — к теплокровному существу, в крови которого откладывают яйца.

Сравнивать новогвинейских москитов с европейскими комарами бессмысленно. Если комаров можно уподобить тихоходным жужжащим машинам, старомодным гидропланам, то их папуасских родичей — реактивным истребителям. Причем атакуют они не поодиночке, а роем.

---

⁸ В представлении аборигенов островов Тихого океана — абстрактная магическая жизненная сила, заключенная как в людях, так и в предметах.

Вначале жертва не чувствует укуса или зуда, но уже через несколько минут укушенное место, например нос или губы, настолько опухает, что порой нос сливается с губой или губа с носом. Даже местные жители с их грубелой кожей вынуждены считаться с москитами как с превосходящей силой. На берегах реки Сепик вся жизнь замирает после захода солнца. Мужчины, женщины, дети и собаки забираются в тростниковые хижиньки-футляры, где в убийственной жаре коротают ночь до тех пор, пока дневной свет не прогонит москитов в болота, дав людям небольшую передышку.

Здесь, на реках южного побережья, москиты выбирают время для атак. Если с моря дует бриз, то, каким бы слабым ни был ветерок, насекомые чувствуют его и пребывают в покое. Мы же прячемся за тончайшей сеткой в ожидании этого легкого дуновения. Моряки, плавающие в Торресовом проливе, называют «поцелуем бога» ветер, позволяющий им работать ночью под открытым небом. Только он спасает их лица от укусов крохотных хищников.

Для Ванусса и его помощников-папуасов дуновение ночного бриза означает, что можно начинать работу. Если повезет, за одну ночь они набьют в мешки столько крокодильчиков, что смогут повернуть свои лодки к берегу и ждать прибытия «Сонгтона». По пук-пукам они стреляют только в целях самообороны и ловят пук-пук-пиканинни, которым всего два месяца от роду. «Пиканинни» на местном наречии означает «дитя». Добычу в некоем подобии садка отправляют на крокодилью ферму в Порт-Морсби или в Сингапур. Там их выпускают в бассейны, где они растут до тех пор, пока можно будет снять с них кожу. Из крокодиловой кожи делают сумки, чемоданы, обувь и т. п. Значительная часть великолепных крокодиловых кож поступает из устьев рек залива Папуа, Торресова пролива и Арафурского моря.

Отлов молодежи лишен драматизма, но опасен. Ванусс и один из его помощников, Джек с Кейп-Йорка, крадучись пробираются в темноте к берегу, вооруженные палкой, мешком и карманным фонарем. Откровенно говоря, у меня нет ни малейшего желания следовать за ними, но как иначе описать путь, который проходит крокодиловая кожа от поймки животного до того момента, пока его кожа не превращается в дамскую сумочку, если самому не проследить за этим? Дождь кончился. Луна прикрыта тяжелыми облаками, и это хорошо: в полно-

лунне ловить пук-пуков невозможно. С непривычки я пробираюсь на ощупь, и мои неуклюжие ноги вызывают вполне понятное раздражение Ванусса; он убежден, что я перебужу всех животных на милую вокруг.

Наконец мы достигаем берега. Еще несколько часов назад я видел здесь множество крокодилов, которые не жились на солнышке на песчаных отмелях в лагуне. Сейчас кромешная тьма. Мы осторожно входим в илистую воду.

— Почему пук-пуки не живут среди мангров? — спрашиваю я.

— Они и там живут,— шепчет Ванусс.— Только помолчи, не то спугнешь добычу!

Мы стоим в грязи. Время кажется мне вечностью. Я не смею сделать ни шага в сторону, опасаясь провалиться в бездонную трясину. Внезапно слышится всплеск. Ванусс тотчас зажигает карманный фонарь и направляет луч туда, откуда донесся звук. В нескольких метрах от нас видна широко разинутая пасть огромного крокодила. Я с трудом сдерживаю крик, но Джек без промедления ударяет по воде палкой, и чудовищная рептилия, шлепнув по воде хвостом, скрывается.

— Если бы крокодил был голоден, он кинулся бы на нас?

— Да, только сделал бы это чуть раньше,— отвечает Ванусс.

Он гасит фонарь, и мы снова оказываемся во власти тьмы. Густой, как выложенная на тарелку овсяная каша, ил мне по колено. Время от времени я чувствую, как он слегка колышется. Что, если это крокодил в глубине? Я боюсь тронуться с места и молю лишь о том, чтобы крокодил (если это он) не принял мои ноги за корни мангров и не пожелал познакомиться с ними поближе.

Яркий луч фонаря, направленный к берегу, ослепил крокодильчика длиной не более 30 сантиметров. Ванусс бросается туда, держа в одной руке фонарь, а другой хватая детеныша. Подошедший Джек затягивает петлю вокруг пасти. Крепко связанное животное запихивают в мешок.

— Ослепленный детеныш пук-пука не в состоянии шевелиться,— поясняет Ванусс.— Но более взрослый крокодил может с такой силой хлопнуть хвостом по воде, что фонарь будет весь в грязи и станет темно. Тогда

крокодил, если только мы не ударим по воде палкой, тут же устремится в атаку.

— А не лучше ли охотиться вооруженным?

Ванусс так не считает. Охотники на крокодилов носят при себе оружие только для защиты от канаков.

Но ночью ни один канак не осмелится выйти из деревни. Стрелять же во взрослого пук-пука, чтобы убить его с расстояния в несколько метров, бессмысленно. Можно произвести по нему шесть-семь выстрелов, но лишь в редких случаях пуля пробьет кожу и умертвит животное. Вот почему удар палкой по воде и поднятые брызги — более надежное средство защиты.

Отлов крокодилят длится всю ночь. На рассвете в садке, который движется на буксире за лодкой, двадцать два детеныша.

3

Вануссу лет тридцать. Он пропитан запахом крокодилов, как, впрочем, и все вокруг: лодки, палатка, даже кастрюли. Мне доводилось слышать, что запах крокодилов напоминает зловоние протухшей рыбы, но, по моему, это не совсем так. Он сладковат, но не удушлив, в нем есть что-то от запаха ила и гниющих растений, и, как ни странно, он напоминает дым костра. Отделаться от него непросто, он словно впитывается в вашу кожу и одежду. И, как мне кажется, вызывает у человека комплекс неполноценности. По крайней мере я испытал это на себе: люди отходили в сторону, потому что от меня несло крокодилом. Так поступали те, кто знал происхождение этого запаха, полагая, что я член «мафии пук-пуков». Другие же объясняли его моей неопрятностью.

Никакой романтики в понятии «мафия пук-пуков» нет. Каждый, кто так или иначе связан с крокодилами, — независимо от того, ловит он их, переправляет или сдирает с них шкуру, — считается членом банды мародеров, промышляющих в Индонезии, Новой Гвинее, Малайзии и в других местах, где ловят этих животных. И хотя я очень поверхностно знаком с их ловцами, смею все же утверждать, что им далеко до тех преступлений, которыми славятся мафии в Италии или в США. Разумеется, нельзя отрицать, что в известной степени они поставили себя вне закона и в буржуазном обществе им места нет. Так, Велосипедист бежал с островов Кей, стал ловцом жемчуга на островах Ару, где убил человека. Когда голландские владения перешли к индонезийцам, на Новую

Гвинею и Кейп-Йорк устремился поток беженцев, и среди них был Велосипедист. Теперь он живет здесь и сводит концы с концами, переводя с малайского и занимаясь доставкой крокодилов. В Джеке течет кровь австралийских аборигенов. В свое время он был принят в педагогическое училище, находящееся недалеко от Сиднея, но там, по его словам, ему не давали житья другие учащиеся, особенно дети итальянских и греческих иммигрантов, и все потому, что мать его аборигенка. Он избил двух соучеников, и из училища его выгнали. Так он стал охотником за крокодилами. Ванусс работал в полиции в Дару, когда Папуа было австралийской колонией, но что-то там произошло, о чем он не пожелал мне рассказать, и он также стал охотником на пук-пук. Заручившись связями в индонезийском поселке Мерауке⁹, он имеет возможность плавать по рекам и ловить крокодилов. Но где его настоящий дом, он и сам толком не знает.

Наступил день, когда наши запасы провианта подошли к концу. Ванусс предложил купить саго в поселке, который, по его расчетам, должен находиться выше по реке. И в самом деле, в полдень мы подплываем к берегу, где над десятком небольших хижин возвышается «йеу» — мужской дом асмагов. На заболоченном берегу валяются деревья, и, чтобы добраться до хижин, пришлось выйти из лодки и балансировать на грязных, скользких стволах. Теперь главное — установить контакт с местным мужским населением и определить, как оно настроено к нам. Беда в том, что оно вряд ли понимает по-индонезийски, а человека, понимающего асмагов, среди нас нет.

Мне настрого приказывают спрятать фотоаппараты. Ванусс добывает свой хлеб насущный именно в этих местах, и для него особенно важно поддерживать дружеские отношения с местным населением. Одно то, что он привез с собой белого человека, настораживает местных жителей. Если же этот белый станет направлять на них какие-то диковинные предметы, это может обернуться для Ванусса не только потерей выгодных районов промысла, но и опасностью для всех нас. На всякий случай Велосипедист и Джек из Кейп-Йорка держат за-

⁹ Административный центр в южной части индонезийской Новой Гвинеи, Ириан-Джая.

раженные ружья под брезентом. Едва асматы с длинными деревянными копьями в руках вышли на берег, мои спутники достали большие камни и, подняв их над головой, принялись бить ими друг о друга.

На земле асматов нет камней, поэтому трудно найти лучший товар для торговли. Всякий раз, когда «Сонгтон» проходит мимо каменистых берегов, команду посылают за камнями для балласта. Вместо того чтобы загружать трюм, куда Ванусс и другие охотники на крокодилов помещают в садках свою добычу, их переносят в лодку и затем доставляют по рекам жителям болотистых мест. Таким путем Ванусс переправил в деревни не одну тонну камней. Местные жители делают из них орудия, дубинки или наконечники копий. Мелкие камешки служат разменной монетой, в других местах Новой Гвинеи деньгами служат ракушки. Камни символизируют также положение в общине. У датчан есть такое выражение: «каменно богат». Асматы вполне могли бы его понять, поскольку на их земле тот, у кого больше камней, считается человеком зажиточным и пользуется уважением. Что же касается женщин, то они не могут владеть камнями. Впрочем, здесь они вообще ничем не могут владеть.

Слово «асмат» означает «настоящий человек». Асматы считают себя единственными настоящими людьми на земле. Это не мешает местному вождю после церемонии в йеу разрешить пришельцам ступить на его землю, чтобы начать торговлю с жителями.

— Ненавижу это представление, — говорит Ванусс. — Чувствуешь себя униженным. Но для меня оно необходимо, чтобы раздобыть провизию.

— Что ты считаешь унижительным?

— А вот эту самую йеу! Подожди, сейчас сам увидишь!

Вскоре я имею возможность наблюдать всю церемонию. Два воина-асмата кладут копья на землю, подходят к лодке, где разместились Ванусс, Велосипедист и я, и помогают нам перебраться на берег. Переправа проходит в полном молчании — ни приветственного жеста, ни дружеского слова. Вид у асматов такой, словно они собрались на похороны. Обеспокоенный, я обращаюсь к Вануссу за разъяснением.

— Видишь ли, пока они не могут с нами говорить, — отвечает он. — Мы для них всего лишь вещи. Чтобы стать настоящими людьми или чем-то похожим на людей, не-

обходимо пройти через йеу. Если бы они сейчас спросили, как тебя зовут, и ты ответил бы, это означало бы, что тебе вынесен смертный приговор. Они весьма вежливы, потому молчат.

Тем временем на берегу появились женщины и дети, и мы впервые услышали местную речь. Высокий широкоплечий мужчина выкрикивает какие-то приказания женщинам, и те выстраиваются цепочкой от берега до мужского дома. В носу у него продета палочка, а на лбу — повязка из бересты. Больше на нем ничего нет. Мужчина опять выкрикивает что-то вроде «йоу-йоу», и женщины, повинаясь команде, расставляют ноги, выпячивают живот и откидывают плечи.

— Вот, пожалуйста, нас приглашают,— говорит Ванусс.

— Куда?

— В йеу! Тебе придется проползти между ног всех женщин до самого мужского дома. Только тогда тебя в какой-то степени признают эти люди. Во всяком случае, ты перестанешь быть просто вещью и приблизишься к настоящему человеку, хотя, разумеется, не достигнешь высокого статуса самих асматов.

Тон, которым Ванусс произносит эти слова, бесстрастный, но на его губах я улавливаю едва заметную усмешку.

— И что же, мне придется начинать первому?

— Да, и как можно энергичнее, потому что ты — белый человек. Бледнолицые в этих местах особой репутацией не пользуются.

Поддерживаемый двумя воинами, я схожу на берег. Идти приходится по жидкой грязи — не суша, а сплошное месиво из глины и грязи. Женщины здесь такие низкорослые, а я такой высокий, что не остается ничего иного, как распластаться на животе и по-пластунски месить грязь, чтобы пролезать между ногами. Я ползу словно по живому коридору из полусотни раскачивающихся ног. Повернуть голову и взглянуть наверх я не решаюсь. Процедура утомительная и непривычная для меня, но я в отличие от Ванусса не нахожу ее такой уж неприятной. Напротив, позу женщин я воспринимаю как знак дружелюбия. И хотя, бесспорно, асматами во многом движет чисто торговый интерес, все же, по-моему, жители деревни искренне хотят установить с нами контакт и этой традиционной церемонией выказывают нам свое доверие. Жаль только, что нельзя попросить Ва-

нуса сфотографировать неповторимую картину того, как воины-асматы принимают меня в свою среду.

Подняться в мужской дом — задача не из легких. Ту-да ведет так называемая лестница — жердь с несколькими зарубками. Но меня мигом окружают воины и, подтолкнув сзади, буквально впихивают в узкое отверстие — вход в йеу. Вскоре там же оказываются Ванусс и его помощники. И тут асматы хором начинают говорить. Кажется, будто слова исходят из глубины живота. И хотя мы не понимаем ни одного из них и не можем им ответить, они продолжают говорить.

— Так всегда, — замечает Ванусс. — Теперь, по их убеждению, мы наполовину асматы и должны их понимать.

Я осматриваюсь. Мужской дом — довольно большая хижина, метров тридцать в длину. Полом служат тонкие бамбуковые палки. В разных местах хижины установлено шесть опор, украшенных довольно изящной резьбой, — это юресу. Тут собираются духи предков, и мужчины могут с ними побеседовать. По-моему, Ванусс произвел на воинов благоприятное впечатление, положив три камня перед одной из опор. Мужчины и подростки (женщинам доступ в мужской дом категорически запрещен) спят на голом, без всяких подстилок, полу. На их телах множество ран, но от чего они — от лежания на остром бамбуке или от соприкосновения с очагом, сказать трудно. В каждой хижине имеется очаг — йовсе, грубая чаша из затвердевшей грязи, в которой поддерживается огонь. По ночам здесь бывает холодно, и мужчины придвигаются к очагу так близко, что угли нередко попадают им на тело. Глиняной посуды асматы не знают, пищу жарят прямо на углях.

В мужском доме мы сидим не менее часа. Я о многом хотел бы расспросить мужчин, но с нами нет переводчика. К тому же я боюсь неловким словом или жестом напортить Вануссу и тем самым лишиться его возможности вернуться в эти края. Он уже успел обменять камни на такое количество саго и бананов, что теперь провизии хватит на неделю.

— Самое трудное впереди, — говорит Ванусс, глядя, как из лодок носят камни. — Самое трудное — уйти из деревни.

— По-твоему, они не захотят нас отпустить?

— Сам увидишь.

Когда, закончив обмен, мы собираемся прощаться,

один из мужчин, очевидно вождь, загоразживает нам выход. На лице его не видно улыбки, но нет и недовольства или гнева. Кто знает, может, он из вежливости не хочет, чтобы мы уезжали. И тут я вижу, как Ванусс обеими руками обхватывает вождя за талию и прижимается к нему животом. Вождь молча трется животом о Ванусса. Наступает мой черед.

— Сними рубашку и подари ему,— шепчет Ванусс.— У асмагов не принято прощаться с прикрытым животом.

Предложение Ванусса не привело меня в восторг, но за три десятка лет путешествий среди народов, живущих в примитивных условиях, я усвоил главное: либо ты следуешь местным обычаям, либо должен бежать из страны. Получив в подарок дорогую рубашку сингапурского производства, вождь никакой радости на лице не выражает, но по тому, как задрожали мышцы его живота, я делаю вывод, что он доволен. Он с такой силой трется о мой живот, что я вынужден откинуться и едва не падаю на острый бамбук.

— Прижмись к нему! — кричит Ванусс.— Покажи, что ты воспитанный человек! Ты вернешься к себе в Европу, а мне до конца дней придется покупать здесь саго. Так что постарайся помочь мне.

Чем же я хуже этого вождя? Во всяком случае, живот у меня побольше, чем у него. Но когда вождь оставил меня в покое, его сменили другие воины.

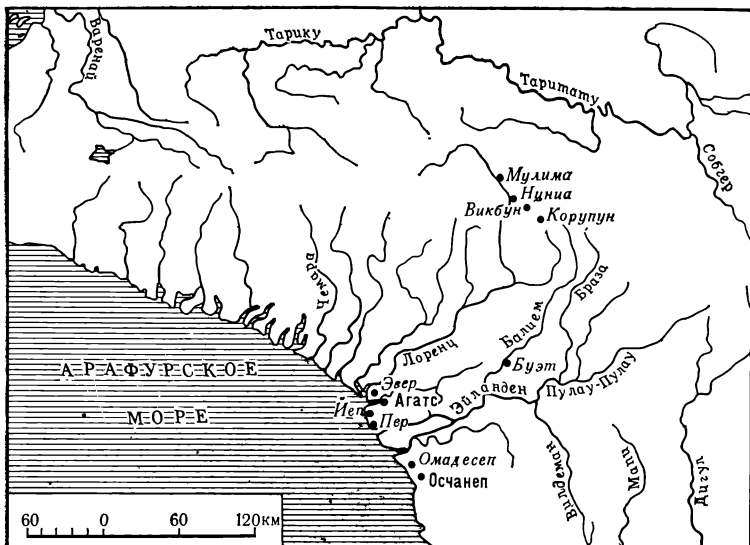
Час спустя я наконец достиг лодки — в буквальном смысле слова протер животом путь к ней из мужского дома. Но еще много дней у меня болели все мышцы.

Земля асматов.—Роковое путешествие Майкла Рокфеллера на катамаране.—Майкл пытается вплавь добраться до берега.—Поиски, организованные губернатором Нельсоном Рокфеллером, не дают результатов. Был ли Майкл найден охотниками за головами из Осча-непа?—Рассказ миссионера Хекмана.—Как ведется охота за головами.—Посвящение в мужчины. Ванусса поймали охотники за головами

1

Асматы живут на территории, бóльшую часть которой составляют болота. Они образуются устьями рек, впадающих в Арафурское море, и, подобно мощным щупальцам спрута, высасывают землю из-под кустов и деревьев девственного леса, чтобы в период приливов частично возратить ее обратно. Гигантская низменность заросла непроходимыми джунглями: если прорубить в них тропу, за две недели она полностью зарастет. Тысячи не отмеченных на карте рек прорезают район между реками Торпедобоот на западе и Кути на востоке, Казуариновым берегом на юге и высоченными вершинами центрального нагорья к северу.

Никто не знает, сколько проживает тут асматов. И хотя индонезийские власти приняли управление бывшим голландским патрульным постом Агатс неподалеку от устья реки Эйланден, эта земля осталась такой же, какой была на заре человечества. Несмотря на наличие миссионерских станций, по-прежнему поступают сообщения об охоте за головами. Умиротворить здешние племена нелегко, по-видимому, по двум причинам. Когда голландцы после нападения Японии во время второй мировой войны вынуждены были покинуть Берег Казуарин, земля асматов осталась ничейной. Прошло всего несколько месяцев, и около десятка самых сильных вождей возобновили охоту за головами, которая и сегодня служит излюбленной темой разговоров среди местных племен. Именно тогда они почувствовали, как легко на-

Юго-восточная часть Ириан-Джая (Индонезия)

рушить колониальные порядки, и голландской администрации так и не удалось восстановить их после войны.

Другая причина воинственности местных племен — управление этим регионом индонезийцами. С 1963 года, когда они получили это право, ужесточился административный режим, и тем самым сразу же были перечеркнуты слабые попытки умиротворения, которые предпринимали до них голландцы. В этих местах осталось лишь несколько голландских миссионеров. Среди них Ян Смит, создавший скромную школу в деревне Пиримапоан. Индонезийский патрульный офицер в Агатсе Фимбаи, в чьей административной власти находилась деревня, решил закрыть католическую миссионерскую школу, считая ее «проявлением западного империализма». Однако асматам нравились Ян Смит и дело, которым он занимался, они не хотели посещать индонезийскую школу, открытую рядом с католической. Отцы запретили детям переходить туда. Тогда Фимбаи приказал вооруженным солдатам окружить школу и силой вывести оттуда детей. Яна Смита вызвали в Агатс. Фимбаи объявил его американским шпионом, приказал выйти на причал и опуститься на колени, после чего его расстреляли. Позднее

индонезийские власти объявили, что патер Смит казнен за «оскорбление Индонезийской республики».

Фимбаи намеревался казнить и другого голландского священника, патера Антони ван дер Ваува, но тому удалось скрыться в хорошо укрепленной местной деревушке, где солдаты не сумели до него добраться.

Никто, собственно, и не интересовался асматами до тех пор, пока на их земле бесследно не исчез Майкл Кларк Рокфеллер, сын Нельсона Рокфеллера, губернатора штата Нью-Йорк. 18 ноября 1961 года катамаран с четырьмя людьми на борту следовал от Агатса до деревни Атс, расположенной в узкой части реки Эйланден, которая выше по течению носит название Бетс. (Некоторые, правда, называют ее Бетс на всем протяжении от самого устья.) Именно на этой реке промышляют Ванусс и его помощники.

Двое путешественников были белыми — двадцатитрехлетний Майкл Рокфеллер и его голландский коллега Рене Вассинг, а двое других, Лео и Симон, — местные проводники из деревни Шуру близ Агатса. Экспедиция намеревалась посетить несколько асматских деревень, чтобы собрать этнографический материал для Нью-Йоркского музея первобытного искусства, одним из учредителей которого был Майкл Рокфеллер. Около двух месяцев они ездили по окрестным деревням и выменивали стальные топоры, табак и камни на всевозможные редкие изделия из дерева, характерные для асматской культуры. Особенно их интересовали бисы — резные деревянные столбики, вокруг которых, по убеждению асматов, собирались души умерших предков. Разыскивали они также куши — разукрашенные человеческие черепа.

Катамаран состоял из двух пирог — длинных долбленок, скрепленных между собой на манер понтонов на расстоянии двух метров. Между пирогами положены бамбуковые рей, связанные лианами и выполняющие роль палубы, на которой разместилась примитивная бамбуковая хижина для защиты людей от дождя и ветра. На корме был установлен подвесной мотор в восемнадцать лошадиных сил.

Накануне Майкл показал катамаран двум братьям из католической миссии Крозье и сообщил, что катамаран назван именем Чинасапича — самого способного среди асматов резчика по дереву. По словам Майкла, они с Вассингом полностью освоили вождение судна. Правда, он забыл — или не захотел — добавить, что Роб Эйб-

ринк Янсен, продавший ему в Мерауке катамаран, особо предупреждал не перегружать его и не пересекать устье реки Эйланден. В прилив и отлив течение усиливается, оно обычно вызывает волну высотой до семи метров, и лишенный киля катамаран легко может перевернуться.

Но Майкл Рокфеллер и Рене Вассинг пренебрегли этими предостережениями и в сопровождении Симона и Лео тронулись в путь. Пока они находились вдали от устья Эйланден, оснований тревожиться не было. Правда, море было беспокойным, но волны набегали неторопливо, и четверке путешественников удавалось удерживать катамаран в нужном положении. Однако наступил момент, когда они заметили, что отлив из Эйландена нагоняет волну. Мотор катамарана слишком слаб, и суденышко относило все дальше в открытое море. С каждой минутой качка становилась опаснее, лодки-понтонны заливало водой.

Майкл управлял мотором, остальные что было сил вычерпывали воду, но она все прибывала. Неожиданно высокая волна с силой ударила в нос и борт, захлестнув катамаран. Мотор заглох. Судно начало тонуть, а высоченные волны грозили вот-вот его перевернуть.

До берега оставалось чуть больше полутора миль. Правда, в этих водах много акул, а в устье реки водятся крокодилы, но для хорошего пловца это не слишком опасно. Однако ни Майкл, ни Рене не хотели покидать катамаран, на котором находились все запасы продовольствия, товары для обмена с местными жителями и киноаппаратура. Они решили отправить Лео и Симона за помощью. Те вылили содержимое двух канистр и, прижав их к себе как спасательные пояса, попрыгали в воду. Никто не тешил себя надеждами, все четверо знали, что на несколько сотен метров от берега тянется полоса болотного ила — слишком густого, чтобы преодолеть его вплавь или на лодке, и слишком жидкого, чтобы выдержать вес человека. Он, словно зыбучий песок, способен засосать все, что попадет на его поверхность. Во многих местах ил доходит до груди. В довершение всего над болотом бесчисленными тучами висели кровожадные москиты, готовые облепить несчастную жертву. Но если Симону и Лео все же удастся добраться до твердой земли, они рискуют наткнуться на асмагов, которые вряд ли станут с ними церемониться и скорее всего прикончат обоих пришельцев, чтобы полакомиться ими и от-

рѣзать головы. Одна надежда, что им крупно повезёт и они встретят островитян, дружески относящихся к миссиям в Агатсе, Шуру или Пиримапоане. Только тогда можно рассчитывать на помощь.

Вечером перед катамараном вырастает огромная волна. Майкл и Рене прижимаются к лодкам, но волна настолько велика, что хрупкое суденышко переворачивается. Палуба развалилась, бамбуковую крышу снесло. Провизию, товары, снаряжение смыло за борт. Единственная надежда спастись — крепче держаться за оставшуюся лодку. Но их все дальше относило в море. Ночь прохладная, вода ледяная. Когда забрезжил рассвет, перед глазами у несчастных еще был виден берег, но уже на востоке. И тогда Майкл решается плыть к берегу, считая это последним шансом спастись. Видимо, Симон и Лео погибли или попали в плен к какому-нибудь местному племени. Если хотя бы один из оставшихся в живых не достигнет берега и не найдет помощи, их так далеко унесет в море, что отыскать будет невозможно. Как полагал Рене Вассинг, до берега четыре-семь миль. Но он неважный пловец. Майкл же отлично плавал кролем. И все-таки Рене решительно возражал против его плана.

— Это чистое безумие, — твердил он Майклу (и повторял позднее перед комиссией по расследованию). — Течение у берега может быть таким сильным, что тебе не выбраться, даже если ты будешь в каких-нибудь десяти-пятнадцати метрах от берега.

Но его доводы оказались бесплодными. Майкл неожиданно схватил красный бензиновый бачок от подвесного мотора и прыгнул с ним в воду. Его последними словами, которые расслышал Рене, были:

— Я думаю, мне это удастся.

Рене проводил его глазами, но вскоре Майкл скрылся из виду. Море разбушевалось, утлое суденышко то и дело проваливалось, и только по прошествии нескольких минут Рене удалось разглядеть береговую линию.

Примерно часов через восемь, когда он уже потерял всякую надежду на спасение, ибо катамаран, вернее, то, что от него осталось, отнесло далеко в Арафурское море, беднягу обнаружил гидросамолет голландских военно-морских сил, высланный на поиски пропавших. Покружив над разбитым суденышком, он сбросил вниз резиновую спасательную лодку. До нее было каких-нибудь 25 метров, но Рене с величайшим трудом добрался до

лодки и только тут обнаружил, что она перевернулась вверх дном. Это означало, что он потерял возможность воспользоваться провиантом и веслами. В первый момент Рене утешал себя мыслью, что с самолета засекали его местоположение. Но тут раздался звук, от которого у него на лбу выступили капельки пота, хотя наступил вечер и вода была холодная: из резиновой лодки вышел воздух. На море спустилась темнота. Рене лежал, погруженный в воду, словно мешок. Остатки катамарана исчезли в волнах, и найти их он уже был не в состоянии. Ночь он провел держась за лодку, напоминавшую чашу.

Утром снова появился самолет. Он немного покружил, но, видимо, ничего не обнаружив, взмыл ввысь и скрылся, и вновь надежда покинула Рене. Когда неожиданно самолет возвратился, пилот несколько раз помахал крыльями в знак того, что обнаружил потерпевшего. Через два-три часа голландская шхуна «Тасман» подобрала его на борт. Первое, о чем он спросил:

— Вы нашли Майкла?

Но Майкл бесследно канул, невзирая на самые тщательные поиски. Весть о его исчезновении была передана по радио. Не прошло и суток, как губернатор Нельсон Рокфеллер вместе с дочерью Мэри на реактивном самолете вылетели в Биак, откуда они через Холландию (Джаяпуру) на небольшом самолете отправились в Мерауке. Далее голландский губернатор Платтеел вместе с Нельсоном Рокфеллером возглавил экспедицию в страну асмаатов в надежде найти молодого американца в живых. Австралийцы направили вертолеты. Патрульные суда, моторные катера миссионеров и пироги охотников за крокодилами также приняли участие в розысках, прочесывая многочисленные реки и проверяя местные деревни. Но поиски не дали никаких результатов. Восемь дней спустя Нельсон Рокфеллер вместе с дочерью возвратился в Нью-Йорк.

2

Что же случилось с Майклом Рокфеллером?

Его считали опытным путешественником по труднодоступным районам Новой Гвинеи. В ходе предыдущей экспедиции он доказал, что умеет справляться с трудностями и не терять головы в опасных ситуациях. К тому же он не раз подтверждал свою репутацию отличного пловца, способного преодолеть сильное течение и достичь берега даже во время отлива. Вместе с тем — и

это особо отмечал Рене Вассинг — он отличался крайней непоседливостью и нередко форсировал события в ущерб делу. Такому человеку рискованно путешествовать в одиночку, когда он предоставлен на милость местным племенам. В начале того же, 1961 года он принимал участие в экспедиции гарвардского музея Пибоди к примитивным племенам долины Балием (которые мы позднее также посетим), после чего тамошние миссионеры обратились в голландскую администрацию с жалобой: члены экспедиции натравливали местные племена друг на друга ради того, чтобы заснять на пленку кровавые стычки между ними.

Для расследования из Гааги была направлена парламентская комиссия, которая пришла к следующему заключению: неразумно допускать эту экспедицию в глубинные районы страны, ибо всего через два месяца с момента ее прибытия вокруг Курулу (места стоянки экспедиции) начались столкновения между племенами. Семь человек погибло, более десяти было ранено. Отчет комиссии свидетельствовал, что местных жителей снабжали топорами, подстрекали испробовать холодное оружие на воинах другого племени. Все это делалось для того, чтобы члены экспедиции могли снять нужные кадры на пленку.

После завершения названной экспедиции Майкл Рокфеллер снарядил в страну асматов собственную экспедицию. На сей раз, как я уже упоминал выше, ему хотелось раздобыть для музея первобытного искусства изделия из дерева и куши. Голландский чиновник в Мерауке не скрывал, что присутствие в этих местах Майкла Рокфеллера во многом способствовало оживлению охоты за черепами. Представители различных деревень приходили к губернатору с просьбой разрешить им охоту за людьми. «Всего лишь на одну ночь, туан!»

Майкл Рокфеллер предлагал им неслыханное вознаграждение — десять стальных топоров! — за голову. И это в местах, где приходится платить очень много за одни только камни для изготовления топора, а за невесту отдают всего один стальной топор. У местных жителей могло сложиться представление, что воины деревни, которой посчастливится раздобыть голову самого Майкла Рокфеллера и украсить ею мужской дом, обретут неслыханную силу и одолеют всех врагов. Сам Майкл был настолько неосторожен, что сообщал асматам свое имя... Они хорошо знали «Майка», а это здесь не менее опас-

но, чем миллионеру разгуливать по улицам Нью-Йорка. Вместе с Рене Вассингом, который также участвовал в предыдущей, весьма нелегкой экспедиции, он посетил не менее полусотни деревень, где далеко не всегда проявлял достаточно такта и понимания. В июле Майкл и его спутники побывали в деревне Осчанеп, где несколько лет назад голландский патруль открыл огонь по местным жителям. Неудивительно, что те уже имели неоплаченный счет к белым людям. Осчанеп расположен неподалеку от берега, который, как полагают, мог достичь Майкл, если ему удалось бы доплыть туда от того места, где находился катамаран.

Но сумел ли он проплыть это расстояние?

Рене Вассинг убежден, что до берега Майкл не добрался. Поначалу, должно быть, плыть ему помогал прилив. «У него было слишком мало времени, чтобы достичь твердого дна, прежде чем отлив потянет его обратно в море,— утверждал Вассинг.— Даже в трех десятках метров от берега течение настолько сильное, что тянет пловца в море».

Многие возражали Вассингу, хотя и одобряли его попытку уговорить Майкла Рокфеллера остаться на катамаране. Сумели же Лео и Симон, которые плыли к берегу во время отлива, достичь его. А ведь Майкл плавал не хуже этой пары. Они нашли в себе силы преодолеть опасную илистую полосу и вышли к деревушке под названием Пер. Оттуда им помогли добраться до Агатса, где они сообщили миссионерам о случившемся.

Полагают, что Майкл должен был добраться до берега километров на двадцать ниже, южнее устья реки Эйланден. Этот район кишит крокодилами. Но, ударяя по воде бачком из-под бензина, он сумел бы отогнать их в случае нападения. К тому же и болото здесь не такое глубокое, как в других местах, вряд ли оно его засосало. По свидетельству Яна Смита, миссионера из Пиримапоана, позднее убитого индонезийцами, он был последним, кто имел контакт с Майклом Рокфеллером. Его миссия находилась ближе других к Осчанепу. Позднее он видел островитян, которые несли одежду Рокфеллера и показали ему кости, якобы принадлежавшие молодому американцу.

Обо всем этом он писал брату в Голландию. В 1965 году голландская газета «Де телеграф» опубликовала эти сведения, но к этому времени Смит не было уже в живых, и уточнить его показания не пред-

ставилось возможным. Не исключено, что одежда, о которой писал Смит, была оставлена Рокфеллером еще во время июльского посещения Осчанепа. Что же касается костей, то установить их принадлежность тому или иному человеку отнюдь не просто.

Однако уже в марте 1962 года, то есть спустя четыре месяца после начала розысков Рокфеллера, другой голландский миссионер, Виллем Хекман, утверждал, что Майкл был убит воинами из Осчанепа, которые схватили его, едва он выбрался на берег. В одном из писем семье на родину Хекман сообщал, что жители этой деревни рассказали ему о случившемся и добавили, будто череп убитого находится в мужском доме в Осчанепа. Удивляться тому, что Хекман не расследовал дело дальше, не приходится, ибо вскоре западная часть Новой Гвинеи (Западный Ириан, ныне Ириан-Джая) отошла к Индонезии и миссионерам разрешали оставаться на своих местах только в случае, если они прекратят публичные высказывания. Мы ведь помним, что произошло с Яном Смитом. Вряд ли можно упрекать Виллема Хекмана за его молчание: он ведь принадлежал стране, к которой новая власть относилась тогда с величайшей подозрительностью. Это были трудные месяцы для голландской администрации на Новой Гвинее. Вполне возможно, именно этим объясняется то обстоятельство, что заявление Хекмана было ею опровергнуто.

И все же трагическая история не заглохла совсем. В 1964 году беженцы из земли асмаатов добрались до торгового и административного центра Дару, в австралийском Папуа. Многие из них (около 35 человек) утверждали, будто среди асмаатов широко распространено мнение о том, что Майкл Рокфеллер был убит воинами из Осчанепа, «сварен и съеден с саго».

Я делаю все возможное, чтобы уговорить Ванусса заглянуть в Осчанеп. Но он не решается, и я не упрекаю его за это. По обоюдной договоренности всякий раз, когда мы проплываем мимо деревни, где может находиться представитель индонезийско-папуасской администрации, я ныряю под брезент. Мы тщательно осматриваем берег, чтобы определить, нет ли там моторной лодки: ведь если кто-либо обнаружит, что Ванусс тайком провез белого человека, который не занимается охотой на пук-пуков, у него могут быть неприятности. Вот почему

Ванусс не решается отвезти меня в Осчанеп. Сам-то он там бывал, и не раз.

— Ты что-нибудь узнал про Майкла Рокфеллера?

— Нет.

— Почему же?

Ванусс сердится:

— За кого ты меня принимаешь? Разве ты не знаешь, что я не понимаю языка местных жителей? До того как ты завел речь об этом Рокфеллере, я и понятия не имел о его существовании! И намерен забыть о нем как можно быстрее. В этих краях не следует разыскивать следы пропавших людей. Это опасно. Во всяком случае, может помешать твоим собственным делам. Мое дело — крокодилы... На все прочее мне плевать!

Вот примерно в таком духе высказался Ванусс по делу Рокфеллера.

Впервые деревня Осчанеп упоминается в 1952 году, когда китайцы, охотники за крокодилами посетили деревушку в надежде выменять у местных жителей саго и трепангов, которых те ловят у берегов. Но, к несчастью, прибыли китайцы на лодках из деревни Омадесеп, враждовавшей с Осчанепом. В возникшей перепалке китайцы приняли сторону омадесепцев. Тогда погибло шесть женщин и двое мужчин из Осчанепа. В декабре 1955 года голландский патрульный офицер Роб Эйбринк Янсен, добравшись с местными полицейскими до Осчанепа, обнаружил, что жители деревни приготвили к обороне. Поперек реки были навалены стволы деревьев, повсюду установлены ловушки с острыми кольями. Не желая кровопролития, Эйбринк Янсен повернул обратно.

Между тем жители Омадесепа уже познали вкус крови. В 1957 году им удалось убить семерых воинов из Осчанепа, когда те возвращались домой. Несколько месяцев спустя воины Осчанепа устроили засаду около реки Эвта и убили двенадцать врагов. В мужских домах обеих деревень появлялись куши, там непрерывно происходили ндао покумбуи — церемонии, связанные с охотой за головами. И так как юноша в этих местах может жениться лишь после того, как предъявит воинам отрубленную голову врага, не приходится удивляться, что именно в те годы заключалось столько браков. Мало-помалу страсти улеглись, куши стало меньше. Но в целом, как говорят, для жителей обеих деревень — Омадесепа и Осчанепа, — это были «урожайные» годы.

В 1958 году голландские власти решили положить ко-

нец бессмысленной бойне. Полицейский инспектор Диас и его помощники арестовали 11 жителей деревни Омадесеп, обвинив их в убийстве отсчанепцев. В надежде образумить местных жителей полицейские сожгли их мужской дом, изъяли оружие и продырявили боевые пироги.

Тем временем другой патрульный офицер, Лапре, попытался атаковать деревню Осчанеп, чтобы навести там порядок и восстановить власть. Обнаружив, что деревня превосходно защищена, Лапре возвратился за подкреплением. К нему присоединился Диас с отрядом полицейских, вооруженных пулеметами. Им преградили путь свыше двухсот воинов из Осчанепа. Наступающие были вынуждены (во всяком случае, так они утверждали) открыть огонь. Пули сразили многих воинов, и среди них трех близких родичей нового вождя Аяма. Охваченный ненавистью к белым людям, кто бы это ни был, Аям поклялся отомстить.

Убил ли он Майкла Рокфеллера, выполняя свою клятву?

Сегодня никто не может с достоверностью ответить на этот, как и на другие вопросы: почему экспедиция, направленная на поиски Рокфеллера, не добралась до Осчанепа? Почему донесение полицейского инспектора Е. Хеемскеркса, в котором приводились слова островитян о том, что Майкла убили и съели воины Осчанепа, было отложено в сторону?

Трое вождей, которые, возможно, могли бы приподнять завесу тайны,— Аям, Фин и Пеп — теперь безмолвствуют. Все трое погибли во время межплеменной войны в 1967 году.

3

Куши Майкла Рокфеллера, по-видимому, принес деревне Осчанеп великую ману и затмил страх перед новым нападением со стороны воинов Омадесепа.

Теперь, я полагаю, настало время рассказать о причинах, по которым ведется охота за головами.

Асмата из Сагопо, одной из самых северных деревень, в которых побывали Майкл Рокфеллер и Рене Вассинг, зовут Мбисин. Ему, очевидно, около сорока. Позднее он переселился в горы, где живут как котека (получивилизованный) в патрульном пункте Вамена. Именно здесь мне выпала возможность побеседовать с ним с помощью переводчиков. Все рассказанное им я сопоставил

со сведениями, которые получил от своего яванского переводчика Дарсоно, служившего в Мерауке, куда поступали сведения о племенных войнах как при голландской, так и при индонезийской администрации. Кроме того, я сравнил рассказ Мбисина с рассказом голландского миссионера Зегваарда, знатока здешних мест.

— Когда я вышел из юношеского возраста и почувствовал себя взрослым,— начал Мбисин,— мои отцы¹⁰ решили, что мне пора выдержать испытание.

— Каким же образом ты это почувствовал?

— Я чувствовал, что мне пора иметь женщину, пора придать моему семени мужскую силу. Для этого нужны ан¹¹ и мужской череп, иначе не удастся выполнить церемонию, связанную с охотой за головами. Я отправился вместе с одиннадцатью отцами. Всю ночь мы плыли по реке, а когда наступило утро, спрятались в тростнике. Мы знали, что недалеко находится деревня Ти, и как раз там мы рассчитывали раздобыть голову.

— А разве вы воюете с жителями Ти?

— Нет.

— Почему же тогда вы собирались убить человека этой деревни?

— Я же тебе объясняю: нужна была голова, чтобы сделать меня взрослым.

— Жители Ти так же поступают с вами?

— Не знаю. Мы редко узнаем, кто ворует наших людей.

Очень осторожно, гусиным шагом отходили воины все дальше от берега и затем укрылись в зарослях саго. Мбисин продолжает:

— Когда солнце стояло высоко в небе, мы увидели двух женщин, которые шли в нашу сторону. Но нам нужен был мужчина, и мы боялись, как бы они не подошли слишком близко и не обнаружили нас. В последний момент они повернули в другую сторону. Вслед за ними появились трое молодых мужчин. Они волокли за собой длинный ствол — верно, чтобы перебраться по нему через болото. Дерево было тяжелое, они с трудом несли его. Нам повезло: все трое были настолько поглощены своим занятием, что, казалось, позабыли обо всем на свете.

¹⁰ Отцами мальчики называют всех взрослых воинов, живущих в мужском доме.

¹¹ Ан — либо сплетенная из листьев саго корзинка, либо продолговатое деревянное блюдо.

— Значит, вас было двенадцать человек против трех!

— Да, но мы же не знали, были ли поблизости еще воины. Каждый житель деревни знает множество троп в зарослях саго и на болотах, по которым можно быстро нагнать врагов. Поэтому охотники за головами часто попадают в засаду.

— Но с этими тремя вы легко справились?

— Мы без труда подкрались совсем близко — они думали только о том, как бы протащить дерево, и это занятие было им явно по душе. Тогда мы выскочили из своего убежища и ударили ближнего мужчину каменными дубинками по голове. Одновременно мы отрезали остальным все пути отхода и крикнули, что не тронем их, пусть только скажут имя своего убитого товарища. «Его зовут Бонту! — закричали они в ответ. — О добрые люди, позвольте нам бежать!»

— И вы отпустили их?

— Нет, не то они быстро привели бы подкрепление. Мы убили их и с помощью соко отрезали у Бонту голову. К счастью, мы не повредили череп. Позднее из него сделали очень красивый куши. Но надо было торопиться, потому что двое мужчин перед смертью сильно кричали. Мы потащили тело Бонту с собой, забросили его в лодку и поплыли вниз по течению вдоль берега, густо заросшего манграми. Здесь мы спрятались на ночь и хорошо слышали, как жители Ти нас искали. Они пришли в бешенство, орала, что нас ждет ужасная смерть. Мне было очень страшно, но еще больше я боялся показать свой страх отцам. Рано утром, до того как забрезжил рассвет, мы уплыли прочь.

Дома в йеу была большая радость. Взрослые мужчины танцевали весь следующий день до самого вечера, а несколько моих отцов разрезали тело Бонту на куски и сварили в большой йовсе (земляной печи), которую вырыли посреди площадки перед мужским домом. Кое-что перепало и женщинам, но лучшие куски — печень и половой орган — съели отцы. При этом они рассказывали всевозможные истории о том, как угощались мясом других людей, которые в разное время были их жертвами. Мне мяса еще не полагалось, ведь я не прошел посвящения в мужчины.

В черепе сделали отверстие, просунули в него бамбуковую трубку, и шаман высосал через нее мозг, поместив его в ан. Мои отцы съели мозг вместе с гусеница-

ми, собранными со стеблей саго, и саговой кашей, очищая во время трапезы череп, наполняя глазницы и ноздри смолой и втыкая в нее ракушки и жемчужинки. Под конец они украсили куши перьями казуара.

Наконец наступил момент, которого я так долго ждал. Всех молодых девушек деревни усадили длинной вереницей. Они сидели раскинув ноги, а я проходил вдоль всего ряда и должен был остановить свой выбор на одной из них. Я выбрал в жены Мипу. Шаман поместил между ее ног куши, а я стоял над ним и, раскачиваясь, приговаривал: «Это Бонту. Он пришел из Ти и останется тут на вечные времена, а ты будешь моей женой, пока я живу на земле». Затем мне велели сесть на самый большой бис, воздвигнутый в честь первого предка. Шаман велел мне раскинуть ноги, куши забрали у Мипу и поставили передо мной. Я должен был три дня и три ночи сидеть на этом месте и не спускать глаз с черепа. Глаза закрывать нельзя, нужду я должен был справлять не вставая с места.

По прошествии трех суток пирогу разукрасили охрой и мелом, усадили туда молодого Мбисина вместе с куши и провели еще ряд церемоний. Когда он возвратился, то все взрослые женщины, широко расставив ноги, выстроились от берега до самого мужского дома. И лишь после того как Мбисин прополз под ними, он стал считаться взрослым мужчиной. Из этого рассказа я сделал вывод, что и Ванусс, и Велосипедист, и Джек с Кейп-Йорка гораздо легче получали доступ в йеу асмагов, чем местная молодежь.

Я спросил Мбисина, как он полагает, продолжают ли асматы охоту за головами. Ведь он уже год-другой как покинул район болот и нашел пристанище в горах.

— Мой народ занимается этим столько же, сколько существует мир, — ответил он. — Мы и сейчас считаем, что ни один мужчина недостоин иметь потомства, пока не добудет куши для мужского дома своей родной деревни. Но возможно, что мой народ добывает головы лишь там, где еще не побывали люди — котеки со своим оружием.

Пока не доказано, был ли Майкл Рокфеллер действительно убит асмагскими воинами и попал ли его череп в качестве куши в одну из окрестных деревень. Об этом можно только строить догадки на основании противоречивых рассказов. Приведу одну из историй. Ее поведали трое асмагов, которые в 1969 году бежали в Да-

ру из деревни, расположенной, как они утверждали, вниз по течению реки Эвта. В этих местах можно было обнаружить только один населенный пункт — деревню Осчанеп. В 4—5 часах ходьбы от нее на реке Фареч находится деревня Омадесеп. По словам беглецов, Майкла Рокфеллера нашли воины из Омадесепа, охотившиеся в болотах на пук-пуков. Он был очень слаб, и они доставили его в Осчанеп, где он якобы и умер. Соблазн сохранить его голову был слишком велик. Самого Майкла съели, но оставить голову в йеу не решились и спрятали в потайном месте на болотах.

О рассказчиках давно никто ничего не слышал. Возможно, они сами промышляют теперь охотой за головами на реке Флай в Папуа. Сведения их так никто и не проверил. Дарсоно, который много лет провел в Мерауке и считается специалистом в вопросах охоты за головами, никогда не слышал об экспедиции к реке Эвта в поисках головы Майкла Рокфеллера.

— Куши в йеу найти нетрудно,— считает он.— Но кто поручится, что это голова Майкла Рокфеллера?

4

Как оказалось, больше всего об охоте за головами мог рассказать человек, который в поездке к асматам находился рядом со мной. Это был Ванусс. Не исключено, что он единственный, кого однажды поймали асматы, чтобы отрубить ему голову, и кому удалось унести ноги!

В первое время он весьма неохотно говорил на эту тему, но богатый улов маленьких крокодилов в садке, который тянулся за нашими лодками, растопил ледок недоверия ко мне, и мало-помалу Ванусс стал раскрываться передо мной. Произошло это, когда мы спускались по реке Бетс к морю. Оттуда нам предстояло пройти вдоль побережья к острову Колепом, где нас должна была поджидать шхуна «Сонгтон», чтобы доставить крокодилчиков на ферму в Сингапуре.

Вот что рассказал Ванусс. Во время первого путешествия на землю асматов он полагал, что в маленьких речках в глубине больше крокодилов.

— Мне, конечно, следовало прислушаться к опытным людям, но я слишком долго проработал в полиции и возомнил себя сверхчеловеком. Кто-то сказал мне, будто в верховьях реки Фриндсхап, впадающей в Сиретс, ку-

да можно добраться из реки Бетс, столько крокодилов, что их можно черпать простым сачком. Я отправился на двух лодках, за одной из них тащили на веревке садок. Велосипедист тоже был с нами, но Джек, с которым я тогда уже работал вместе, счел затею сомнительной и не захотел в ней участвовать. Он оказался прав, но я, к сожалению, понял это лишь позже.

Очень немногим доводилось бывать на реке Фриндсхап, что по-голландски означает «дружба». Как утверждали, места там безлюдные. Это обстоятельство нас порадовало, так как сулило не только безопасность, но и удачную охоту: ведь асматы истребляют немало крокодилов. Однако вопреки уверениям мы все-таки обнаружили деревеньку, которая называлась Бует. Здесь мы выменяли камни на саго и из намеков местных жителей поняли, что нам не следует подниматься вверх по реке, однако не могли взять в толк почему. Лично я был склонен думать, что здешние мужчины видят в нас соперников в охоте на крокодилов. Но на следующее утро, когда наши лодки были готовы к отплытию, Велосипедист вдруг отказался ехать.

— По-моему, нас хотят предупредить, что выше по реке идет охота за головами,— объяснил он свое решение.

— Что за вздор! К северу от этой деревушки вообще никто не живет. У нас лучшая карта из всех имеющихся, и никаких деревень на ней не обозначено!

— Река Дююси тоже не была обозначена,— возразил Велосипедист,— но ведь она существует! И к тому же настолько широкая, что мы вполне могли перевернуться!

Спорить с Велосипедистом было бесполезно. Если ему взбредет что-либо в голову, разубедить его невозможно. Я так ему и сказал:

— Ты делаешь глупость, Велосипедист, но будь потвоему. Увидишь: через две недели мы встретимся и садок у меня будет полон крокодилов. Но так и знай, своей доли ты не получишь!

Теперь у меня оставалась только одна лодка, за которой тянулся садок. В бачках для подвесного мотора было литров тридцать бензина, не больше. Утешало одно: чем выше по реке, тем сильнее течение, и я рассчитывал, что на обратный путь горючего хватит. Хуже обстояло дело с помощниками. Это были три канака с реки Флай из Папуа — они и сами-то не слишком отличались от охотников за головами. Я то и дело их успокаивал:

— В тех местах не встретишь ни души, зато пук-пуков столько, что мы разбогатеем за несколько дней.

Однако три дня путешествия по реке Фриндсхап показали, что меня одурачили: крокодилы там не водились. Делать нечего, надо поворачивать назад. Мы решили переждать до утра, нашли небольшой клочок сухой земли и разбили лагерь для ночлега. Дежурных не назначили, нам ведь говорили, что здесь никто не живет. Я проснулся на рассвете, поднялся, протирая спящими глазами, и вдруг увидел, что на берег высадился добрый десяток вооруженных дубинками людей. Не успел я крикнуть, как копьё со свистом вонзилось в мою левую руку. Наверное, перебило нерв: в глазах помутилось от адской боли. Я попытался дотянуться до заряженного пистолета, который лежал в мешке не более чем в метре позади меня, но черная пелена накрыла меня с головой — я потерял сознание.

Уже позднее, перебирая в памяти все случившееся, я понял, что своим спасением был обязан обмороку: асматы не могли меня убить, не узнав моего имени. Что касается моих помощников, то они скрылись в джунглях, и с тех пор я о них не слышал. Во всяком случае, асматы их не поймали, иначе заставили бы сказать мое имя, и тогда всех нас перебили бы.

Очнулся я на дне пироги, между ног одного из воинов. Выпрямившись во весь рост, он и его товарищи мерно вонзали в воду длинные шесты. Я мигом принял решение притвориться, будто по-прежнему нахожусь в обмороке. К счастью, асматы меня не связали. Если удастся овладеть пистолетом, есть шанс спастись.

Но где же мешок с пистолетом, который я обернул полотенцем, чтобы защитить его от сырости? Я осторожно приоткрываю глаза и осматриваюсь. Мешка не видно. Чтобы осмотреть всю лодку, необходимо повернуть голову, однако сделать это надо так, чтобы асматы, стоявшие надо мной, ничего не заметили. На мгновение пирога накренилась, — видимо, гребцы обошли плывущее по реке дерево. Этого было достаточно, чтобы я смог повернуться. Теперь мне видна была остальная часть лодки. Мешок лежал в трех метрах от меня! Как достать его? Для этого надо подняться и прыгнуть вперед. К тому же мешок, возможно, закрыт на «молнию». По-моему, молния расстегнута, а это может означать, что пистолет из мешка достали. Вряд ли кто-либо из охотников за головами знал, что это такое, но не исключено,

что они его просто выкинули или переложили на другое место.

Я лихорадочно думал, как быть. Пожалуй, придется рискнуть и попытаться схватить мешок: ведь если воины обнаружат, что я пришел в себя, они тут же меня свяжут, тогда мне никак не добраться до оружия. А возвратясь домой, асматы под пытками вынудят меня сказать свое имя. Предположим, им это не удастся... В любом случае они меня прикончат. Если действовать, то немедленно.

Я молниеносно вскочил на ноги, бросился вперед и тут заметил, что дно узенькой лодки заполнено водой. На мгновение я похолодел: что, если пистолет отсырел? Лодка разом остановилась, и я почувствовал за спиной какое-то движение. Уж не шест ли это занесен над моей головой? Левая рука нестерпимо болит, краем глаза я замечаю в запекшейся крови кусочек деревянного копья. Здоровой рукой схватил мешок, и в этот момент воин, находившийся впереди, повернулся ко мне лицом. От удивления глаза у него округлились. Я успел заметить, что на правом плече у него повязка из лианы, а под ней большой бамбуковый нож, который он пытался выхватить левой рукой, для чего ему пришлось отпустить шест. Я воспользовался этим и ударил его головой в живот. Он упал в воду. Не теряя ни минуты, я запустил руку в мешок, нащупал полотенце, а в нем твердый предмет — пистолет!

Сзади на меня кинулся другой воин, мощной грудью прижимая меня ко дну лодки. И хотя в моих руках был пистолет, воспользоваться им я был не в состоянии. Асма с такой силой надавил на осколок копья, застрявший в руке, что я опять едва не потерял сознание от боли. Собрав все силы, я прижал пистолет к его груди, взвел курок и нажал на спуск. Раздался оглушительный выстрел, и на меня хлынул поток крови. Асма был мертв, но сбросить с себя тяжелое тело я не смог и вновь потерял сознание.

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я очулся, а когда открыл глаза, то увидел, что нахожусь в пироге один и на мне лежит мертвый асма. Из последних сил я столкнул мертвеца за борт. Остальные удрали. Выстрел напугал их до смерти. Лодку медленно относило вниз.

Трое суток спустя, едва дыша от слабости, я добрался до места, где находились Велосипедист и остальные

помощники. Перевязав мои раны, Велосипедист не преминул заметить:

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел плыть с тобой дальше?!

Ванусс замолчал. Велосипедист и Джек с Кейп-Йорка слушали его, не перебивая. Они слышали этот рассказ не впервые.

На твердом клочке земли посреди болота мы разожгли костер, чтобы отогнать москитов. Из джунглей донесся хриплый крик какого-то животного. Костер разгорелся, освещая сидевших перед ним людей. И я вдруг почувствовал, что они мне чем-то близки. Возможно, завтра я и переменю свое мнение о них, но сейчас я вижу, как радуются они веселому огню, испытывая покой и удовлетворенность свободных и независимых людей. Их называют членами пук-пуковой мафии и полагают, что жизнь их ужасна. Но я в этом не совсем уверен.

Глава четвертая

Как летают на Новой Гвинее.— Аэродромы, пригодные для реактивных самолетов, и «почтовые марки» с «теннисными кортами».— История воздушных сообщений на Новой Гвинее. Майор Граймс находит ворота в Шангри-Ла¹². Авария самолета приводит к открытию долины Балием.— Из каменного века в современность за несколько месяцев

1

Маленькая «Сесна» легко отрывается от травяной взлетной полосы, ибо, кроме пилота Стэна и меня, на борту никого нет, а вес моего багажа едва ли превышает 50 килограммов.

— Это один из плохоньких аэродромов, каких много в Ириан-Джая, да и во всей Новой Гвинее,— замечает Стэн. Показав на поросший травой холм метрах в двухстах к северу от посадочной полосы, он добавляет:

— Мы называем его «срезанной горкой» — тяжело-груженные самолеты нередко задевают за него. Индонезийский офицер следит, чтобы трава там была хорошенько скошена. И все же мне иногда кажется, будто меня щекочут по пяткам, когда моя «Сесна» пролетает над этим холмом.

Стэн уже восемь лет летает в Ириан-Джая (до недавнего времени эту часть Новой Гвинеи называли Западным Ирианом, а до того, как она перешла к индонезийской администрации,— Голландской Новой Гвинеей). Ему нередко приходится совершать вынужденную посадку, но такое здесь случается практически с каждым пилотом. Хорошо еще, что все сходит благополучно.

— Года два назад эта полоса была еще хуже,— говорит Стэн.— В длину метров двести, не больше. Мы называли ее теннисным кортом, потому что на этом поле миссионер и полицейский офицер иногда играют в теннис. Говорят, будто их предшественники враждовали

---

¹² Шангри-Ла — утопическая горная страна, где все живут в счастье и благополучии. Описана в романе английского писателя Дж. Хилтона «Потерянный горизонт» (1933).

друг с другом. Утверждают даже, что бывший полицейский офицер, зубной врач из Джакарты, которого выслали в Ириан-Джая, грозился убить миссионера. После свержения Сукарно он уехал на Яву. Нынешний офицер-индонезиец — человек весьма приятный. Они с миссионером играют в теннис, а всего в каких-нибудь двух часах ходьбы отсюда островитяне поедают друг друга. Когда мне приходится взлетать, всех жителей поста созывают на «теннисный корт» и велят покрепче держать хвост самолета. Процедура не из приятных, особенно когда даешь газ. Случись кому-либо замешкаться, и он может лишиться не только руки, но и жизни. К счастью, пока все обходится без потерь. У нас, пилотов, в этой связи даже бытует особое выражение: если речь идет об очень грязной и неприятной работе, мы говорим: «Ну-ка, выходи поиграй с нами в теннис!»

В Новой Гвинее, как в Ириан-Джая, так и в самостоятельной восточной части (государство Папуа-Новая Гвинея), множество самых невероятных аэродромов и взлетно-посадочных полос... если их вообще можно так назвать. Их насчитывается 266: от международного аэропорта в Порт-Морсби, где приземляются реактивные самолеты, до замызанной травяной полосы длиной 350 метров в Пиримапоане. Самые маленькие взлетно-посадочные полосы правильнее можно было бы назвать «стэмпы», что по-английски означает «почтовые марки». Садиться или взлетать с такой «марки» более чем рискованно. За пятнадцать лет я четырежды побывал в этих местах и имел сомнительное удовольствие близко познакомиться с многими новогвинейскими аэродромами. Признаться, всякий раз, когда самолет шел на посадку, я испытывал смертельный ужас. В отличие от многих европейцев у меня нет страха перед змеями и другими пресмыкающимися, к какому бы виду они ни принадлежали, да и поведение самих «детей природы» не внушает мне особых опасений. Зато полеты на небольших самолетах над горами Новой Гвинеи вызывают у меня самые сильные и противоречивые чувства. Я всегда боюсь их, но в то же время испытываю ни с чем не сравнимые ощущения: за каких-то несколько часов эта маленькая хрупкая бабочка переносит меня в глухие места, куда пешком я добирался бы месяцами. Переход от одной деревни до другой через горы займет не меньше двух суток, самолет же покрывает это расстояние за несколько минут,

И все-таки, когда я сажусь в местный самолет, душа у меня уходит в пятки. Впрочем, иногда всем нам полезны острые ощущения. Мне вспоминается полет к одной миссии, затерянной в горах Стар. Густой туман со скоростью курьерского поезда наплывает на крохотный самолет. Запаса горючего остается ровно на 12 минут, а мы не можем ни подняться выше, ни спуститься — куда ни кинь взгляд, всюду высоченные горы. Где-то внизу, скрытая от нас густым туманом, находится «марка» длиной всего триста метров. Но где она и как на нее сесть?

Самолет ведет католический священник, но в эти минуты в нем нет ничего благостного. Обернувшись ко мне, он кричит что есть мочи:

— Все мы должны когда-то отдать души всевышнему. Быть может, он намерен заполучить их именно сейчас!

С этими словами он кидает машину в густой, словно каша, туман. Неожиданно прямо перед нами встает темно-зеленая стена джунглей. Священник резко кидает машину вверх и кричит:

— Нет, посадочная полоса не здесь!

По-моему, в такой момент он мог бы мне этого и не говорить.

Еще одна попытка, за ней следующая, и я мысленно уже прощаюсь с жизнью. Но вот самолет ныряет снова, и прямо под нами возникает посадочная полоса. Самолет приземляется, весело прыгая по кочкам. Мужчины из деревушки, всю одежду которых составляют бамбуковые футляры, защищающие пенис, возбужденно постукивают по бамбуку, а белая монахиня в коротенькой юбочке, не дожидаясь, пока заглохнет мотор, с улыбкой кричит нам:

— У меня в холодильнике холодное пиво!

Эту картину я всегда вспоминаю, встречая в Европе таких похожих друг на друга монахинь и священников. Миссионеры в Новой Гвинее не имеют ничего общего с привычным стереотипом. Если бы они, будь то католики или лютеране, не рисковали постоянно своей жизнью и здоровьем, не создавали эти, пусть примитивные, аэродромы и не летали по опаснейшим маршрутам в сотрудничестве с австралийскими, голландскими и индонезийскими властями, внутренние районы Новой Гвинеи и сегодня оставались бы белым пятном на карте. Ведь еще в 1940 году лишь три десятых австралийской части острова находилось под контролем местной администра-

ции; что касается голландской части, то цифра составляла всего одну десятую.

Прошло немало времени, прежде чем местные власти поняли, какое значение для Новой Гвинеи имеет воздушный транспорт. В 1913 году, когда северо-восточная часть Новой Гвинеи еще принадлежала Германии и называлась Землей кайзера Вильгельма, немецким чиновникам пришла в голову мысль об использовании замечательных летающих машин, для того чтобы проникнуть во внутренние районы страны. Профессор Рихард Нейхаус, к которому обратились за консультацией, дал такое заключение: «Полеты на так называемых аэропланах будут, возможно, совершаться в Африке, но в Новой Гвинее их использовать невозможно. В случае вынужденной посадки пилот неизбежно наткнется на деревья. Если ему все-таки удастся посадить машину, то одно из двух: либо местные жители примут его за злого духа и попросту убьют, либо из-за недоступной местности и непроходимых джунглей он не сможет добраться до ближайшего административного пункта и погибнет от голода и истощения».

Это заявление специалиста, по тем временам вполне отвечавшее фактическому положению дел, практически зачеркивало надежду на создание аэродромов на Земле кайзера Вильгельма.

В 1927 году бывший патрульный офицер К. И. Левьен впервые показал белому населению Новой Гвинеи, для чего в этих местах пригоден самолет. До того времени носильщикам требовалось две недели, чтобы через горы из Лаэ, что в заливе Хьюон, попасть в городок золотоискателей Вау. Левьен купил старенький самолет DC-3 и основал первую на Новой Гвинее авиакомпанию: в ее составе насчитывался всего один летчик. Расстояние, на которое прежде уходило две недели, он преодолел за полчаса! Установив определенную плату за провоз (500 г груза обходились в 1 шиллинг, с одного пассажира взималось 25 австралийских фунтов — для того времени немалая сумма), Левьен менее чем за год заработал не один миллион шиллингов. Сегодня воздушный флот только государства Папуа-Новая Гвинея перевозит в год 9 тысяч тонн груза и 150 тысяч пассажиров.

Именно часть острова, ранее принадлежавшая Голландии, в первую очередь была исследована с помощью авиации, которая помогала сухопутным экспеди-

циям. Сегодня Новая Гвинея — единственное место на земле, где термин «первооткрыватель» еще имеет свой прямой смысл. На протяжении 70-х годов первооткрывателями здесь были пилоты и миссионеры (нередко те и другие сочетались в одном лице). К сожалению, история их еще не написана, а между тем она увлекательнее любого романа. Сейчас мы летим из Джаяпуры через горы и девственные джунгли, но разве можно, с высоты представить себе трудности, которые пришлось преодолеть первопроходцам, прежде чем на карте исчезло еще одно белое пятно?

Изучение местности с помощью самолетов, экспедиций по рекам и суше началось в 1926 году. Один из руководителей голландской экспедиции, доктор Мэтью Стирлинг, на самолете «Орел» первым пересек суровые горы Ван Реес и совершил посадку на неисследованной реке Рауффер, среди тысяч крокодилов. Носильщиков он нанял с острова Борнео, из племени даяков, охотников за головами. Несколько месяцев экспедиция продиралась сквозь джунгли гор Нассау, пока не наткнулась на небольшое племя пигмеев-негритосов. Сами себя пигмеи называли ногулло. Они твердо верили, что, кроме них, на земле нет других людей. Возможно, поэтому они без страха встретили бородатых богатырей и носильщиков-аборигенов, предоставив им свои жилища. Мужчины выражали удивление, пощелкивая ногтями по футлярам, прикрывающим их мужскую статью, и, когда они бродили по лагерю, тараща глаза на пишущие машинки и фотокамеры, пощелкивание напоминало работу телеграфа.

Женщины выражали свое изумление не менее удивительным образом: засунув в рот средний палец левой руки, правой они держали грудь и размахивали ею. В племени ногулло женщин мало, поэтому мужчинам жениться не так-то просто. Цена за невесту высока, и, даже когда жених уже внес ее, родственники невесты по мужской линии имеют право выстрелить в жениха стрелой с определенного расстояния. И если он не успеет вовремя отскочить в сторону, невеста опять свободна, и за нее можно получить новую плату. После первой брачной ночи муж отрубает жене каменным топором один из пальцев на руке.

2

С аэродрома Сентани, близ Джаяпуры, мы с Хайнцем летим в нанятом мной маленьком самолете в глубь

острова над равниной, поросшей тропическим лесом. Скоро местность становится гористой. Под нами светлой лентой раскинулась река Иденбург. Дорог в этих местах нет, к реке островитяне добираются по тропам. Сверху их не видно из-за густых деревьев, образующих плотный полог. Здесь обитает до полусотни племен, между ними постоянно ведутся междоусобные войны. Некоторым племенам в торговых целях удается передвигаться по ничейной земле и даже по территории врага. С побережья они доставляют раковины и соль в горы, к югу от реки Иденбург, а обратно несут перья райских птиц. Раковины островитянам служат в качестве денег. Трудно сказать, сколько времени эти «деньги» путешествуют от берега до горных кряжей — год, а может, и десять лет! Каждый торговец занимается обменом лишь на небольшом отрезке пути.

В это чудесное ясное утро местность превосходно просматривается в почти прозрачном мареве. Из Сингапура, где завершилось мое плавание на шхуне «Сонгтон», я вылетел в Джакарту и в тот же день направился на остров Биак, севернее Новой Гвинеи. Сегодня затемно старенький DC-3 доставил меня с Биака в Джаяпуру. Там меня поджидал самолет «Бич-Барон», пилотируемый Хайнцем. Я собираюсь повторить маршрут майора Майрона Дж. Граймса — намерение не простое, хотя у нас с Хайнцем имеются достаточно верные сведения.

Во время второй мировой войны, когда северное побережье Новой Гвинеи, оккупированное японцами, было освобождено американскими войсками, Вашингтон решил произвести картографирование этого района с воздуха. Один генерал из Пентагона, ранее не выдавший огромных гор и бескрайних просторов Новой Гвинеи, заявил: «Картографирование — это пустяк, для этого требуется лишь иметь хорошую фотокамеру и подняться как можно выше в воздух!»

На самолете DC-3 майору Граймсу предстояло произвести съемку северной части Новой Гвинеи вплоть до известнякового хребта, проходящего южнее реки Иденбург на высоте 4500—5000 метров над уровнем моря.

Сейчас мы пролетаем вдоль известнякового хребта, где когда-то Граймс заметил что-то вроде ущелья или перевала в горной цепи. Настроение у нас отличное. Стоит ослепительно яркий, опьяняющий своей удивительной голубизной день. Думаю, что и Граймс

испытывал чувства, близкие к тем, которые владели нами. Когда парить в воздухе над землей, тебя покидает суетность повседневной жизни.

Самолет поднимается все выше. Пролетаем границу джунглей. Южнее попадаются островки деревьев, но вдали уже виднеется северный склон плато, поросший кустарником. Мне вдруг вспомнилась гора Кюллаберг в Южной Швеции. На какое-то мгновение мной даже овладело желание попросить Хайнца приземлиться, чтобы пообедать в отеле, славящемся своей кухней. Но, увы, мы не в Швеции. В этих местах никогда не ступала нога человека.

Граймсу было поручено фотографировать местность к северу от известнякового хребта, который на голландских картах носит название гор Оранье. Ему предстояло проверить, что находится на другом конце ущелья. Он направил свой самолет между отвесными скалами. Пролетев минут пятнадцать, он заметил, что ущелье расступилось и внизу открылась большая зеленая долина. Граймсу очень хотелось получше рассмотреть долину, но он опасался, что не сможет снова найти ущелье на обратном пути, если спустится туман или пойдет дождь. По опыту он знал, что каждый день ближе к вечеру начинает идти дождь и перед этим небо заволакивают тучи и сгущается туман. Но искушение было велико. Граймс снизился и на высоте около ста метров пролетел над полями, где, к своему удивлению, заметил оросительные каналы, над деревнями с круглыми хижинами, окруженными высокими — метров тридцать! — дозорными башнями из ветвей и лиан. На башнях стояли воины, которые посылали вслед ему угрожающие знаки. Иногда в самолет летели стрелы. В последний момент, прежде чем спустился туман, Граймс нашел ущелье и два часа спустя приземлился в Сентани.

Шла вторая мировая война. И все же сообщение о том, что на Новой Гвинее обнаружена неизвестная дотоле долина, передавалось информационными агентствами разных континентов. Люди заговорили о давно забытой Шангри-Ла, быть может, потому, что раздраемый войной мир мечтал о месте, где бы не было зла. Два американских журналиста уговорили американское командование в Сентани предоставить в их распоряжение самолет, чтобы самим убедиться в существовании таинственной долины. С небольшой вы-

соты они сделали сотни снимков новой Шангри-Ла и обнаружили там многочисленное население, явно не имевшее контактов с остальным миром. Истинный рай на земле. В Вашингтон посыпались письма от людей, пожелавших переселиться на Новую Гвинею. Но пока ни один представитель цивилизованного мира не сталкивался с жителями райского уголка. Вполне могло статься, что и они были каннибалами, как и асматы, их соседи с юга, капауку на западе или телефомины и мапии на востоке.

Нет, такую мысль отвергают в Голландии. Появился даже клуб «Шангри-Ла», членом которого мог стать лишь тот, кому довелось летать над обетованной долиной. И все же рано или поздно мечтам и надеждам предстояло столкнуться с действительностью.

Хайнц миновал горный проход, направляясь в долину, которую сегодня называют Балием. Он показывает мне на отвесную скалу.

— Здесь упал их самолет! — кричит он сквозь шум мотора. — Постарайся обязательно добраться до этого места.

— Сколько часов хода сюда от патрульного поста Вамена?

— Не знаю, потому что сюда никто не захочет идти. Для большинства дани это запретный район.

— Что за племя тут живет?

— Там никто не живет! Только злые духи.

— Но Марпоунг (индонезийский полковник полиции в Вамене), наверное, сможет раздобыть для меня носильщиков?

— Марпоунг превосходный человек, но его власть кончается у последней ограды в Вамене... Стоит отойти за километр в сторону, как ты на земле дани, и только они смогут тебя защитить.

Бессмысленно продолжать обсуждение этих проблем с Хайнцем. Кстати, его зовут вовсе не Хайнц, и он отнюдь не немец, как можно было бы судить по его имени. Человеку, желающему получить работу летчика в этих местах, продолжает мой спутник, придется учитывать несколько немаловажных факторов, причем лавировать между ними совсем не просто. Первое: административно регион подчинен Индонезии (правда, в данный момент отношения с индонезийской администрацией более или менее налажены). Второе: большинство аэродромов принадлежит миссионерам,

именно они поддерживают контакты с местными племенами. Аэродромы принадлежат католикам, лютеранам и даже адвентистам седьмого дня. Пилоту приходится изворачиваться, чтобы получить разрешение на посадку на всех этих аэродромах. Лютеране требуют, чтобы ты не употреблял пива, адвентисты седьмого дня запрещают есть мясо, у католиков ты ни в коем случае не должен проговориться, что влюблен в метиску из Биака. Третье: самолеты и многие аэродромы принадлежат американским фирмам, и обходиться с фирмами следует как можно деликатнее. И, наконец, четвертый фактор — местные жители. Время от времени приходится совершать вынужденные посадки, и тогда ты полностью зависишь от жителей той или иной деревушки. Никогда не знаешь, каннибалы они или нет. И все-таки с ними легче всего иметь дело.

— Но ведь ты сам учился на миссионера, — говорю я Хайнцу. — Как же ты можешь говорить о них так непочтительно?

— Я ничего дурного о своих товарищах и не говорю, просто отмечаю, что сотрудничать мне с ними не легко. Но дело не во мне. Эти люди отправляются в «неконтролируемые районы», и главное, чтобы они нашли контакт с местными племенами. Ну а насколько им это удастся, ты сможешь судить сам. Помни: они не только миссионеры, они и первооткрыватели.

И, показав рукой на отвесную скалу, Хайнц добавил:

— Вон там и обнаружили, что долина Балием — отнюдь не Шангри-Ла.

3

В воскресенье 13 мая 1945 года 16 американских солдат и 8 женщин из числа военнослужащих получили свидетельство о том, что они пролетели на самолете над неизвестной долиной в Новой Гвинее и посему могут быть приняты в члены клуба «Шангри-Ла».

Как показали последующие события, свидетельство это было выдано несколько преждевременно. Никто еще не совершил посадку в этой долине. В телеобъективы и бинокли удалось лишь рассмотреть кое-кого из жителей «земного рая». Утверждали, что они огромного роста, улыбчивые и ведут себя как истинные дети природы. Но если это так, то почему перед каждой деревенькой возвышаются сторожевые башни? Они как-

то не вяжутся с мирным обликом этих людей. Армейский священник утверждал, что башни воздвигнуты с религиозными целями. Наверное, они сродни нашим церковным башням.

Американцы почти миновали горный проход, но в тот момент, когда пилот намеревался сделать обычный разворот и свернуть в долину, самолет потерял высоту. А может, внезапным порывом ветра его прижало к земле. Брюхо самолета задело верхушки деревьев, и какое-то время машина продиралась сквозь густую крону подобно бульдозеру, прокладывающему путь в кустарнике. Но вот фюзеляж раскололся пополам, взорвался бак с горючим, и над джунглями взвилось адское пламя.

Лейтенанту Джону Макколуму, сержанту Кеннету Деккеру и капралу Маргарет Хастингс, находившимся в хвостовой части машины, удалось оттащить еще двух женщин от горящих обломков самолета. Кроме того, они с трудом спасли от огня два широких брезента, несколько фляжек с водой, остатки конфет, витаминных таблеток, часть ящика с медикаментами и сигнальное снаряжение.

Авария произошла на высоте 2700 метров. В горах очень холодно. Вскоре начался тропический ливень такой силы, что вода в считанные минуты погасила пламя, пожирившее остатки самолета. Теперь стало окончательно ясно, что никого, кроме уцелевшей тройки и спасенных ею женщин, в живых нет. Маргарет Хастингс и Кеннет Деккер получили серьезные ожоги, вскоре раны начали воспаляться. Тяжелораненых женщин завернули в брезент и всячески пытались облегчить их страдания, но усилия оказались тщетными.

Лишь через два дня Макколум, Деккер и Хастингс были в состоянии, опираясь друг на друга, начать продвижение сквозь джунгли к поляне. Там, собрав последние силы, они разложили желтый брезент в надежде, что вылетевшим на поиски это поможет их обнаружить. Но прошли еще сутки, прежде чем они услышали гул мотора. Над поляной кружил самолет, летчик движением крыльев показал, что они замечены. Пока несказанно обрадовавшиеся люди обсуждали, сколько может пройти времени, прежде чем им сбросят провиант, Деккер внезапно услышал какой-то странный звук.

Вскоре его явственно услышали и остальные. Не

успели они понять, что происходит, как их окружили десятки воинов с каменными топорами и длинными копьями в руках. Рты у всех были открыты, и они пощелкивали языками по небу. Как мы теперь знаем, этот звук служит знаком крайней вежливости, предупреждением: «Я пришел и приближаюсь к тебе, пойми меня правильно и прими дружелюбно!» Впервые представители населения так называемой Шангри-Ла увидели перед собой белых людей.

Реакция Деккера была молниеносной. Он встал и протянул руки к воину, который, по его мнению, был предводителем или вождем.

— Как поживаешь, Питер? — спрашивает он по-английски. — Рад тебя видеть.

Судя по всему, эти две фразы спасли им жизнь, ибо известно, что, выразив обычные знаки вежливости, воины дани тут же убивают незнакомцев. Как мы теперь знаем, в долине Балием живет от 60 до 80 тысяч человек и каждая деревня почти всегда враждует с соседями, если только ее жители не принадлежат к той же коалиции. Мужчины были известны как канибалы, они придумывали изощренные способы мучить и убивать своих врагов. Каждый житель долины руководствовался девизом: «Убивай незнакомца, как только увидишь его, если хочешь выжить сам». Можно ли горше заблуждаться, называя долину Балием новой Шангри-Ла!

Но ничего этого Деккер не знал, а вождь, со своей стороны, никогда не видел, чтобы незнакомец шел безоружным ему навстречу, беззащитно протягивая руки. Ведь как-то Деккер должен был его назвать, и он выбрал имя Питер. На самом же деле вождя звали Сатохок. Позднее он сам рассказал миссионеру об этой встрече и прибавил, что все они приняли белых людей за богов, явившихся с неба, и побоялись отказать им в помощи. Они решили подождать и посмотреть, что будет дальше — вдруг случится что-то хорошее...

И в этом Питер-Сатохок оказался прав... даже в неизмеримо большей степени, чем рисовалось его буйной фантазии. По его словам, «небо разверзлось». Уже наутро самолеты американских ВВС сбросили своим соотечественникам радиопередатчик и приемник, а вскоре на парашютах рядом с поляной приземлились два филиппинских солдата-санитара со всем необхо-

димым медицинским оборудованием. Раненым была оказана помощь. Между тем Сатохок и его воины по-прежнему располагались вокруг и не уставали дивиться происходящему. Видно, и в самом деле им повстречались боги!

Я отправился на север долины Балием, чтобы найти Сатохока и порасспросить его о встрече с первыми белыми людьми. В моем представлении эту встречу в какой-то степени можно было уподобить первому контакту землян с инопланетянами. Но оказалось, что Сатохока уже не было в живых. Несколько недель спустя после встречи с тремя спасшимися белыми людьми его воины столкнулись с другими дани, с которыми они враждовали. Во время этого сражения, а может позднее, Сатохок и его люди были убиты. Они умирали в твердой уверенности, что повстречали богов из другого мира. Сейчас ни деревень, где они жили, ни полей, ничего из того, что им принадлежало, больше не существует. Все это стало достоянием сильных воинов дани, на чьей земле появился первый патрульный пост.

Когда люди из каменного века совершают прыжок в современность, то все происходящее с ними зависит от случайности. Вождь может сохранить свою власть, если в нужный момент встретит белого человека, представителя администрации. Но может случиться и так, что белый человек обратится не к вождю, а к человеку низкого ранга и сделает его своим лулуаи или тултулом (так белые называют представителей насаждаемых ими административных органов). Все дело случая, ибо киапу, туану (белому человеку) безразличны традиции коренных жителей. Он может выбрать тултулом того, кто понимает несколько слов по-малайски или говорит на ломаном английско-малайском языке. И тогда все рушится. Если раньше дурака, который хотел казаться умником только потому, что знал несколько слов по-малайски, высмеивали, то теперь его всячески возвышают.

Говорят, дани покончили с Сатохоком еще и потому, что он присвоил себе монопольное право на белых людей. Спустя некоторое время после аварии самолета американский капитан Уолтерс вместе с десятью филиппинскими парашютистами приземлились в долине Балием, в 70 километрах от того места, где находились трое раненых солдат. Не успели они освободить-

ся от парашютов, как были окружены сотнями воинов с трехметровыми копьями в руках. Парашютисты залегли с автоматами на изготовку. Но никто первым не начинал боя. Через четверть часа один из филиппинцев, здоровенный верзила весом в добрую сотню килограммов, поднялся, демонстративно отложил в сторону автомат и направился к ближайшему воину. В ответ вперед вышел вождь и воткнул в землю копье. Мирный контакт был установлен.

Только через пять дней Уолтерс и его люди добрались до раненых на земле Питера-Сатохока. Вместе с ними пришли другие дани, которые сразу же отстранили Сатохока от власти, заявив, что отныне они — представители «власти огневого оружия». Они требовали, чтобы им ежегодно поставляли батат и не менее десяти упитанных женщин приятной наружности. Иначе в следующий раз они придут с ружьями белого человека и сами возьмут то, что им положено. Для Питера-Сатохока вынужденная посадка на его территории самолета с группой путешественников в Шангри-Ла обернулась бедой. Случись авария хотя бы на километр в сторону, он и его соплеменники жили бы себе, как и прежде.

Уолтерс приказал похоронить погибших и вызвал из Сентани самолет, с которого, усиленные динамиками, передавались зауспокойные молитвы. Лагерь перенесли в центр долины Балием, но по-прежнему было неясно, как оттуда выбраться. Наконец 28 июня над одной из открытых площадок появился планер, который без труда совершил посадку. Между двумя шестью натянули нейлоновый трос, прикрепленный к кабине планера. Был разработан следующий план: довольно мощный, но небыстрый самолет С-47, снабженный большим крюком, пройдет по возможности над самой землей, крюком зацепит трос и поднимет планер в воздух.

— А что, если крюк не зацепит трос? — с таким вопросом Деккер обратился к пилоту самолета капралу Пейверу.

— Одно могу ответить, дружище: военное командование застраховало меня на десять тысяч долларов!

— Как же ты мыслишь провести свою посудину, да еще с планером на буксире, через узкий горный проход?

Пейвер пожимает плечами:

— Ну, уж это как получится.

Сохранился отчет, в котором Маргарет Хастингс написала о своем пребывании в долине Балием и о спасении. Не обошла она в своем рассказе и путешествие на планере: «Я сжала в руке венки из роз и подумала: неужели стоило пережить страшную авиационную катастрофу, тяготы, мучения и страдания, чтобы погибнуть теперь, когда избавление так близко? Самолет, нырнув к земле, проревел над нами. Планер дернулся и стал скользить по траве, затем оторвался от земли, и вот мы уже в воздухе. Мы едва не задели деревья, и я в страхе откинулась назад. Лишь потом мне сказали, как близки мы были к тому, чтобы вторично грохнуться в джунгли. Буксировочный трос, пробираясь сквозь деревья, замедлил скорость самолета до 170 километров в час, на такой малой высоте и при столь медленном полете мотор мог просто заглохнуть. Фюзеляж затрясло, мотор зачихал, и мы стали терять высоту. К счастью, пилоту удалось удержать машину в воздухе, но позднее он рассказывал, что мы были на волосок от гибели. Когда его представляли к награде, он решительно заявил: „Я бы не согласился повторить все это снова даже за десять орденов!“»

Маргарет Хастингс и остальные путешественники благополучно приземлились в Сентани. На горном склоне при подходе к долине Балием остались в земле их 20 погибших товарищей, но белые кресты на могилах давно исчезли. Солдаты-филиппинцы построили примитивную взлетную полосу, и их вывезли на небольших самолетах. На несколько лет о долине Балием забыли. Но никому более не приходило в голову считать ее землей обетованной, где царят мир и благодать. Американцы не могли не заметить, что жители долины страдали от непрерывных войн. Все население объединялось во временные союзы, где сильные люди каинс (военачальники) вершили всеми судьбами. Между деревнями и плантациями таро лежала ничейная земля, где происходили сражения. Только сильный и смелый, тот, кто убивал и угрожал другим, сеял вокруг себя страх и террор, имел право повелевать, обзаводиться семьей, быть воином. Никто не смел покидать район плантации вокруг своей деревни. Люди знали: мир жесток, природа населена злыми духами, но самый жестокий из них — человек, и, чтобы выжить в этом мире, надо быть жестоким.

Глава пятая

Беседа с Обахароком.— Супружество сроком шесть суток.— Абу-тури, коллекционер холимов.— Сексуальная сила женского затылка.— Страх перед духами предков.— Другие жены Обахарока. Долина Ба-лием и места вокруг нее, еще не нанесенные на карту.— Фетиши местных деревень

1

Американский антрополог Вин Сарджент, вышедшая замуж за вождя племени дани Обахарока, воина, на счету которого было не менее двадцати убийств, по возвращении домой в 1973 году заявила, что советовала мужу бежать в джунгли, чтобы избежать гибели от рук индонезийских властей.

Обахарок не последовал ее совету, однако убит не был. Он сидит рядом со мной в хижине, построенной им для своей шестой жены, названной здесь Мамавин. Подстилка из прелой соломы, на которой расположились я и два переводчика, в течение шести ночей служила брачным ложем человека каменного века, взявшего в жены современную белую женщину. Миссис Сарджент, бесспорно, уже рассказывала об этом событии (или будет иметь повод сделать это), как оно видится глазами представительницы современной цивилизации. Но хотелось бы знать, как сам Обахарок относится к своему браку, пусть даже столь кратковременному, с женщиной, такой же для него далекой, как для нас инопланетяне.

Ответить на этот вопрос нелегко по ряду причин, и прежде всего в силу языкового барьера. Я спрашиваю по-английски, Дарсоно переводит на индонезийский, который понимает второй переводчик, главный вождь Абутури. И уже он переводит мои вопросы на язык дани. Ответы Обахарока следуют тем же путем, только в обратном порядке.

Дарсоно — один из немногих индонезийцев, рискнувших осесть во внутренних районах Новой Гвинеи.

Прежде он владел баракком, своего рода постоянным двором, в торговом поселке Мерауке на южном побережье, где, как я уже рассказывал выше, принимал участие в розысках Майкла Рокфеллера. Теперь Дарсоно живет в Вамене — последнем патрульном посту на территории, контролируемой индонезийскими властями. Это он сказал мне, где живет Обахарок, и согласился (причем безвозмездно) провести в его деревню по узким горным тропам, через бесконечные топкие болота.

Другой переводчик, Абутури, — самый влиятельный вождь долины Балием. Теперь он сотрудничает с полицейским полковником Марпоунгом в Вамене. Во время межплеменной войны в 1966 году Абутури собственноручно убил свыше ста противников и снял с них холимы, бамбуковые футляры, которые в этой части света служат единственным одеянием мужчины.

Зато теперь Абутури котека. В буквальном смысле это слово означает «одетый»; и в самом деле, он сменил свой холим на пару рваных шортов. Но словом «котека» называют также тех жителей долины Балием, которые находятся под контролем полицейского поста. Абутури — единственный переводчик, которого мне удалось найти и кто сумел проводить меня к Обахароку: он знал его лично. Интересно, что, как только здешние жители замечали среди нас коллекционера холимов, они тут же обращались в бегство. Прибыв в Мулиму, деревню Обахарока, мы застали его в одиночестве перед хижиной белой жены в окружении сонма мух. Все остальные жители убежали в джунгли. Все время, пока мы беседовали, до нас доносились пронзительные, возбужденные мужские голоса. Абутури воспринимал это спокойно, Обахарок тоже казался невозмутимым.

— Это недовольные, — пояснил Абутури. — Они грозятся съесть нас.

Уже близилась ночь, и мне стало страшно. Я вспомнил, что всего каких-нибудь пять лет назад в соседней деревне убили и съели двух миссионеров. На этом огромном и малоизученном острове еще существуют племена, у которых принято съесть умерших в знак последнего к ним внимания. В хижинах хранятся прокопченные мумии, и каждый вечер люди кормят их оскаленные черепа пшенной похлебкой в наидание детям, которых таким образом приучают почи-

тать предков. Кое-где здесь и по сей день убивают человека, в которого вселилась нечистая сила, после чего съедают его внутренности, дабы ублаготворить душу. А молодую женщину, потерявшую невинность до того, как ее купит мужчина, привязывают к согнутым деревьям и, отпустив их, разрывают на части; ее соблазнителя изгоняют из деревни, и он может искупить свою вину лишь после того, как принесет в деревню в плетеной корзине три символа мужской силы, отрезанные у воинов из соседнего племени. В некоторых местах самой богатой считается семья, в чьей хижине хранится много мумий умерших родичей. У других мерилom богатства служат ракушки и поля, огороженные черепами предков. Богатство исчисляется также количеством молодых женщин, способных рожать сыновей — будущих воинов. Безопасность обеспечивается бамбуковыми щепками, которые маскируют грязью на тропе, ведущей к деревне. Будущее рода зависит от запаса отравленных стрел, которые хранятся в зловонном глиняном кувшине в самом темном углу хижины.

И вот в этом необыкновенном мире появилось удивительное белое существо, которое островитяне называли Мамавин. Сперва она поселилась в близлежащей деревушке Аналага, где познакомилась с юношей Килеоном. Желая ублаготворить вождя, он взял ее с собой в Мулиму — деревню, где жил Обахарок. Мамавин подарила Обахароку зеркальце, а тот в честь гостыи приказал зарезать свинью. Когда она захотела жить в отдельной хижине, Обахарок поручил ее строительство своим пяти женам. Вслед за хижиной Мамавин потребовала, чтобы деревня подарила ей йокал.

Обо всем этом Обахарок рассказал мне посредством двух переводчиков. Следить за его мыслью нелегко, ибо мир понятий у дани совсем не такой, как у нас. Отдельные понятия приходится выражать множеством слов. Так, я узнал, что незамужняя женщина носит своеобразную юбочку — сали. Когда жених забивает в ее честь свиней, она сменяет сали на йокал — плетенку из листьев и травы, которой прикрывают низ живота. Эта процедура, сопровождаемая одним праздником с забоем свиней, и представляет собой свадьбу. Чтобы сделать для Мамавин йокал, Обахароку пришлось заплатить 25 свиней, 35 холимов, много йе (больших шлифованных камней), а также шесть ниерак (тканых сетей для церемоний). Все эти ценные пред-

меты были подарены этой деревне, а также окрестным деревням за Мамавин.

— Итак, вы поженились. А зачем ты на ней женился?

Снова долгий перевод моего вопроса и ответа Обахарока. Наконец я уясняю, что Мамавин и Обахарок по-настоящему еще не были женаты.

— Итак, все эти вещи ты отдал в надежде поиграть с Мамавин в хижине, которую для нее построил?

Нет, Обахарок оплатил дорогие подарки для белой женщины потому, что она, как он понял, обещала снабдить его и его воинов оружием. Во время межплеменной войны в долине Балием в 1966 году клан, одержавший победу над Обахароком, был вооружен железными топорами, полученными от белых людей. Теперь Обахарок надеялся, что Мамавин и для него раздобудет это страшное оружие. Голландский католический священник Франс Верхейнен, находившийся в тот год в долине и бывший свидетелем жестокой бойни, рассказывал мне в Джаяпуре, что знает Обахарока как мужественного защитника своей деревни. Но хотя он и убил много врагов, его клан оттеснили к горам, а все потому, что противник имел в своем распоряжении железные топоры, полученные от американской научной экспедиции, снаряженной в 60-х годах гарвардским музеем Пибоди.

В Вамене Обахарок видел индонезийскую полицию, вооруженную автоматами. Если бы Мамавин раздобыла для него и его соплеменников такое оружие, он мог бы завоевать всю долину Балием.

На следующий вечер после праздника йокал Мамавин позвала Обахарока к себе в хижину. Между ними произошел следующий разговор.

— Теперь мы женаты,— сказала Мамавин.— У нас, правда, разный цвет кожи,— она показала ему свои руки и взяла его руки в свои,— но, смотри, мы ведь совсем одинаковые. Разница только в том, что ты мужчина, а я женщина.

Вернее, Обахарок считал, что она хотела сказать что-то в этом роде. Но он не знал ее языка, а она не понимала языка дани. Переводчика же у них не было.

— Я очень боялся,— говорит он.— Конечно, я понимал, чего хотела Мамавин, и за это я должен был получить оружие. Но для меня это было так трудно.

Не сердись, когда я говорю, что «мы из долины» (так дани называют себя) не испытываем тех чувств к белой женщине, какие испытываете вы, поэтому нам очень трудно поиграть с ней.

— Что же вас отличает? — спрашиваю я.

Дани, как и все дети природы, весьма тактичны; видимо, этим объясняется, что я не сразу получил ответ на свой вопрос. Обахарок не употребляет слов «белые женщины», он говорит о неких мафф-мама. Дарсоно поясняет, что мафф происходит от английского Missionary Aviation Fellowship¹³. Видя, что белые женщины появляются из самолетов авиакомпании МАФ, дани называют их мафф-мама. Обахароку было невдомек, что Вин Сарджент не принадлежала к числу миссионеров, вообще не имела к миссии никакого отношения. Однако, как и другие мафф-мама, она, с точки зрения дани, дурно пахла.

— Она мазалась чем-то таким, от чего запах был еще хуже. Наши женщины пахнут хорошо, должно быть, оттого, что употребляют старый свиной жир, — поясняет Обахарок. — Стоит женщине помазать затылок старым свиным жиром, как она возбуждает мужчину.

С этими словами он натирает лоб затхлым жиром и золой из очага — как вождь, он имеет на это право. Над нами подвешен завернутый в пальмовый лист жир; от тепла он почти растаял, и на голову то и дело падают жирные капли. Это своеобразное «благовоние» сродни зажженным палочкам ладана, употребляемым на Дальнем Востоке, и, хотя плохо пахнущие капли порой действуют мне на нервы, я понимаю, что это знак внимания со стороны Обахарока.

Насколько я мог понять из дальнейшей беседы, мужчин дани возбуждает не столько вид обнаженной женщины, сколько ее затылок. Обахароку показалось неприятным, что Вин Сарджент мазала затылок каким-то «дурно пахнущим жиром и вонючей водой» (судя по всему, питательным кремом и духами).

— Мне очень хотелось ей угодить, — говорит Обахарок, — и я велел одной из моих жен принести в хижину свиного жира. Но Мамавин отшвырнула его.

Как бы то ни было, и эта брачная ночь закончилась так же, как кончаются все брачные ночи. Ночью Оба-

---

¹³ Персонал миссионерской авиакомпании.

харок выполз из хижины и, глядя на луну, вскричал:
— Я поиграл с мафф-мама! Теперь меня ждет смерть! Вы, духи моих предков, помогите мне, потому что я сделал это, чтобы отомстить за поражение нашего рода!

Только три из пяти жен Обахарока живут в той же деревне; две другие находятся в соседней, и он частенько их навещает. Услышав крик Обахарока, его жены выскочили на двор и разразились плачем.

— Они, конечно, очень гордились тем, что мне удалось поиграть с белой женщиной... Такое им было в диковину — никто до меня на это не осмеливался, — продолжает Обахарок. — Хотя Мамавин и не отличалась от других женщин, она была не просто человек, а почти птица-дракон. А мои женщины видели, как мужчина, который приблизился к дракону, был убит на месте.

(Насколько я мог понять из этого весьма туманного объяснения, женщины видели, как человек погиб от вращения воздушного винта.)

Женщины плакали все громче, и к исходу ночи ими овладела настоящая истерика. Они верили, что духи предков были против случившегося, и прежде всего потому, что «Мамавин не закапывала свои испражнения». Это противоречило законам природы, значит, Обахароку суждено было умереть.

Жители долины Балием, как и большинство других папуасских племен внутренних районов Новой Гвинеи, соблюдают следующий обычай: и мужчины и женщины отправляют свои естественные потребности втайне, чтобы испражнения не достались нечистым силам. Они закапывают состриженные ногти и затапывают менструальные выделения, причем в таком месте, которое известно только самой женщине. Мамавин же не придерживалась этих обычаев, ее не было среди женщин, по утрам пробиравшихся в высокую траву кунай¹⁴ или же в заросли среди гор в поисках местечка, где они зарывали выделения. Вот почему, по их мнению, Мамавин — легкая жертва для нечистой силы и Обахарок обязательно умрет.

Но наступило утро, а Обахарок по-прежнему был жив и здоров. Мамавин появилась в своем йокале и

---

¹⁴ Кунай — иначе аланг-аланг (*Imperata exalata*) — покрывает обычно заброшенные участки, некогда использовавшиеся под поля и огороды.

направилась к ручью, где она, как обычно, совершала свой утренний туалет.

— Я долго об этом думал,— продолжает Обахарок,— и понял: что-то должно произойти. Возможно, так хотели духи предков. А возможно, ночные игры с мафф-мама были лишь средством, чтобы я мог получить оружие. Нам, мужчинам, нередко приходится прибегать к помощи нечистой силы, чтобы осуществились тайные надежды. С помощью оружия мы могли бы вновь стать повелителями долины и одолеть своих врагов, которые год назад раздобыли оружие у людей мафф. Вот почему в следующую ночь и четыре ночи подряд я направлялся к Мамавин.

— И играл с ней каждую ночь?

— Да, но только потому, что в этом мне помогала Ауавама, младшая из моих жен. Мы зарезали молочного поросенка, и она смазала затылок жиром и кровью. Я пошел к ней и очень возбудился, после чего поспешил к Мамавин и исполнил свой долг.

— А что сказала Мамавин, когда узнала, что сначала ты побывал у Ауавамы?

— Об этом я ей не рассказывал,— промолвил Обахарок.— Мне хотелось снова стать большим вождем, а она была единственной, кто мог достать мне оружие.

— Но ты его не получил, Обахарок. После шести ночей она уговорила тебя отправиться в полицейский пост Вамена. Там ее посадили в птицу-дракон и отправили через горы в далекую страну. Она утверждает, что ты бежал в горы и не осмеливаешься появляться в Вамене, опасаясь котеков. Что ты скажешь на это, о вождь из рода собирателей холимов?

— Мой ответ будет такой: Мамавин обещала мне родить сына и вернуться вместе с ним в мою деревню. Он вырастет в мужском доме и завоюет для моего народа всю долину Балием.

Мы молчали. В наступившей тишине слышались только крики воинов в горах.

— Это твои враги или друзья? — спрашиваю я.

— Если Мамавин вернет мне то, что было выплачено за невесту, и подарит этим крикунам новые холимы, они мои друзья. Но если я скажу, что моя ночная игра с ней была делом нечистой силы, то они мои враги и постараются убить меня. Но не это самое худшее. Хуже всего, что из-за связи с Мамавин я потерял честь вождя. Ты вежливый человек, с твоей стороны любез-

но называть меня почетным именем «собиратель холимов», но я не заслуживаю больше такого звания. Я смогу вернуть свою честь только в случае, если Мамавин даст о себе знать и вернет мне то, что я уплатил за нее как за невесту.

Я незнаком с миссис Вин Сарджент, но в хижине, которую Обахарок построил для нее, я обнаружил письмо, в котором говорится: «Этим письмом я, Вин Сарджент Мартин, подтверждаю, что 7 февраля 1973 года мне пришлось выехать в Джаяпуру ввиду окончания срока действия визы. Я намерена возвратиться в Опагиму (другое название деревни Обахарока), как только мне удастся получить новую визу. *Вин Сарджент Мартин*».

На следующий день я уговорил Обахарока поехать вместе со мной в Вамену к индонезийскому полицейскому полковнику Марпоунгу. В Вамене подтвердили личность Обахарока и достоверность его рассказа. К этому полковник Марпоунг добавил следующее:

— Американская журналистка приехала сюда в поисках острых ощущений и в надежде написать бестселлер. Чтобы добиться своей цели, она избрала вождя из примитивного племени и обещала ему нелегально достать оружие. Узнав об этом, мы вынуждены были ее выслать. Но, полагаю, индонезийское правительство снова выдаст ей визу, если она откажется от своих обещаний и не будет способствовать межплеменным войнам и выступлениям против законных властей. Если же она так или иначе не оплатит Обахароку стоимости двадцати пяти свиней, не вернет ему тридцать пять холимов и другие свадебные подарки, то это грозит ему скорой смертью. Более того, будет опозорено не только его имя, но и весь его род. Как видите, желание Вин Сарджент весьма сомнительным путем раздобыть сенсационный материал для своей книги может стоить жизни многим.

— А что ты на это скажешь? — обращаюсь я к Обахароку.

Из всего сказанного Марпоунгом он понял лишь то, что ему следует получить свадебные подарки обратно, иначе он погибнет.

— И сына! — добавляет он. — Она вернется со свиньями, холимами и сыном. Я снова стану великим вождем!

Может ли современный цивилизованный человек общаться с людьми, продолжающими жить в каменном веке? Чем больше я путешествую по долине Балием, тем труднее мне ответить на этот вопрос.

Странствовать приходится в основном пешком, иногда летать на одномоторном самолете. За последние годы в этом регионе построено немало аэродромов. Различные миссионерские общества стремятся к тому, чтобы каждая миссия располагала собственными аэродромами для небольших самолетов — «моли», как их здесь чаще всего называют. И хотя аэродромы принадлежат разным религиозным общинам, в кризисных ситуациях между ними наблюдается разумное сотрудничество. Напряженность, чтобы не сказать вражда, которая была в отношениях между индонезийской администрацией и миссионерами после превращения бывшей Голландской Новой Гвинеи в Западный Ириан, теперь исчезла. И в этом немалая заслуга полицейского полковника Марпоунга из Вамены. Ему удалось прекратить ряд племенных войн и установить тесный контакт с миссиями. Пожалуй, не будет большим преувеличением сказать, что реальная власть в долине Балием все же принадлежит миссионерам. Каких-нибудь два часа пешего хода от Вамены — и кончается господство индонезийской администрации. Местные аэродромы принадлежат миссиям, и только они распоряжаются правом на аренду самолета. Индонезийский DC-3 из Джаяпуры (говорят, это самая старая рейсовая машина в мире, находящаяся в строю еще с 1945 года) может приземляться только в Вамене. Другие взлетно-посадочные полосы для него слишком малы. А поскольку круглый год начиная со второй половины дня и до двух-трех часов ночи идут непрерывные дожди, нет ничего удивительного, что на мокрой траве способна приземлиться только «моль». Один пилот-священник вполне серьезно предложил закупить в Канаде одномоторный самолет, снабженный помимо колес... лыжами; посадочные полосы в долине Балием нередко тонут в грязи, поэтому при посадке лыжи гораздо удобнее, чем колеса.

В западной части долины Балием из узкого прохода в горах берет свое начало река Балием, которая тянется на сотню километров по неширокой равнине, окруженной высокими горами. Там, где воды ее вновь втис-

киваются в горную расщелину, течение становится бурным и река устремляется на юг, к стране асмагов. Здесь она разделяется на множество рукавов, говорят, до двух тысяч, но известна лишь небольшая часть их. Важнейшая среди многочисленных рек и речушек — уже упоминавшаяся мной река Фриндсхап. Сама долина Балием не велика — местами ее ширина достигает 20 километров. В долину стекает множество рек и ручьев, все они питаются снегами с окрестных гор. К северу тянутся Снежные горы, в которых имеется проход — только через него можно попасть в долину. Именно здесь, при выходе из ущелья в долину Балием, в 1945 году потерпел аварию самолет с группой американских солдат. Плато Снежных гор малоизучено. Полагают, что на северных отрогах гор, обращенных к болотам вблизи реки Иденбург, живут кочевые племена пигмеев. Однажды в этих местах пролетал самолет, шедший на посадку в Сентани. На пути к аэродрому его застиг туман. Когда туман рассеялся, пилот увидел внизу крохотные строения, притулившиеся к самой скале. Какие-то люди — судя по его описаниям, пигмеи — махали ему руками. Но потом пилот не мог точно определить место, и это маленькое племя пигмеев больше никто не видел.

С юга в долину текут реки Кимбин, Ибеле, Элагейк, Вамена, Хетигима, Эсасейк и Йени. Они берут начало в горах, где находится озеро Хаббема. (Туда в 1938 году добралась экспедиция Ричарда Арчболда.) Здесь находится также гора Трикора (ранее называвшаяся горой Вильгельмины) высотой 4750 метров, а к западу гора Сукарно (ранее Карстенс) — 5029 метров над уровнем моря¹⁵. В этом районе проживает до 70 тысяч дани, которые используют воды рек для орошения своих плантаций таро. Надо сказать, что у дани вполне развитое земледелие, но они не разводят ни фруктовых деревьев, ни овощей в нашем понимании этого слова. К востоку и северо-востоку от горного прохода живут яли, а территорию, где живут эти племена, называют Ялемо. Яли считаются каннибалами, и дани их боятся.

Неподалеку от аэродрома в Вамене есть крытый железом сарай, который служит здесь своеобразной гостиницей. Утром возле моей кровати, обнесенной противомоскитной сеткой, раздается голос пилота-миссионера:

¹⁵ Сейчас гора Сукарно называется Джая (высочайшая вершина Океании), а гора Трикора переименована в Мандала.

— Я вылетаю в Джигибу. Если хочешь попасть в Пасс-Вэлли и взглянуть на место, где погибли американцы, можешь лететь со мной. Даю тебе четверть часа на сборы.

Это меня вполне устраивает. Дарсоно живет там же, где и я, Абутури расположился в полицейском домике в десяти минутах хода. Не прошло и получаса, как сквозь легкий утренний туман мы увидели деревни дани. В Джигибу, где находится миссия, мы должны попасть не позднее трех часов дня — позже начнется дождь и затруднит посадку. Но до этого времени мы были вольны в своих действиях.

Деревня, куда после катастрофы добрались Джон Макколлом, Кеннет Деккер и Маргарет Хастингс, расположена чуть в стороне. Мы направляемся туда и вдруг замечаем, как из зарослей бамбука выскакивает с десяток мужчин, вооруженных длинными копьями, которые направлены в нашу сторону. Однако, увидев Абутури, они становятся более дружелюбными и приглашают нас следовать за ними. Я угощаю их табаком и солью, и мужчины, по-моему, несколько смягчаются. Через Дарсоно и Абутури я спрашиваю, почему они встретили нас враждебно. Уж не намеревались ли они расправиться с нами?

— Они приняли тебя за сжигателя фетишей, — поясняет Абутури, — и потому не хотели пускать в деревню.

Сжигателями фетишей называют миссионеров, которые, стремясь насадить на Новой Гвинее христианство, уговаривают островитян сжигать священные фетиши, хранящиеся в мужском доме. Несколько лет назад, когда в районе вокруг Пирамиды, миссии в западной части долины Балием, распространилась вера в так называемое Пробуждение, во многих деревнях началось уничтожение фетишей. Но когда миссионеры потребовали, чтобы дани сожгли и оружие, островитяне взбунтовались и напали на миссию. То же произошло и у кулукви, где с полсотни местных сторонников сжигания фетишей подверглись нападению соседей и были убиты. Двум миссионерам, которые в тот момент находились в деревушке, удалось бежать.

Предводитель воинов, преградивших нам путь, видимо, почувствовал, что нанес Абутури оскорбление, заподозрив этого известного воина из племени дани в сообщничестве с сжигателями фетишей. Поэтому, когда я спросил, нельзя ли мне взглянуть на фетиши его дерев-

ни, он ответил согласием, но сделал это крайне неохотно. Ему явно хотелось сначала узнать, кто я такой. Абутури показывает на мою фотокамеру и произносит фразу, которая в переводе Дарсоно звучит примерно так:

— Этот человек — куккассе, у него много соли и табака.

Иными словами, он приравнивает меня к членам экспедиции Рокфеллера, которые, хотя и способствовали разжиганию в этих местах межплеменных войн, оставили немало подарков местным жителям. Мне ничего не остается, как выложить перед воином стальной топор. Для него это драгоценный подарок, а для меня огромный расход, ибо ближайшее место, где можно восполнить потерю, — Джакарта. Да и там достать стальной топор непросто.

Из мужского дома выносят плетеную сеть. В ней хранятся священные предметы деревни — кости убитых врагов. Они ослепительно белые. Но их чистота объясняется отнюдь не тем, что дани аккуратны, все гораздо проще: если в деревне кто-то заболевает, больному следует пососать кость. Неудивительно, что они такие белые. Помимо костей в сетке лежит ржавая консервная банка, на дне которой видны остатки какой-то массы. Банка нестерпимо пахнет. Скорее всего она осталась после аварии самолета в 1945 году, но, что в ней было, этого наш воин не знает. Однако, по его словам, это средство помогает страдающим половым бессилием. Н-да, это и в самом деле весьма действенный фетиш.

Священные предметы в разных селениях (деревнях) различные. Но повсюду островитяне твердо верят, что они оказывают решающее влияние на судьбу клана или племени. В наши дни в католических и других церквях сохранились реликвии, якобы обладающие чудодейственной силой. Однако они не идут ни в какое сравнение с той силой, какую приписывают здесь кусочкам твердого как камень кала, или обломкам костей либо челюстей врагов, сохранившихся от пиршеств и тщательно завернутых в сухую банановую кожуру. Превыше всего ценится холим, некогда принадлежавший убитому вражескому вождю, в котором сохранились кусочки кожи. В сетке со священными предметами можно найти множество костей от отрезанных фаланг пальцев; всякий раз, когда у женщины случается горе, она отрубает фалангу одного из пальцев. Из-за этого обычая многие

женщины к старости лишаются пальцев и становятся инвалидами.

Считается, что фетиши приносят деревне счастье. В торжественных случаях их выносят из мужского дома и смазывают затхлым свиным жиром. Чем больше предметов, тем больше надежд на то, что племя сумеет пережить голод, справиться с болезнями, отразить грядущие напасти, тем сильнее будут улагодворены невидимые, но всесильные духи предков. Время от времени воины сходятся вместе и, соблюдая ранги, прикасаются губами к холиму убитого вражеского вождя; так они дают клятву, что пойдут в новые военные походы, порадуют своих предков и тем самым увеличат чудодейственную силу фетишей. Этим объясняются незатухающие войны между племенами, от которых страдают в первую очередь старики и дети. Между полями, где жители враждующих деревень возделывают батат, существуют небольшие пространства ничейной земли, охраняемые дозорными, сидящими на высоких деревьях. Однако никакая охрана не мешает молодому, желающему отличиться воину под прикрытием кустарника подкрасться к полю, где работают женщины, и утащить одну из них в свою деревню. Вскоре радостные крики возвестят о предстоящем развлечении: сначала девушку обесчестят, после чего замучают до смерти и, наконец, съедят. Ее кости пополняют коллекцию священных предметов и принесут уважение «удальцу».

Таковы обычаи, которых столетиями придерживались жители сравнительно небольшой долины Балием, куда еще недавно не ступала нога иностранца.

Глава шестая

Миссионеры уничтожают фетиши.— Племена яли и их земли.— Миссии в неподконтрольных районах.— Пейкварагу и Бинггуок.— Священник Стэн Дейл спасается бегством. Возвращение Дейла в «Долину теней».— Нападение на миссию Корупун.— Стэн Дейл и Фил Мастерс убиты и съедены.— Рассказ Яему. Индонезийская экспедиция. Авария самолета на земле виббунов.

1

Стэн Дейл и Фил Мастерс — так звали двух священников, поставивших перед собой задачу установить контакт с племенами, убедить их покончить с фетишами и склонить к новой жизни. Они отнюдь не стремились сделать из них приверженцев деяний апостола Павла или толкователей сущности святого духа. Их целью было избавить людей от постоянного страха; убедить мужчин, что женщина такой же человек, а потому не следует к ней относиться как существу низкому и ценить ниже свиней; втолковать, что болезни лечат не поеданием врагов, а лекарствами и личной гигиеной, а также и то, что воины не лишатся поддержки духов своих предков, если будут относиться к слабым и беззащитным как к людям, а не как к бессловесным животным. В сопровождении жен и детей эти священники, небооруженные и беззащитные, ездили в отдаленные районы, чтобы внушить людям каменного века заповеди любви к ближнему. Их обоих постигла страшная участь: они были убиты и съедены каннибалами.

К востоку от реки Хелук, впадающей в реку Балием, живут племена яли, их земля, как было сказано, носит название Ялемо. В 1966 году австралиец Стэнли (Стэн) Дейл с женой Патрицией (Пэт) и пятью детьми жил на примитивной миссионерской станции Ниниа. Их дом, скорее хижина, стоял в долине на высоте свыше 2300 метров над рекой Хелук. В доме была всего одна комната, в которой был стол с переносным приемопередатчиком. Неподалеку тянулась 350-метровая полоса

для посадки небольшой «моли». Но самолеты здесь приземлялись редко: окрестные горы почти всегда были окутаны туманом, и проходили месяцы, прежде чем из Вамены прилетала маленькая «Сесна», хотя расстояние не превышало и часу лета.

Обычно самолет направлялся дальше, в миссию Корупун, расположенную к востоку от Снежных гор по другую сторону от реки Солу. На этой самой отдаленной станции, столь же убогой, как и в Ниниа, жил американский миссионер Фил Мастерс с женой Филисс и четырьмя детьми. Обе миссии разделяли долины с реками Сенгбирит и Сенг, поросшие густыми деревьями отроги горного хребта, но по прямой между ними было не более 50 километров. Время от времени в Ниниа или Корупун прибегали женщины с детьми или мужчины из не посвященных в войны и со страхом рассказывали о злой силе фетишей. «Когда же вы придете и уговорите наших воинов сжечь их?» — спрашивали они. Окольными путями им стало известно, что в миссиях живут люди, которые покончили со своими фетишами. И хотя в деревнях еще вспыхивали волнения, но к женщинам и старикам стали относиться по-другому, стали считать их такими же людьми, как и мужчины-воины или вожди.

Стэн Дейл и Фил Мастерс почти ежедневно обсуждали по радио планы возможной совместной экспедиции к жителям долин Сенгбирит, Сенг и Хелук. Однако они не хотели являться туда незваными. Между тем яли, жившие в окрестностях Корупуна, в основном враждебно относились к семейству Мастерсов, поэтому никто из членов семьи не решался отойти от дома дальше чем на несколько сотен метров. Но вот однажды Стэн Дейл с радостью сообщил своему коллеге, что, как ему стало известно, вокруг Ниниа вспыхнули костры, где местные жители добровольно сжигали священные предметы. К Стэну все чаще стали обращаться его помощники и жители деревень с просьбой прийти к ним.

Но можно ли на них полагаться? Не заманивают ли их в ловушку? И Дейл, и Мастерс не сомневались, что им будет крайне трудно убедить колдунов, вождей и предводителей воинов отказаться от культа фетишей, ибо на него опиралась их власть.

В конце концов ревностный пыл одержал верх над благоразумием, и, когда посланцы деревушки Ялисили в нижнем течении реки Хелук пришли к нему, чтобы

послушать рассказ о новой вере, Стэн Дейл направил вместе с ними двух жителей из долины Балием по имени Йейкварагу и Бинггуок. Оба знали язык яли, довольно близкий к их собственному.

Через несколько дней на тропе, ведущей к миссии, послышались жалобные крики, и перед Дейлом появились островитяне. Обняв его за колени, они рассказали, что обоих посланцев заманили в засаду, убили и съели. Вожди завладели их костями, и это настолько укрепило их власть, что молва о бессилии белого туана распространилась теперь вдоль всей долины Хелук до самого жилища нечистых духов у деревни Палингама. Дейл связался по радио с Мастерсом и сообщил, что вместе с четырьмя прилетевшими из Вамены полицейскими из числа местных жителей он намерен направиться в самую большую хижину с фетишами, около которой были убиты Йейкварагу и Бинггуок, и таким путем попытаться подорвать власть вождей. Фил Мастерс счел своим долгом предостеречь Дейла, хотя и понимал необходимость такого шага. Как ему передали, племена, жившие вокруг миссии Ниниа, уже начали раскаиваться в том, что сожгли свои фетиши. Только ценой убийства Дейла и членов его семьи они могли вернуть доверие жителей других деревень.

Дейлу не оставалось ничего иного, как отправиться к яли и показать, что он их не боится. Одного из полицейских он оставил в Ниниа для охраны жены и детей. Еще один полицейский и несколько носильщиков, прослышав о возможной засаде, в страхе повернули назад. Дейл продолжал путь по заболоченной тропе в сопровождении двух полицейских и четырех носильщиков из Ниниа. Ему стало известно, что тела Йейкварагу и Бинггуока находятся выше по реке, в деревне, жители которой уже исполнили воинственный танец, каким начинается каждое пиршество. Он стоял перед нелегким выбором: войти в деревню вместе со своими провожатыми или сразу отправиться в мужской дом. «Если я этого не сделаю, придется покинуть Ниниа. Победить вождей удастся лишь в том случае, если показать им, что мы сильнее».

На первый взгляд ему показалось, что в деревне никого нет. Дейл со своими спутниками вошел в мужской дом, но не нашел там ни священных предметов, ни людей. Стемнело. В крохотной хижине так мало места, что приходится лежать, тесно прижавшись друг к другу.

Всех охватило беспокойство. Дейл старался их успокоить. Его рюкзак остался снаружи, рядом с входом в хижину. Когда он высунулся, чтобы достать лежащие сверху спички, резкий удар в правый бок заставил его согнуться от боли: в поясницу ему вонзилась стрела. Из темноты донесся радостный крик, сменившийся победоносными воплями. В хоре мужских голосов слышались слова, смысл которых был слишком ясен:

— Человеческое мясо! Скоро у нас будет человеческое мясо, и мы отпразднуем победу!

Дейл наклонился набок и резким движением вытащил из тела стрелу, на конце которой был насажен крючок. У себя в Ниниа он не раз оказывал помощь раненым, в чьих телах были стрелы с крючками. Кровавокасающая рана причиняла страшную боль, от которой он упал, едва не потеряв сознание. И тут же новая стрела вонзилась ему в бедро.

Чтобы легче целиться, рядом с мужским домом нападающие разожгли костер. Они почти вплотную приблизились к священнику и его людям, посылая стрелы одну за другой сквозь тонкую стенку из лиан, которая скрывала осажденных. Еще одна стрела впиалась Дейлу в бедро, потом в правое плечо и, наконец, опять в поясницу. Яли не сомневались, что убили белого туана, и возвещали о своей победе торжествующими криками.

Но раньше им никогда не приходилось сталкиваться с огнестрельным оружием, и они явно не приняли в расчет полицейских, представителей племени дани из долины Балием, которые перешли на службу к белым людям. Высунув ружья из отверстия, полицейские дали залп. В ту же минуту яли исчезли.

Надо скорее уходить, пока вождь и шаман не соберут воинов для новой атаки. Но Дейл был не в состоянии двигаться.

— Бегите... иначе они и вас убьют,— шепчет он, напрягая последние силы.— Вы не сможете взять меня с собой... Оставьте меня здесь.

Однако носильщики и полицейские не желали об этом и слышать. Йему, носильщик из племени яли, перешедший на службу в миссию в Ниниа, быстрым ударом ножа вскрыл рану в бедре священника. Тот взвыл от боли. Не обращая внимания на его крики, Йему продолжал орудовать ножом, пока не вытащил из тела крючок от стрелы. Кровь хлынула фонтаном; что-

бы остановить ее, яли обернул рану большими зелеными листьями и сверху перевязал нитями лиан. После этого они зажгли фонарь и, подхватив раненого под руки, стали отходить. Дейл почти все время находился в бессознательном состоянии.

2

Описанные события происходили в середине июня 1966 года. Удивительно, но Стэна Дейла удалось спасти. И не только благодаря его воле к жизни, но и в не меньшей степени благодаря Йему, который не потерял присутствия духа и вовремя удалил из бедра раненого крючок от стрелы. Надо сказать, что Дейлу вообще сопутствовала удача. Беглецы добрались до Ниниа рано утром. В этот час небо было безоблачным. По радио вызвали самолет; Дейла, который все еще находился без сознания, так как в теле у него торчала стрела, доставили в миссию Карубага. На счастье больного, там оказались два врача, Дресснер и Ленг, которые тут же отправили его на примитивный операционный стол. Когда Дейл очнулся после наркоза, его первыми словами были:

— Я должен вернуться в Хелук и уничтожить фетиши! Так повелел господь!

И он вернулся в «Долину теней». В сентябре 1968 года Дейл вместе с семьей вновь появился в Ниниа. Ему удалось договориться с Филом Мастерсом, что на сей раз они вместе начнут крупную операцию. Было решено, что их семьи останутся в Корупуне, а сами они с носильщиками пройдут путь от Корупуна до Ниниа по тропам местных племен. Для этого им придется спуститься в долину Солу, затем подняться на несколько тысяч метров и опять спуститься к деревне Лугват. Она расположена неподалеку от небольшой равнины, где, возможно, удастся соорудить подобие аэродрома. Миссионерам предстояло преодолеть реку Сенг, затем еще один горный хребет и спуститься к низовью реки Сенгбирит. Оттуда тропа пойдет к реке Хелук, где два года назад убили Йейкварагу и Бинггуока и изранили Стэна Дейла.

Экспедиция была рассчитана примерно на месяц. Связь предполагалось поддерживать по рации с патрульным постом в Вамене, куда они намеревались пе-

редавать сведения о своем продвижении. По радио же их могли слышать жены.

Затевая операцию, которая таила в себе смертельную опасность, Стэн Дейл и Фил Мастерс прежде всего стремились показать враждебно настроенным племенам яли, что Стэн жив. Это означало: он одержал победу над культом фетишей. Кроме того, это свидетельствовало о том, что учение о милосердии и любви к ближнему прокладывает наконец путь к сердцам коренных жителей.

В четверг 29 сентября 1968 года, едва забрезжил рассвет, жены и дети проводили маленькую экспедицию до конца аэродрома, откуда шла тропа к «Долине теней». Вместе с миссионерами отправился также Йему, которого не устрасили события на реке Хелук, и трое носильщиков из Карубага: Ндигиңияк, Нигитангген и Нденгген. Ни у кого из них не было оружия. Поздно вечером в эфире раздался веселый голос Стэна: «Все в порядке, достигли первой деревни по дороге к Солу».

Наутро Пэт и Филисс обнаружили неполадки с рацией в Корупуне: она работала только на прием. Двое суток от экспедиции не было слышно ни звука. Наконец в воскресенье вечером донесся слабый голос Фила Мастерса: «Мы благополучно переправились через Солу и рассчитываем завтра быть в Лугвате. Слушайте нас завтра в это же время. Вас не слышу. У вас все в порядке?»

Но ни в понедельник, ни во вторник никаких известий от них не поступало. Со станции Сентани вновь и вновь поступал запрос:

— Корупун! Корупун! Почему не отвечаете? Как только позволит погода, вышлем самолет, чтобы проверить, не нужна ли вам помощь.

Обе семьи в Корупуне пришли в ужас, когда увидели на взлетной полосе сотни воинов из дальних деревень, вооруженных копьями, луками и стрелами. Они принялись носиться по площадке, выкрикивая угрозы. Какой-то старик размахивал человеческой головой.

Пэт и Филисс забаррикадировались в доме вместе с детьми и верными дани. Но они были безоружны и в случае нападения воинов не смогли бы им противостоять. Люди из Корупуна, которые помогали им по дому, убежали. Военная дружина с криком направилась к их дому, держа в руках натянутые луки и целясь стрелами в окна. Заплакали дети. Обе женщины

в ужасе закрыли уши, чтобы не слышать выкриков нападающих. Осажденным хорошо известно, что означают эти возгласы. Ведь это не что иное, как победный клич над убитым воином, когда тело его готовится предать огню.

Но если со Стэном и Филом что-то случилось, то каким образом яли могли об этом узнать, ведь священники были далеко, за горами? Почему яли выкрикивают свои угрозы в сторону дома? Значит ли это, что они наделены даром телепатии, о котором белые люди и не подозревают?

Неожиданно крики смолкли, и воины скрылись в густом кустарнике, оставив лишь небольшую засаду.

Весь день семьи миссионеров просидели в доме, страшась открыть двери и окна и не отходя от приемника. Наконец вечером в эфир прорвался голос Фила. Его было слышно плохо, но все же женщинам удалось понять, где находилась экспедиция. Она намерена пройти узкой долиной Сенгбирит, обойти горы и таким долгим обходным путем добраться до Ниниа. Женщины испугались, ведь долина Сенгбирит славится враждебностью местных племен. Что побудило миссионеров изменить свои планы?

Следующий день не внес ясности. Пэт и Филисс поочередно сменяли друг друга у приемника, а в их долгое отсутствие рядом с продолговатым ящиком усаживался один из преданных дани. Когда к приемнику в который раз припала Филисс, Пэт услышала ее взволнованный голос:

— Пэт, скорее сюда... вызывает Ангерук!

Обе женщины склоняются над приемником, жадно вслушиваясь в каждое слово. Миссионеры с высокогорной станции Ангерук, которая расположена на плато в Снежных горах, вызывают миссию Карубага.

— Я Карубага, перехожу на прием!

— Я Ангерук. К нам через горы пришли двое носильщиков, хотят поговорить на языке дани с миссионером в Карубага.

— Фрэнк Кларк в Карубага у аппарата.

Далее Кларк говорит на языке дани:

— Говорите. Перехожу на прием.

Пэт и Филисс слышат разговор и после слов одного из носильщиков, которые им удается разобрать, застывают в отчаянии. Носильщик сообщает Кларку, что Дейл и Мастерс убиты. Филисс различает слово «вака»

арут», но не может понять, что оно означает. Насколько она разбирается в языке дани, мертвого, убитого человека называют словом «кангга'арак».

Обе женщины в ужасе смотрят друг на друга, не решаясь вслух произнести свою догадку. Вака'арут — съедены!

В это время перед домиком с истошными криками вновь появились воины яли. Радио замолчало. У Пэт и Филисс не оставалось иного выхода, кроме как ждать.

Вот как выглядит рассказ о случившемся со слов преданного Йему:

«В первое время все шло хорошо, туаны Стэн и Фил говорили о великом чаше, когда жители Лугвата на реке Сенг сожгут свои фетиши. Мы знали, что в их мужском доме находится огромный холим.

— В тот день, когда мы уговорим лугватов бросить эти ужасные вещи в огонь, они пойдут навстречу новым, лучшим временам,— сказал туан Стэн.— Я верю, это случится скоро.

Но я-то не был в этом так уверен, я ведь сам из племени яли и хорошо знаю, как здесь бояться покончить с обычаями предков. Вот почему я так испугался, когда, едва мы спустились по тропе к Лугвату, перед нами из высокой травы вышли вооруженные воины. А при нас оружия не было. Ндигинияк, Нигитангген и Нденгген хотели взять с собой луки и стрелы, но Стэн и Фил не разрешили им этого сделать.

— Мы священники,— сказал туан Фил.— Я никогда не брал в руки оружия и надеюсь, что мне никогда не придется к этому прибегнуть. Наше оружие — священные слова. Более сильного оружия на земле нет.

— Но воины-лугваты не знают нашего священного оружия. Они убеждены, что самое сильное оружие спрятано в холиме. Поэтому они убьют нас своими стрелами, а потом съедят. Ведь они уверены, что, поступая таким образом, они действуют правильно.

Так говорил Нденгген, самый старший из нас.

Туан Стэн положил ему руку на плечо, посмотрел в глаза и сказал:

— Не бойся, только верь! Но если хочешь, у тебя еще есть возможность по тропе через горы вернуться в Корупун. Ни я, ни Фил на тебя не рассердимся.

— Нет,— ответил Нденгген,— если один из нас победит, они увидят, что мы боимся. И как бы ни было мне

страшно, я останусь с вами. Мое бегство означало бы вашу немедленную смерть.

Он был прав. Теперь уже было поздно поворачивать обратно. Часть воинов-лугватов зашла нам в тыл и перерезала тропу, ведущую в горы. Они с криками окружили нас большим кольцом, прыгая и потрясая копьями. Туан Стэн крикнул им, что мы пришли с миром и хотим рассказать, как можно жить по-новому. Но они не понимали его слов. Из круга вырвался один из воинов, он вплотную приблизился к Стэну, выхватил стрелу и натянул лук, целясь в сердце туана. Его примеру последовали остальные. Внезапно наступила тишина, прерываемая лишь жужжанием moskitов и кваканьем лягушек.

Вперед вышел пожилой человек, кажется, его звали Сумбо, он пользовался известным влиянием в деревне. Я плохо понял, о чем он говорил, потому что изъяснялся он на особом диалекте, на котором говорят только воины высокого звания. Если женщина услышит, что мужчина говорит на таком языке, она должна вонзить в живот бамбуковый холим мертвого врага с такой силой, чтобы сразу умереть. К этому диалекту прибегают только в самых торжественных случаях.

Сумбо кричит туану Стэну, чтобы мы немедленно убились из Лугвата, не то нас убьют. Они не разрешают нам воспользоваться тропой, по которой мы пришли, — верно, там находится дом духов их умерших предков, — и они не хотят, чтобы мы проходили мимо него. Нам не остается ничего другого, как идти вперед. Но наступила ночь, и на небе не было луны. Мы стали подыскивать место, чтобы разбить лагерь. Десятка два мужчин, в основном молодежь, следовали за нами по пятам, продолжая выкрикивать угрозы. До нас то и дело доносились фразы: «Я съем твои ладони! Подожди, пройдет совсем немного времени, и фаланги твоих пальцев будут лежать в нашем мужском доме!»

В ответ на эти угрозы туан Фил предложил спеть псалмы. Но мы были настолько напуганы и так устали, что не могли выдать из себя ни звука. Тогда запели оба туана. Однако их голоса не могли заглушить криков воинов, и вскоре туаны перешли на молитву. Через некоторое время все затихло. Видимо, воины возвратились в Лугват. Стэн и Фил упали на колени, благодаря бога за избавление.

Нденгген предложил тотчас отправиться в путь.

— Завтра они снова, как рой пчел, окружают нас,— сказал он.

На это туан Фил ответил, что в темноте идти нельзя, ибо не видно тропу. Так мы и просидели всю ночь напролет под проливным дождем, не имея возможности разбить лагерь и не зная, что делать дальше. Туаны Стэн и Фил не решились идти до Ниниа вдоль реки Хелук: ведь именно в этих местах два года назад Стэн был тяжело ранен стрелами. К тому же слух о нашем бегстве из Лугвата достигнет района Хелук раньше, чем мы до него доберемся. Мы не сомневались, что туда уже послали гонцов, чтобы предупредить воинов в деревнях.

Мы попали в западню. Возвращаться по тропе через горы в Корупун невозможно, продолжать путь в Ниниа через враждебно настроенные селения на реке Хелук слишком опасно. Туан Стэн предложил направиться через долину Сенгбирит к северу и подняться в горы. Наверху есть перевал, ведущий в долину одной из горных речек Ангерук, где лютеранская миссия имеет свой отдаленный пост.

— Никому из посторонних еще не удавалось перейти этот перевал живым,— сказал Нденгген.— Это земля воинов-викбунов, и они убивают и съедают каждого, кто попадется им на пути.

— Можешь ты предложить другой путь?

— Нет.

— В таком случае трогаемся с первыми проблесками рассвета.

Весь следующий день мы шли вдоль долины Сенг. Нас то и дело окружали лугваты. Они будоражили жителей окрестных деревень, крича повсюду, что мы пришли уничтожить их священные предметы, а потому души предков повелевают нас убить. Ночь мы провели в заброшенной хижине, и это была страшная ночь. Из темноты все время доносились угрозы расправиться с нами. Все мы, четверо носильщиков, были перепуганы до смерти, да и обоим туанам было не легче. Утром, когда мы собрались в путь, увидели, что нас окружили вооруженные воины из соседних деревень Валоховак, Силивам, Сенгамбут, Келе, Апокеле и Нисалок. Вскоре они приблизились к нам настолько, что мы могли хорошо видеть их лица. Я сам из племени яли, поэтому мне было ясно, что нас ожидает. У яли есть определенные места, где происходят сражения и убивают врагов.

После боя там начинается пиршество; победители танцуют, разделявают тела убитых врагов и варят их.

И я и трое других носильщиков-дани уже издали заметили такое место. От прошлого праздника здесь осталась помятая трава, на краю поляны виднелись остатки земляных печей. Воины стали подражать кукованию кукушки, что возвещало о предстоящем нападении. Я подумал, что они дадут нам пройти мимо поляны и спуститься к тропе вдоль берега реки, поросшего густыми зарослями. Туаны Стэн и Фил, видимо, тоже заметили что-то неладное и, будучи добрыми и душевными людьми, приказали нам идти вперед. Передо мной шли Ндигиньяк, Нигитангген и Нденгген. Мы уже углубились в заросли, когда сзади послышался яростный рев. Мы обернулись и увидели, как туан Стэн, замыкавший колонну, протянул руки к атакующим и вскричал: «Я пришел к вам с миром!.. Выслушайте меня, прежде чем стрелять!» Поздно. Его тело пронзило множество стрел. Туан Фил, спрятавшийся за большим камнем, видя, как убивают его товарища, кричал: «Вы убили моего старшего брата!» К нему устремились воины-викбуны. Получив несколько стрел в живот, он бросился в заброшенную хижину. Что произошло дальше, никто из нас уже не видел.

Носильщики-дани устремились в горы, а наперерез мне, не переставая пускать стрелы из лука, бежали четверо воинов. Стрелы пронеслись совсем рядом, но не задели меня. Я бросился в терновник. Колочки рвали кожу; чтобы не ослепнуть, я вытянул перед собой руки. Тело покрылось кровоточащими ранами от бесчисленных колочек, но я продолжал бежать по скользкой тропе, пока не достиг большого болота. Там я стал свидетелем смертельной схватки Нденггена с молодыми викбунами, которые развлекались тем, что вгоняли ему длинные бамбуковые ножи в низ живота. Они настолько увлеклись этим занятием, что не заметили меня. Чтобы добраться до перевала, мне надо было проскочить мимо них. Я спрятался в кустах и почувствовал, что погружаюсь в ил. Вскоре викбуны прикончили Нденггена и поволокли его к земляной печи. Я услышал, как один из них сказал:

— Я видел, как двое побежали в горы... Одного мы убили. Но ведь их было четверо! Где-то здесь должен быть четвертый.

Другой повернулся к кустам, где я спрятался, и закричал:

— Сейчас мы тебя прикончим! Уж мы-то тебя найдем, можешь не сомневаться!

Они направились к болоту. Я схватил бамбуковую веточку и погрузился в воду, дыша через трубку. Сколько времени я пролежал в болоте, не знаю — несколько минут, а может, целый час. Когда я вновь осмелился высунуть голову наружу, вокруг было тихо. Темнело. Над земляными печами на поляне клубился дым, и сквозь него мне удалось разглядеть три тела, висящие на дереве головой вниз.

Я понял, что это туаны Стэн и Фил и носильщик Нденгген. Воины пели боевые песни, в такт им топая ногами. Мальчишек не видно: их, наверно, послали в деревню за собаками, чтобы выследить меня. Я вскочил и бросился по тропе в сторону перевала. Светила луна, и было холодно, но я бежал всю ночь. Миновав перевал, к вечеру я добрался до Ангерука, где встретил Ндигиньяка и Нигитанггена».

Таков был рассказ Йему. Один из воинов-викбунов деревни Си-ливам, по имени Сутована, позднее бежал в Вамену. Сейчас он живет там как котэка. У меня была возможность расспросить его с помощью переводчиков. Вот что он, в частности, сообщил.

— Когда двое белых и носильщик-дани были убиты, мы поволокли их на площадку и повесили на дереве головой вниз, чтобы вытекала кровь. Из деревни позвали женщин. Они натаскали в земляные печи веток, разожгли костер и прикрыли сверху травой и камнями. Мы верили, что победить нам помогла сила наших священных предметов, и в их честь начали военный танец: принялись бегать вокруг мертвых врагов и бранить их, чтобы устроить их духов. Чем громче мы кричали, тем больше должны были страшиться духи. Быть может, нам удастся настолько их запугать, что они совсем исчезнут из нашей деревни и никогда не возвратятся. Некоторые из нас держали в руках деревянные дубинки и били ими по трупам наших врагов, чтобы мясо стало мягче. Человеческое мясо нельзя есть, пока оно не повисит какое-то время и не станет мягким.

Наутро, когда камни в печах раскалились, мы сняли убитых с дерева и положили в печи. Перед этим у них вырезали внутренности, а два наших вождя, Холонан и Сель, отрезали те части, которые мы обычно храним в священном холиме в нашем мужском доме. Трупы разделали и прикрыли банановыми листьями — так лучше всего варится мясо. Когда солнце стояло высоко над головой, начался пир.

— Сам-то ты что съел?

— Мне достался кусочек ляжки одного из белых людей.

— Тебе много раз приходилось есть человеческое мясо?

— Четыре раза, но белого человека я пробовал впервые. Эти два врага были первыми белыми людьми, которых мне довелось увидеть. Их мясо не отличалось от мяса обычных людей, разве чуть послаще. Но теперь я котэка и знаю, что есть другого человека нехорошо. Тогда я этого не знал и думал, что так хотят духи предков.

3

Вскоре после того как Йему добрался до Ангерука и рассказал о случившемся, в район бедствия была послана специальная группа. Из Лаэ — в австралийской части Новой Гвинеи — прибыл вертолет, который доставил жен и осиротевших детей из Корупуны в Ниниа. Через два дня после убийства вертолет под управлением Боба Гамильтона доставил миссионера Фрэнка Кларка, Ндигиньяка, Нигитанггена и трех местных полицейских в долину Сенг и приземлился неподалеку от площадки с земляными печами. Носильщики показали место, где были убиты Стэн Дейл и Фил Мастерс. Там

валялись лишь окровавленные куски одежды, обувь, пронзенная стрелами Библия и остатки разбитой рации. Но земляные печи красноречиво свидетельствовали о трагедии. Кости убитых, очевидно, находились в мужском доме одной из ближних деревень. Прибывшие на розыски оставались на площадке недолго. Сотни возбужденных викбунов собрались на склонах, выкрикивая угрозы в адрес пришельцев. Внезапно до их слуха донеслось кукование. Ндигинияк и Нигитангген слишком хорошо знали, что предвещает этот воинственный клич, и, когда викбуны, вначале неторопливо, но затем все убыстряя шаг, устремились к площадке, а в воздухе уже просвистели первые стрелы, члены экспедиции бросились к вертолету, и Боб Гамильтон без промедления поднял машину в воздух.

Убийство Стэна Дейла, Фила Мастерса и Нденггена утвердило уверенность жителей «Долины теней» в том, что их фетиши намного сильнее слов белого человека. Они настолько уверовали в свои силы, что безнаказанно убивали всех, кто когда-либо только поговорил с белым туаном. «Всякого, кто стрижет волосы, носит одежду вместо холимов и не мажет лицо подчерненным свиным жиром, ждет смерть!» Миссии в Корупуне, Нальтье, Анггеруке и Ниниа вынуждены были просить о защите.

Месяц спустя после описываемых событий в долине Сенг по указанию индонезийского полицейского офицера в Вамене в мятежный район была направлена карательная экспедиция в составе четырнадцати полицейских и сорока носильщиков. На сей раз носильщики были вооружены луками и стрелами. К ним присоединились два миссионера, Фрэнк Кларк и Дон Ричардсон, в надежде наладить мирный контакт с местным населением. Ндигинияк и Нигитангген, опытные проводники, знающие здешние места, сопровождали экспедицию. В целях маскировки они, насколько это возможно, старались скрыть свои лица под широкополыми шляпами.

Викбуны, предводительствуемые Холонапом и Селем, получили подкрепление из многих деревень, и в нападении на экспедицию участвовали тысячи каннибалов. Но сейчас события развернулись по-другому: нападающих встретил огонь из оружия котеков. Не прошло и нескольких минут, как склон был усыпан телами мертвых воинов, а хижина вождя деревни Сенгамбут была охвачена пламенем. Вождь Сель из Силивама,

убедившись, что помимо священных слов у белых людей имеются и иные фетиши, согласился на переговоры с полицейскими, чтобы спасти от огня остальные деревни. Когда предводители викбунов собрались перед полицейскими, вперед неожиданно вышли Нигитангген и Ндигинияк. Они сбросили с себя шляпы и штаны и нацепили обычное одеяние местных мужчин — холимы. Охваченные ужасом викбуны пытались бежать, но на них были направлены ружья.

— Вон тот человек выпустил первую стрелу в туана Стэна! — и дани указал на Холонапа.

Они добавили, что и Сель принимал участие в убийстве. Каратели арестовали полтора десятка людей и заперли их в хижине, где они должны были оставаться до утра, когда экспедиция тронется в обратный путь. Арестованным удалось пронести с собой в хижину большой холим лугватов: они все еще надеялись на защиту этого могущественного фетиша. Вот почему они принялись в ярости ломать стенки хижины. В ответ полицейские открыли огонь и убили почти всех арестованных. Кларк и Ричардсон прибежали слишком поздно и не сумели остановить стрельбу. Ндигинияк схватил огромный холим и бросил его в огонь.

На следующее утро Фрэнк Кларк и Дон Ричардсон в сопровождении двух дани отправились в деревню Силивам и в мужском доме нашли несколько завернутых в клеенки костей — все, что осталось от Стэна Дейла, Фила Мастерса и Нденггена. Останки миссионеров завернули в бумагу и уложили в рюкзак, чтобы вдовы могли их захоронить.

Описываемые события происходили в октябре 1968 года. Два месяца спустя в долине Сенг пропал небольшой самолет. Обломки самолета удалось обнаружить с воздуха вблизи деревни вождя каннибалов Селя. Остался ли кто-нибудь из пассажиров в живых, и если да, то какова их судьба?

4

— «Сесна», следующая из Яссагора в Мулиа, вызывает Мулиа... Прием...

Раннее утро, вторник, 31 декабря 1968 года. На борту маленькой «Сесны» помимо пилота Мено Вуота находятся супруги Джин и Луиза Ньюмен и их четверо

дегей — Поль (10 лет), Стивен (5 лет), Джой (3 года) и годовалый Джонатан. Самолет направляется в сторону гор, отделяющих заболоченное южное побережье индонезийской части Новой Гвинеи от долины Балием. Пилот не имел права брать столько пассажиров, но согласился на риск ради детей. Самого маленького Луиза держит на руках, а для десятилетнего Поля место нашлось лишь в хвосте, где ему приходится сидеть на корточках.

Самолету предстоит посадка на летном поле при миссии Мулиа, откуда на следующее утро полет будет продолжен в Джаяпуру — на северное побережье острова. Горы скрыты в тумане, то и дело раздаются раскаты грома, молнии полосуют небо. Из-за сильных атмосферных помех в радиоприемнике слышится только непрерывный треск, Мено Вуоту с огромным трудом удается поймать ответ из Мулиа:

— Мулиа вызывает «Сесну». Мы слышим тебя, Мено. Ждем сообщений. Прием...

— Говорит «Сесна»! Над горами Стар сгущаются облака. Из-за ливня повернуть назад, в Яссакор, невозможно. В Яссагоре было мало горючего, и через час наш бензобак опустеет. Укажите маршрут через перевал между горами в долину Балием. Прием.

Когда маленький самолет приближается к горам, шквальные порывы ветра, обрушившиеся на машину, заставляют ее содрогаться. Мено летит вслепую. Внезапно по хрупким стенкам начинает барабанить град. Льдинки бьют по окнам пилотской кабины с таким визгом, словно ударяются пули, и видимость становится нулевой. Машина то проваливается в воздушные ямы, то опять взмывает вверх. От страха дети плачут. В хвосте самолета скрючившийся Поль судорожно держится за спинки сидений. Сквозь шум мотора и гул разбушевавшейся стихии пилоту с огромным трудом удается расслышать ответ из Мулиа:

— У нас погода ясная. Попробуй подняться выше, чтобы пробить облака. В облачность путь через перевал очень опасен. Прием...

Хэнк Уортингтон, сидящий у передатчика в Мулиа, начинает как можно медленнее и четче диктовать маршрут вдоль долины Сенг к узкому перевалу на высоте 3 тысячи метров. Насколько можно судить, Мено едва сумел разобрать сказанное Хэнком и одновременно обозначить путь на карте, лежащей у него на коленях.

Слышимость была отвратительной, а видимость из-за дождя и тумана еще хуже.

— Мено, ты меня понял? — надрывается Хэнк в микрофон.— Мено, отвечай! Прием...

Долгое время рация молчит. Наконец в 11.05 Мено сообщает, что не нашел перевала и, где сейчас находится самолет, не знает.

— Придется повернуть назад.— Это были его последние слова.

Хэнк много лет летал через этот перевал, знал, где самые узкие места, знал и то, что там нет возможности развернуться даже маленькому самолету. Он задумчиво покачал головой.

— Вряд ли им это удастся,— вполголоса еказал он собравшимся вокруг людям.

Больше «Сесна» не давала о себе знать. Наутро, в первый день нового, 1969 года, погода настолько прояснилась, что можно было приступить к поискам. Из миссий Нинна и Корупун поступили сообщения, что вверху слышался шум мотора. В воздух поднялись самолеты, их маршрут вел в район между двумя названными миссиями, а именно в те места, где три месяца назад произошло злодейское убийство Дейла, Мастера и их проводника. Погода была прекрасная, в небе ни облачка, однако найти самолет или его обломки в длинных, узких ущельях и на крутых склонах, покрытых непроходимыми джунглями, практически невозможно.

Но уже в середине дня пилот Поль Понтье сообщил интересные сведения. Он вел свой маленький самолет над долиной Сенг в такой близости от земли, что почувствовал даже резкий запах гниющих растений. Под крылом показалась серебристая лента реки. Пилот разглядел внизу что-то ослепительно белое. Что это — соль или маленькое озеро?

Понтье направил свою машину вверх, чтобы сделать разворот. Сидящий рядом с ним Хэнк Уортингтон попытался в бинокль определить, что там внизу отражает солнечные лучи. Вскоре люди, собравшиеся вокруг рации в Мулиа, услышали голос Поля Понтье:

— Мы нашли обломки самолета Мено... Они лежат на земле викбунов неподалеку от того места, где погибли Стэн, Фил и Нденгген. Похоже, вблизи машины оставшихся в живых нет.

Люди в Мулиа с глубокой скорбью встретили эту

весть. Значит, «Долина теней» еще раз потребовала человеческих жертв!

Через двадцать минут от Поля и Хэнка поступило новое донесение:

— У них произошел пожар. Видимо, Мено пытался набрать высоту, но его отбросило на скалы. От удара машина загорелась и перевернулась. Сейчас она лежит брюхом вверх.

Еще через четверть часа Понтье доложил:

— По-моему, здесь уже успели побывать туземцы. Возможно, унесли что-нибудь с собой, но что именно, не берусь сказать. Вижу перед хижинами в Валоховаке и Силиваме много викбунов. Они смотрят в нашу сторону и что-то кричат. Должно быть, угрожают..

Приземлиться в узкой долине самолет не смог, пришлось возвращаться обратно в Ниниа и там дожидаться вертолета, который вызвали из австралийской части Новой Гвинеи. На следующее утро вертолет прибыл на место. Пилот Боб Гамильтон припоминал, что в последний раз он садился на земле викбунов как раз в этом же месте, на следующий день после того, как Йему рассказал об убийстве Стэна и Филадельфии. Он добавил, что тогда воины бросились в атаку на «гигантскую птицу, крылья которой вертятся в воздухе». Ему удалось поднять машину в воздух в последний момент, когда стрелы градом стучали по обшивке. Как-то их примут на сей раз?

Времени на размышления не было. Хэнк Уоррингтон, Фрэнк Кларк и Лулиап, носильщик из племени дани, понимающий язык яли, садятся в вертолет. Едва машина приземлилась, как все бросились к обломкам самолета. Сразу стало ясно, что если кто и остался в живых, то его бессмысленно искать среди обуглившихся остатков самолета. Видимо, их утащили либо в Силивам, либо в Сенгамбут. Но какая их там постигла участь?

Между тем на берегу реки, прорезающей узкую долину, собрались викбуны с длинными копьями и луками в руках. С каждой минутой их становилось все больше. А ведь никто из экипажа вертолета не имел при себе оружия.

— Остается один выход,— говорит Хэнк.— Пойти в Силивам и узнать, остался ли кто-нибудь в живых после аварии.

— Но вспомни, кости Стэна и Филадельфии хранились

именно в Силиваме! — испуганно восклицает Боб Гамильтон. — Как раз из этой деревни карательная экспедиция увела с собой в Вамену вождя Селя. Они же нас тут же убьют! Вернемся в вертолет и слетаем за вооруженным подкреплением!

Ни Хэнк, ни Фрэнк не послушались голоса рассудка. Они отправили Гамильтона в Ниния с наказом как можно быстрее возвращаться с помощью, а сами по узкой, скользкой тропе направились вверх, туда, где виднелись круглые хижины деревни Силивам.

Воины, однако, вели себя странно: не натягивали луков, не замахивались копьями. Когда оба белых подошли к ним вплотную, вооруженные яли расступились. И тут Хэнк Уортингтон заметил наверху маленькую фигурку:

— Дядя Хэнк! Дядя Хэнк!

Навстречу ему бросился Поль Ньюмен. Волосы у него были вымазаны жиром, щеки разрисованы красной глиной. Судя по всему, викбуны позаботились о нем и теперь, видя, как мальчик кинулся в объятия друзей, подбадривали его довольными криками.

5

Как описать то, что пришлось пережить этому мальчугану, пока он вновь не оказался среди знакомых ему людей! Я могу судить об этом, лишь основываясь на рассказе самого Поля после его возвращения в Ниния и на тех сведениях, которые получил от Сутованы из племени викбунов во время нашей беседы в Вамене.

Когда самолет, ведомый Мено Вуотом, в густом тумане налетел на выступ скалы, он рухнул в долину и разломился пополам. То, что Поль находился в неудобном для себя месте, в хвосте машины, спасло ему жизнь: в отвалившейся хвостовой части не было баков с горючим. Содрогаясь от ужаса, мальчик видел, как горели его родители, братья с сестрой и пилот. Сам же он несколько не пострадал и, подстегиваемый страхом, бросился прочь от огня, туда, где увидел какие-то строения. Это была деревня Силивам. Он видел, как навстречу ему бежали люди, слышал голоса вокруг, но больше ничего не помнит. Очнулся он в хижине. Его окружали мужчины. Двое из них мазали его волосы чем-то жирным, от чего исходил отвратительный запах. Лица людей показались ему такими свирепыми, что он заплакал. Но мало-помалу он понял, что они не соби-

раются делать ему ничего дурного. Посреди хижины горел очаг. Один из мужчин бамбуковой палочкой вытащил оттуда один горячий батат, положил его на банановый лист и протянул Полю. Другой принес ему воды. Мальчик настолько устал и обессилел от пережитого, что вскоре снова погрузился в беспомыслие.

А вот что рассказал Сутована, который в тот день находился среди воинов-викбунов в мужском доме:

— Никто не собирался убивать белого мальчика. Мы убили миссиев, потому что они хотели сжечь наши священные предметы и научить нас жить по-новому. А этого мы совсем не желали, иначе духи предков уничтожили бы нас. Убивая миссиев, мы защищали свои права и съели их для того, чтобы получить частицу их силы.

— Но вы знали, что ваш вождь Сель пойман людьми-с-огнедышащими стрелами. Разве это не послужило причиной того, что вы обозлились на всех людей со светлой кожей?

— Нет,— упорствовал Сутована.— Селя и вождя Холонпа взяли в плен потому, что сожгли наш священный холим. Сель и Холонпа оказались слабыми людьми, раз они позволили такому случиться. Они не сумели защитить самое ценное. И потому справедливо, что их от нас забрали. Мы тогда думали: белые их убили и съели. Но маленький мальчик мог принести нам удачу. Кто знает, быть может, он был «ходячим фетишем». Это такой священный подарок, который, по нашим обычаям, дарит вражеское племя после заключения мира. Какое-то время он находится в мужском доме, а потом его возвращают дарителям.

Вот почему мы решили обойтись с маленьким белым мальчиком как можно лучше. Мы его накормили, дали воды и смазали его волосы священным старым жиром, чтобы показать нашу добрую волю. Мы ведь видели, что все другие белые, прилетевшие на птице-драконе, погибли, и понимали, что он объят горем. Поэтому мы помазали красной глиной его щеки и обрызгали плечи отваром из стеблей бамбука. Но он так устал, что сразу заснул.

Угонан, новый вождь деревни Силивам, приказал принести острый бамбуковый нож: им следовало отрезать крайние фаланги на шести пальцах мальчика. Около огнедышащей птицы мы нашли шесть обгоревших трупов, и, согласно обычаям, существующим в наших

деревнях, каждому, кто горюет по умершему, следует отрезать фалангу на пальце.

Но когда в хижину принесли нож, я решительно возразил против этого. «У полицейских и белых, которые находились в Викбуне, я не видел ни одного с обрезанным пальцем,— сказал я,— а их было так много, что наверняка кто-нибудь из них пережил горе. Белые люди не режут своих пальцев, а потому и нам не следует делать этого».

На следующее утро мы увидели, что над нами кружит маленькая сверкающая птица. Мальчик стал бегать взад-вперед и звать ее к себе. Но его не заметили. Только когда двое белых людей из машины-у-которой-крутится-макушка пришли в Силивам, они его обнаружили.

Нам очень хотелось знать, действительно ли он «хочячий фетиш».

Поль Ньюмен и в самом деле принес удачу. Вскоре Боб Гамильтон привез в Силивам две свиньи, стальные топоры и другие ценные подарки, а еще через несколько дней он вновь приземлился на том месте, где были убиты миссионеры. Он привез с собой вождя Селя, которого освободила индонезийская полиция в знак доброй воли.

Казалось бы, после всего случившегося миссионеры могли надеяться, что викбуны сожгут свои фетиши там, где искоренена старая вера и созданы миссионерские посты. Однако этого не произошло, и сегодня, четыре года спустя, долина Сенг по-прежнему закрыта для белых людей. С тех пор в этих местах ни разу не побывал вертолет. По мнению индонезийских властей, пройдет не один десяток лет, прежде чем викбуны приблизятся к современной цивилизации. Кто знает, так ли это?

Сутована — один из немногих, кто перешел жить в Вамену. Его примеру последовали лишь несколько человек из долины Балием.

— Встречи с белыми людьми произвели на меня и некоторых моих товарищей такое впечатление, что мы не могли больше жить под властью фетишей,— говорит Сутована,

— А фетиши по-прежнему имеют власть над викбунами?

— Больше, чем прежде... Теперь все чаще один клан воюет с другим, а победители, чтобы стать сильными, съедают своих врагов.

Что такое Ириан-Барат и Ириан-Джая.— Визит президента Сукарно.— Требование властей о «принудительных штанах».— Земля бывшего германского кайзера Вильгельма.— Страх австралийских колонистов

I

Из Вамены я лечу в Джаяпуру, столицу Ириан-Джая. Как сам город, так и страна не раз меняли свое название. Когда власть в Голландской Новой Гвинее перешла в руки индонезийцев, страна называлась Западным Ирианом, или Ириан-Барат. Многие полагали, что слово «Ириан» составлено по первым буквам индонезийской фразы: «Ikut Republik Indonesia Anti Nederland», которую можно перевести так: «Присоединимся к Индонезийской республике в борьбе против Голландии». На самом деле это вовсе не так. Жители Биака, одного из островов Схаутен у северо-западного побережья Новой Гвинеи, на протяжении столетий называли близлежащую землю «Ириан», что означает «теплая земля». Основатель проиндонезийской партии в Голландской Новой Гвинее, папуас по имени Силас Папаре, бежал в Джакарту, когда голландцы запретили его партию (Партэй Кемердекаан Индонесиа Ириан), и решением индонезийского парламента бывшая голландская территория стала называться Ириан-Барат (Западный Ириан). В 1973 году страна была переименована в Ириан-Джая (Великий Ириан).

Разумеется, и столица не могла больше называться Холландией, после того как в 1963 году Ириан-Барат был включен в состав Индонезии в качестве семнадцатой провинции. Во времена голландского правления был построен пригород, который называли Кота-Бару, что по-малайски означает «Новый город». Этим именем позднее стали называть бывшую столицу Холландию.

1 мая 1963 года в западной части Новой Гвинеи власть перешла к Индонезии. 4 мая президент Сукарно

с триумфом прибыл в Кота-Бару на военном судне, откуда совершил символический полет в Мерауке, восточную точку огромного индонезийского государства. Когда он пролетал над горными хребтами в центре острова, то распорядился переименовать вершину Вильгельмина-топ в Пунчак Сукарно и вершину Юлиана-топ в Пунчак Трикора (Вершина тройственной команды народу). На новейшей карте этого района оставлено лишь название Вершина Трикора.

В Ириан-Барат Сукарно прибыл с помпой, но вскоре пыл его угас. Папуасов следовало превратить в индонезийцев еще до конца года, и это было решено осуществить в три коротких этапа, которым дали наименования: собрания, флаг и одежда.

Все это происходило, однако, в то время, когда в самой Индонезии свирепствовала инфляция и миллионы людей голодали. На собраниях с местными жителями последние не только не получали никаких подарков, напротив, новые чиновники пытались отобрать у островитян плоды таро и свиней. Что касается флагов, то их было множество. Как полагают, до 125 тысяч маленьких матерчатых флажков было сброшено в центральном районе острова между населенными пунктами Энротали и Вамена. Их использовали самым различным образом, и можно не сомневаться, что местные племена были им рады, хотя и не понимали, для чего они предназначены и что означают. По здешним обычаям, мужчины смазывали утолщенный конец своего холима свиным жиром, а внутрь клали соломинки, чтобы холим не натирал. Теперь они обнаружили, что ткань гораздо лучше подходит для этой цели. Когда сведения об этом дошли до гордой своими начинаниями администрации в Кота-Бару, сбрасывать флажки в долину Балием и соседние с ней районы перестали.

Акция, направленная на то, чтобы заставить коренных жителей носить одежду, также потерпела провал. В Вамене и Энротали поймали кое-кого из островитян и под угрозой телесных наказаний заставили надеть штаны, которые новая власть им дарила. Но это привело лишь к тому, что бедняги перестали появляться в этих населенных пунктах, а подарки передавались из рук в руки тем, кто вынужден был туда заходить. Нетрудно себе представить, в какое плачевное состояние они пришли! С уходом Сукарно о преобразованиях с помощью собраний, флагов и штанов перестали думать.

Правда, бывший президент Индонезии успел переименовать Кота-Бару в Сукарнапуру, но с приходом к власти президента Сухарто город в четвертый раз сменил свое название. Теперь он известен как Джаяпура.

Но были ли австралийцы хоть чуточку лучше, когда после первой мировой войны им передали управление бывшей германской колонией Земля кайзера Вильгельма в качестве подмандатной территории под эгидой Лиги наций? Река императрицы Августы стала называться Сепик, порт Фридрих-Вильгельмсхафен был переименован в Маданг, Стефансорт — в Богадым, гора Гербертсхёе — в Кокопо. Большой остров Ной Поммерн стал называться островом Новая Британия, а Ной Мекленбург превратился в Новую Ирландию.

Но смена названий была сущим пустяком по сравнению с той враждой, которую австралийцы пытались привить местным жителям к их бывшим немецким хозяевам-колонистам. Из Джаяпуры я вылетел в Лаэ (в австралийской части Новой Гвинеи, бывшей Земле кайзера Вильгельма), откуда намеревался на небольшом арендованном самолете добраться до патрульного поста Меньямья. Рядом со мной сидит высокопоставленный американский чиновник из ООН, который инспектировал в Ириан-Джая работу ФУНДВИ — организации по оказанию помощи Ириан-Джая в рамках ООН.

Мы пролетаем над побережьем подмандатной территории, и американец рассказывает мне всякие ужасы из истории немецкого правления в этих местах, в частности о том, что по субботам мужчин-aborигенов выводили на особую площадку, где каждый из них получал по три удара бамбуковыми палками независимо от того, совершал он какой-нибудь проступок или нет. «Таким путем немцы старались внушить к себе почтение», — заметил американец.

Я и раньше совершил две поездки по этой территории и не раз слышал историю о розгах, причем всякий раз новый ее вариант. Мне хотелось доискаться до ее источника, но это оказалось невозможно. Скорее всего все это вообще чистый вымысел. Я убежден, что пагубно противопоставлять одну нацию другой. И среди немецких, и среди австралийских колонистов были, разумеется, и хорошие и плохие люди. На протяжении ряда лет мне четырежды предоставлялась возможность пересечь Новую Гвинею из конца в конец. Я мог срав-

нить результаты правления немецкой, австралийской, голландской администрации... Виденное дает мне известное право утверждать, что лучшими колонистами были немцы. Те немцы, которые и поныне проживают на Новой Гвинее, в основном вполне добропорядочные люди.

2

Из Лаэ я продолжаю путь в Саламауа и Вау, которые еще несколько лет назад были процветающими городками, где жили тысячи австралийцев со своими женами и детьми. Сегодня многие виллы в красивых пригородах опустели, но бары никогда прежде не были так переполнены; и хотя пьют пиво «Форстер» и «Виктория», а не немецкое, в местном обществе по-прежнему царит атмосфера сборищ «юнггезеллен»¹⁶, как в старые времена, когда территория принадлежала немцам. С одной существенной оговоркой: тогда было начало колонизации, теперь же наступает конец колониального периода. Приехав в Вау, я зашел в бар и, пока наслаждался у стойки пивом, стал свидетелем двух драк, на которые никто не обратил внимания. Правда, Вау всегда был беспокойным местом — это объяснялось близостью к золоту на землях племени кукукуку.

Одно время зубным врачом тут был Эрик Вин, человек неглупый, но весьма своеобразный. Золотоискатели не всегда расплачивались с ним за протезы, которые он для них делал. Говорят, что как-то раз один из них имел неосторожность подойти к нему в баре и пожаловаться на то, что протез причиняет беспокойство.

— Ну-ка, вынь его и дай посмотреть, — предложил Вин.

Взяв протез, он швырнул его на пол и раздавил ботинком.

— Теперь мы в расчете, — спокойно сказал он.

Особенно досадил ему молодой Эррол Флинн, который в то время работал здесь старателем. Он удрал в Гонконг, так и не уплатив Вину по счету. Когда Флинн стал знаменитым киноактером в Голливуде, Вин послал ему счет, но был вынужден удовлетвориться цветной фотографией кинозвезды, которую тот прислал

¹⁶ Разгульные холостячки немецкие компании.

в ответ. Он повесил ее в своей уборной, где ее сожрали тараканы.

Однажды австралийский ревизор, направленный в Бау для проверки золотого прииска, рассказал, что в углу бара он заметил человека, растянувшегося на полу во весь рост.

— Да, крепко вы тут друг друга отделяете,— заметил он одному из посетителей.— Случись это в Сиднее, кто-нибудь вызвал бы полицию.

— А это и есть местный полицейский,— услышал он в ответ.

Глава восьмая

Река ужасов.— Откуда произошло название племени.— Каждый подросток должен стать «убийцей людей».— Гибель золотоискателя Даммкёлера. «Злейшие люди планеты».— Нужны три переводчика.— Нападение

1

Всю ночь лил сильнейший дождь. Он начался во второй половине дня с нескольких тяжелых капель, а затем разразился с такой силой, словно небо прохудилось. Вода хлестала как из брандспойта. Дождь застал нас на Этросити-ривер, или Реке ужасов, на центральном плато, которое славится обилием осадков. Толстые струи воды с шумом падали на листья деревьев, хлестали по высоким, в рост человека, стеблям травы кунай, заставляя ее колыхаться, подобно тому как волнуется в непогоду хлебная нива в наших северных краях. Горные тропы смыло, по ним, как по скользкому льду, было опасно ходить. По брезентовой крыше нашей палатки дождь бил с такой яростью, что казалось, будто она установлена под самими каскадами воды, которую выбрасывает из своих недр фонтан Гивиион на одной из площадей в Копенгагене.

Под утро дождь наконец прекратился. Какое-то время запоздалые капли медленно, с шумом скатывались с листьев, но вскоре все смолкло, только слышался гул реки. Над нашими головами, на черном, точно бархат, небосводе проплывали клочья свинцовых туч, заслоняя бледную луну. Лежа в палатке под покровом mosquito-сетки, я вдруг увидел, что потоки воды по обе стороны от моей раскладушки смыли траву и грозят перевернуть хрупкую деревянную конструкцию, служащую мне ложем. Я уже потянулся за карманным фонарем, чтобы попытаться найти свои покрытые толстым слоем грязи сапоги и поправить положение, как чья-то рука сквозь сетку зажала мне рот, и я услышал шепот переводчика Джона:

— Не шевелись... Не зажигай фонарь!

— Ты думаешь, они поблизости?

— По-моему, на том берегу. Лежи тихо, давай послушаем...

Поначалу я слышал только журчание воды. Внезапно молния выхватила из темноты окруженные клубами тумана деревья, гулкие раскаты грома эхом прокатились в долинах по ту сторону реки. Когда молния и гром завершили увертюру к моему гастрольному спектаклю на берегах Реки ужасов, обозначенной на карте как Верхняя Таури, я заметил, как раздвинулся занавес. Все было готово к первому акту. Скоро появятся главные персонажи — воины-кукукуку. И будет передо мной разыграна драма на мотив «танца ужасов» или же веселая комедия из времен каменного века, я пока не знал. Что ждет меня — мучительная смерть или встреча с детьми природы, исповедующими любовь к ближнему и радость жизни? Эти мысли роем пронесли в моей голове, а между тем доносившиеся из темноты звуки не оставляли сомнения в том, что воины-кукукуку находятся совсем рядом. Громкое пощелкивание языком, заглушающее плеск воды, свидетельствовало о том, что один из патрулей племени вступил на боевую тропу. Такими звуками кукукуку стараются задобрить злых духов, которые всегда появляются в образе казуара, и для этого подражают кудахтанью птицы во время спаривания.

Удивительная птица казуар; удар мощных ног по силе не уступает удару задних ног мула, а ее лобная кость похожа на забрало большого шлема. В какой-то момент ее кудахтанье напомнило мне о нашей кукушке в кустах в ночь на Ивана Купалу, и, лежа здесь, в сырых джунглях, вдыхая воздух, наполненный запахом гниющих растений, я вдруг оказался во власти сентиментальных воспоминаний о белых ночах по другую сторону земного шара. Но тут же поймал себя на мысли, что точно так же пощелкивают языком воины-кукукуку перед тем, как броситься в атаку. Птица казуар на языке береговых папуасов называется кукукуку, и это имя из-за воинственного клича (который одновременно призван отпугивать злых духов) было присвоено племени, которое само себя называет меньямья, что можно скорее всего перевести как «правильные люди».

Воины-кукукуку в своих поступках руководствуются

собственными представлениями о добре и зле. Насколько я мог понять, их религия состоит в том, чтобы ублажать злых духов, которые окружают их повсюду. А для того чтобы их смягчить, необходима кровь. «Священной водой» для племени кукукуку служит кровь врага. 13—14-летний подросток не считается взрослым воином до тех пор, пока ему не проткнут носовой хрящ, не сделают обрезание и не уложат на сутки-другие в лужу грязи, после чего его отстегают колдун и предводители деревенской дружины. И все это делается по доброте, ибо, они полагают: менямья — правильные люди, которые стремятся поступать разумно, дабы злые духи держались от них подальше. Народ кукукуку знает, что есть такая сила, которая называется администрацией,— это люди с огнестрельным оружием, а во главе их стоит киап, белый человек. Но в их стране немало земель, куда киап и его люди с ружьями никогда не попадают и где все еще ведется борьба со злыми духами. Именно туда племя и посылает свои воинственные патрули, там они ищут враждебные селения, на которые можно напасть. Вот тогда-то и наступает час подростков, прошедших испытания. Тот из них, кто убьет врага, получает доступ в мужской дом. Своим поступком он доказал, что способен действовать разумно, и теперь все знают, что для племени он будет верным человеком. В известной степени такое испытание для молодежи племени кукукуку можно уподобить конфирмации: подросток подтверждает свою принадлежность к роду и обещает следовать его обычаям. Испытуемый, его отец и все мужчины семьи принимаются энергично куковать, дабы умилостивить злых духов, и сразу вслед за этим совершается убийство врага...

Первые проблески рассвета окрасили небо на востоке. До нас донеслись только призывные кличи, самих людей не было видно, они скрывались в высокой траве по ту сторону реки.

Невыносимо долго тянулось ожидание. Чтобы хоть немного отвлечься, я спросил, почему менямья не нападают ночью? Переводчик объясняет, что они страшатся злых духов. Ведь для них эти духи бóльшая реальность, чем живые люди.

— Здесь во всех реках и речушках на плато полно рыбы,— говорит он.— Но ни один из воинов-кукукуку не осмелится забросить сеть: они верят, что вода принадлежит духам, а значит, и рыба тоже. Особую власть

духи имеют по ночам; когда же появляется солнце, сила их немного убывает. И только при дневном свете воины решаются приблизиться к реке. Вот почему ночные часы на берегу реки — самое безопасное время.

Ныне уже покойный киноактер Эррол Флинн сумел однажды спастись именно благодаря этому. Будучи совсем молодым, он управлял сбором копры на островах близ побережья. Там он влюбился в красавицу Фриду, дочь вождя острова Виту, Питера Хансена. Но вскоре Флинну надоели и Фрида, и мирная жизнь на плантации, и он решил поискать более короткий путь к счастью. По дороге к землям золотоискателей, неподалеку от того места, где мы теперь разбили свой лагерь, он услышал предупреждающие звуки, которые издавали воины-кукукуку, и приготовил пистолет. На рассвете воины пошли в атаку. Флинна ранило стрелой, но пистолет помог ему отразить нападение. Очутись он подалее от реки, на него наверняка напали бы и мирные любители кино лишился бы одного из своих кумиров. Герои, которых доводилось позднее играть Эрролу Флинну, попадали в опасные ситуации, однако самые критические минуты актер пережил именно в этих местах. И это была не игра, а сама жизнь.

Вильгельм Даммкёлер, известный тут под прозвищем Немец Вилли, также пытался утолить свою жажду золота у реки, получившей позднее название Реки ужасов. Однажды, когда ему уже посчастливилось найти около килограмма золота и он отдыхал возле своей палатки, наслаждаясь мыслью об обретенном богатстве, неожиданно в его грудь глубоко вонзилась стрела. Вилли, здоровенный бородатый мужчина, выдернул ее с такой силой, что упал на землю, а тем временем его товарищ Ольдорф открыл огонь по стрелкам из лука, которые, перепрыгивая с камня на камень, приближались к палатке. Из своей автоматической винтовки Ольдорф прикончил около двух десятков нападавших, после чего атака прекратилась. Человек пять — те, кто мог еще стоять на ногах, — как по команде, бросились к реке, вода которой окрасилась в красный цвет от крови убитых. Надо полагать, воинвокукукуку сковал страх: они не могли понять, почему были сражены их товарищи, ведь они упали после нескольких оглушительных раскатов грома! Значит, духи реки были настроены к ним враждебно даже днем.

Но раненого Немца Вилли уже не интересовали причины, которые заставили воинов отступить. Кровь хлестала из его груди, и он терял силы с каждой минутой. Вскоре Вилли скончался. Когда наступила ночь, Ольдорф похоронил его под проливным дождем. Сам он торопился покинуть Реку ужасов. Его тоже ранило, и, чтобы немного уменьшить боль, Ольдорф засунул под рубаху лоскут материи. Стремясь избежать нападения, он всю ночь шел вдоль западного берега реки. Под утро, достигнув реки Ватут, он кое-как скрепил несколько стволов деревьев и веток, соорудив подобие плота. Это отняло у него последние силы. Единственное, что его утешало,— это мысль о золоте. Он знал, что если сумеет добраться живым до места, где живут белые, то станет богатым человеком. Прижавшись к плоту, он плыл вниз по стремительной реке. Но примитивный плот не выдержал течения, перевернулся, и в воду упали мешок с провиантом, компас и... золото. Часа через два за борт смыло ружье и спички. И все же три дня спустя полумертвый Ольдорф добрался до устья реки Маркам, где была миссионерская станция. Там из его тела удалили наконечники стрел и потом долго залечивали ему раны.

Скрыть тот факт, что на Реке ужасов, на землях племени кукукуку, обнаружено золото, оказалось невозможным. И хотя до этих мест, обозначенных на карте как неконтролируемый район, почти три недели пути через горы и мангровые болота, ничто не могло удержать искателей приключений. Они хлынули туда, влекомые надеждой разбогатеть и в не меньшей мере скрасить серые будни повседневной жизни минутами, полными опасности и приключений. Нигде нет столь крупных и столь агрессивных крокодилов, как на этих реках, а здешние жители, которых считают самыми жестокими на земле,— это и есть те удивительные кукукуку, что поедают мясо сраженных врагов и выражают тем презрение к убитому. Это они разбивают головы собственным родителям, когда те стареют и жизнь им становится не в радость, а потом, совершив этот акт «человеколюбия», съедают мозг умершего.

До нас дошли имена нескольких белых, добравшихся до берегов Реки ужасов. Правда, нелишнее добавить, что если кто из них и обнаружил золото и сумел возвратиться обратно живым, то добровольно о своих находках местной администрации не сообщал. Нет, не из

местных архивов мне стали известны их судьбы, и многое из того, о чем я расскажу в этих и последующих главах, в летописи Территории Новая Гвинея не зафиксировано, хотя кое-что, конечно, и можно обнаружить в судебных протоколах. Шарки (урожденный Уильям Парк), переживший более 20 нападений воинов-кукуку, любил показывать завсегдатаям трактира в Вау рубцы от 32 наконечников стрел на своем теле. Судя по всему, ему удалось найти золото, потому что он умер миллионером несколько лет назад в Ванкувере. Некий профессор Уимблдон, который, как рассказывают, защитил диссертацию на степень доктора теологии в Оксфорде и научился бегло говорить на языке кукуку, нашел на западных притоках реки Таури шесть-семь килограммов золота. На миссионерскую станцию в верховье Маркама он добрался с двенадцатью наконечниками стрел в теле, и по этой причине его прозвали Ежом. Новую Гвинею Уимблдон покинул под другим именем. По слухам, все свое состояние он потерял в Монте-Карло. Джек Симпсон принес в долину каннибалов ручную обезьяну; такого зверя кукукуку прежде не видели и в ужасе разбежались. Так Симпсон, потерявший винтовку при переправе через реку, благодаря обезьяне сумел избежать встречи с их патрулем. Правда, золота он не нашел, но долгие годы сохранял признательность к своему спасителю. Когда обезьяна умерла, он сделал из нее чучело, которое постоянно возил с собой. Джон Гулливер, у которого было много и других имен, утверждал, будто его происхождение уходит корнями в датский, норвежский и шведский королевские дома. Джон был принят в состав племени кукукуку и прижил много детей с дочерью одного вождя, так что не исключено, что и теперь в тех краях живут далекие «родственники» скандинавских королей.

Среди всех авантюристов выделяется Хельмут Баум, небольшого роста немец, с румяным, чисто выбритым лицом. Долгие годы он был единственным белым, к кому кукукуку питали уважение, причем никто не знает почему. При появлении их патруля Баум обычно выбегал навстречу со словами: «Тоу-тоу-тоу», что на языке племени означает что-то вроде «вход запрещен». Быть может, он произносил эти слова особенно убедительно, потому что на него никогда не нападали. Другие пытались следовать его примеру, в частности Джон Гулливер, скандинавский «королевский отпрыск». Как мы уже

знаем, ему это удалось, и остаток своих дней он прожил в качестве вождя среди племени кукукуку.

Но в конце концов и Баума подстерегла неудача. Обычно перед сном он имел обыкновение собирать топоры и ножи своих проводников и складывать их под походной кроватью в своей палатке, дабы его люди не вели себя агрессивно и не провоцировали нападение. Однажды, когда уже взошло солнце, кукукуку пришли к нему в лагерь на берегу реки. Баум еще спал. Воины хотели предложить ему сахарного тростника, однако, обнаружив, что его нет на посту, они схватили каменные топоры, припрятанные под их лубяными накидками, и убили самого Баума, а также многих из его проводников. Троицким все же удалось бежать.

2

Арендовав одномоторный самолет в Вау, я вылетел в патрульный пост Меньямья (в центре земель кукукуку) и попал в то место, где находился последний лагерь Баума. Здесь я нанял восемь проводников, которые взялись провести меня на восточный берег Реки ужасов. А уже оттуда я буду пытаться уговорить местных жителей нести мою фотоаппаратуру, магнитофон, ящик с медикаментами, провизию и такелаж для лагеря. Одновременно они будут служить проводниками.

От моего нынешнего лагеря до долин Хелук и Сенг, где были убиты миссионеры Дейл и Мастерс, по прямой свыше тысячи километров. Местность изрезана высокими горами, между которыми — поросшие джунглями долины. Ее называли Земля бытия, потому что она выглядит так, словно ее только что сотворил господь бог. А еще говорят, что она была создана в субботний вечер, когда творец изрядно устал и кое-как побросал на Землю высокие горы и непроходимые болота. Австралийцы называют этот район Броукн Боттл, что означает «Разбитая бутылка»: камни здесь такие острые, что протыкают любую подошву.

В этих долинах проживают племена, которые никогда не встречали киапа или туана (так называют представителя администрации по индонезийскую сторону границы), а если и встречали, то случайно. В одной долине жители ведут свободный образ жизни и могут предложить путешественнику своих жен, тогда как в другой вы нанесете смертельное оскорбление, если посмеете дотронуться до соломенной юбочки молодой

девушки. В одной долине над мужским домом сооружают прямо-таки фронтоны высотой до 30 метров, а в соседней живут в землянках вместе со свиньями. Все эти племена настолько различны, насколько вообще один человек может отличаться от другого, но всех их роднит одно: с незапамятных времен они боятся воинственных патрулей кукукуку, которые держат в страхе огромный район между рекой Маркам на севере, побережьем на юге и далеко в глубь гор на западе.

Путешествовать среди кукукуку нелегко, особенно большую трудность представляет проблема переводчиков, без которых невозможен никакой контакт с представителями местных племен. От хорошего переводчика зависит ваша жизнь. Мне удалось нанять двух; один из них, Джон Маданг, переводил с английского на пиджин, а второй — с пиджина на моту — язык, общий для племен Папуа, который понимают и многие жители горных районов. Среди носильщиков нашелся человек, который может переводить с моту на кукукуку-куск — язык весьма своеобразный: каждая фраза в нем начинается с шепота, а заканчивается рычанием. В этом языке насчитывается не менее полусотни слов для обозначения стрелы и лишь одно, означающее кастрюлю, лохань, сосуд.

Вероятно, читателю небезынтересно знать, ношу ли я при себе оружие. Почему я должен думать, что племена кукукуку сделают для меня исключение, если они уже отправили на тот свет такое множество людей? Так вот, сам я оружия не ношу, но один из моих переводчиков имеет в своей поклаже заряженный револьвер. Правда, мы оба надеемся, что нам не придется к нему прибегнуть. Я уже свыше 25 лет путешествую среди разных племен и народов. О некоторых из них говорят как о «враждебно настроенных», но опыт подсказывает: если прийти к ним с дружескими чувствами, дать понять, что не желаешь им ничего плохого, а, напротив, пришел с подарками и поток этих подарков не иссякает, то опасность путешествовать среди них не столь уж и велика. Разумеется, известный риск существует, но, если быть честным до конца, именно этот элемент риска и делает путешествие особенно интересным, а жизнь содержательной и полнокровной! При этом я, конечно, отнюдь не жажду стать вторым Хельмутом Баумом. Сейчас, когда первые проблески рассвета коснулись берегов Реки ужасов, я вполне отдаю себе

отчет в том, что река не без оснований получила это имя. Воины-кукукуку вряд ли откажутся от искушения расправиться со мной и с моими спутниками, если не найдут достаточно веских оснований, чтобы этого не делать.

Именно эти основания я и должен сейчас им представить. Надо показать, что я в дружбе с духами реки и нападение на нас обречено на неудачу. Солнце отбрасывает длинные блики на траву по ту сторону реки, когда они наконец появляются — один за другим. Их призывный клич напоминает лай своры легавых собак, ожидающих своей добычи. Вскоре можно разобрать и другой звук в этом хоре: такое впечатление, будто много людей одновременно ударяют указательным пальцем по натянутой резинке. Переводчик указывает мне на стрелков, которые, не переставая куковать, постукивают большим пальцем по тетиве лука. А на другом берегу Реки ужасов стою я с вздетыми к небу руками, стараясь тем самым показать свои мирные намерения.

Словно по команде, грозные воины кидаются в холодную воду и, прыгая с камня на камень, с громкими, воинственными возгласами быстро движутся в нашу сторону. Мне приходит в голову, что, если я когда-нибудь услышу летом в Скандинавии кукование кукушки — если услышу! — вспомню не мирный северный лес, а клич этого воинственного племени. Какой же ужас должен наводить он на жителей деревень и населенных пунктов от высокогорных долин острова вплоть до побережья Арафурского моря! По преданию, стены Иерихона пали от звука труб; немало селений замирало от ужаса, заслыша страшное кукование, которое сейчас перешло в дикий лай. Мысли мои перенеслись в далекое прошлое. Наши скандинавские пращуры, наверное, не раз подвергались грабительским набегам других племен, когда те похищали женщин или просто стремились утолить жажду крови. Этот отвратительный, нечеловеческий рев! Как тут не вспомнить одного шотландского золотоискателя, который, отправляясь на земли кукукуку, всегда брал с собой волынку: едва раздавалось кукование нападающих, он приказывал своим проводникам стрелять по атакующим, а сам старался заглушить их рев игрой на волынке. Но это его не спасло: он был ранен стрелой в шею и скончался.

Один из воинов — мне удалось разглядеть, что это мальчишка лет четырнадцати, — вырывается вперед.

Он несется наперерез бурным потокам воды к противоположному берегу, как раз туда, где находимся мы, и я с изумлением вижу, как он останавливается на большом камне, поднимает лук, натягивает тетиву и целится прямо в меня. Возможно ли это? Неужели он и впрямь осмелится выстрелить в белого человека, в киапа?

Какая чушь! Паренек действует лишь по законам своего племени. Его, видимо, незадолго до этого приняли в мужской дом, но пока еще не считают убийцей людей. А до тех пор пока он не убьет человека, его не будут считать взрослым воином. И сейчас у него появилась такая возможность! К тому же если он меня уложит, то, может быть, и возвысится над другими... Ведь он сразит киапа, белого человека! Разве с этим можно не считаться?

Обо всем этом я успел лихорадочно подумать, бросая свое грузное тело в траву как раз в тот момент, когда мальчишка натянул тетиву. Стрела просвистела в воздухе в полуметре надо мной и вонзилась в дерево позади.

Я растерянно огляделся, не зная, как быть. На помощь пришел переводчик. Он отрицательно покачал головой. Да, сейчас не место и не время прибегать к оружию. Если мы это сделаем, то лишим себя возможности установить контакт с племенем и нам не останется ничего другого, как отправиться в изнурительный поход по скользким тропам через горы назад, к патрульному посту Меньямья.

И переводчик сказал:

— Дай ему пару шоколадок. Ты же киап!

Не успел я встать на ноги, как увидел, что мальчишка вкладывает в тетиву новую стрелу. Я не растерялся и направил на него фотокамеру. Сверкнула вспышка — и нападающие застыли как вкопанные. Воспользовавшись их замешательством, я прыгнул и изо всей силы навалился на своего обидчика. Однако мне не было нужды расправляться с ним: он и без того дрожал от страха. Не знаю, что больше напугало его — нападение белого человека или удивительная молния, которую он на него напустил. С перепугу бедняга свалился в воду. Крики воинов-кукукуку смолкли. Какое-то мгновение слышался лишь шум бурлящей воды — это река с силой обрушивалась на валуны и гальку. Но вот раздался новый звук, так хорошо понятный всем живущим на

земле звук,— хохот, который с быстротой молнии прокатился от берега до берега. Я протянул руку, схватил опростоволосившегося молодого воина и вытащил его на сушу.

Так никто и не узнал, что в рюкзаке моего переводчика лежал заряженный револьвер. Но я все же не жалею, что он там был!

Глава девятая

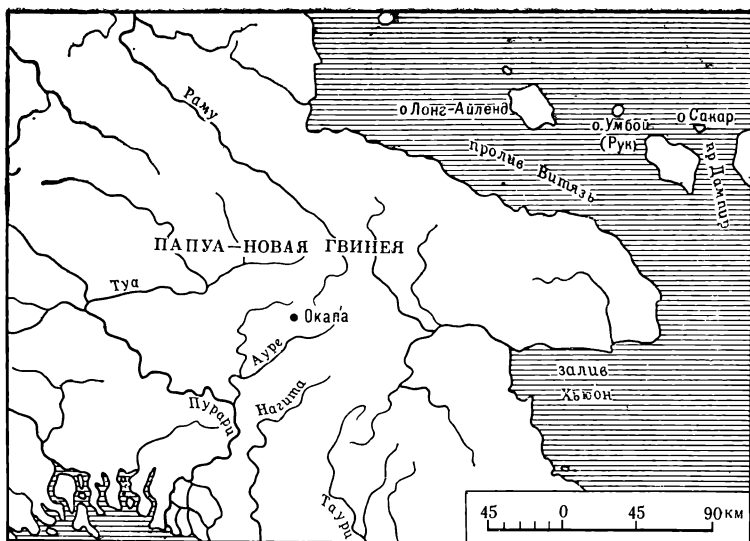

Трава кунай и бамбуковые заросли.—Посвящение в мужчины.— В чем смысл жизни?— Умершие на вершине скалы. Как я отношусь к кукукуку.—Может ли белый человек думать как канак?—Патруль нападает на деревню

1

Горные районы Новой Гвинеи покрыты травой кунай и зарослями бамбука. Трава, крепкая, жесткая и острая, как лезвие ножа, подчас достигает полутора-метровой высоты. Во многих местах бамбук и кунай, увитые множеством растений, образуют настоящие джунгли; ходить по ним без хорошего тесака равносильно лавированию между тысяч бритвенных лезвий. Вы ступаете по илу, погружаясь по колено в грязь, и натываетесь на острые бамбуковые щепки. А тут еще полчища насекомых впиваются в кожу и забираются под веки, чтобы в уголках ваших глаз отложить яйца. Тот, кому хотя бы один день пришлось пробираться сквозь такие джунгли, никогда этого не забудет.

Именно сквозь этот зловещий мир с большим искусством продвигается патруль кукукуку. Его цель — деревня, которую вождь избрал в качестве объекта для атаки. Острыми бамбуковыми ножами они прорезают в зарослях настоящие туннели. Надо сказать, что бамбук в их жизни играет огромную роль. Все их оружие, если не считать каменного топора, сделано из бамбука, в том числе наконечники стрел, которые, вонзившись в тело врага, застревают там и расщепляются на тысячи мельчайших щепочек. Круглые хижины крыты похожими на кегли крышами из листьев бамбука. Палки-копалки из бамбука; сосудами для воды служат бамбуковые трубки, залепленные с одного конца смолой. Даже посуду для приготовления пищи делают из полых бамбуковых стеблей. Из бамбука же изготавливают священные ножи, которыми производят обрезание, а из лиан, что обвивают стебли бамбука, делают розги, что-

Папуа-Новая Гвинея
(центр. часть)

бы до крови стегать ими подростков в момент посвящения в мужчины.

Патруль пробирается сквозь бамбуковые заросли. Воины на четвереньках ползут к плантациям таро, окружающим деревню. Все они вымазаны в грязи, их непрерывно кусают клопы и москиты, полусгнившие ветки бамбука ранят до крови. Передвижение дается им с большим трудом: ведь приходится тащить тяжелые каменные топоры, луки, стрелы и длинные копья. Ночь патруль выжидает в бамбуковых зарослях. Атака начнется на рассвете.

Но эта бессонная ночь и есть священная ночь для тех, кому предстоит стать настоящим воином. По средневековому обычаю, ранее бытовавшему во многих районах Европы, юноша перед посвящением в воины или рыцари должен был провести в церкви бессонную ночь. Чтобы стать воинами племени кукукуку, подростки должны подвергнуться церемонии обрезания, которая в условиях глубочайшей антисанитарии, несомненно, для многих из них смертельна. Тех, кому посчастливилось выжить, отводят в небольшую хижину в потайном ме-

сте в лесу, где им предстоит провести два-три месяца. Все это время им нельзя есть некоторые плоды и мясо. Но вот наступает великий час, когда в хижину приходят первые мужчины деревни. Согласно обычаю, они плюют подросткам в глаза и рассказывают им о собственных подвигах — священных убийствах. Затем острой бамбуковой иглой протыкают носовой хрящ подростка, сопровождая свои ритуальные действия воинственными криками «ку-ку» и сообщениями о нападениях на вражеские деревни. Затем испытуемого выволакивают из хижины, валят на землю и принимаются хлестать лиановыми прутьями до тех пор, пока он не потеряет сознание. Вот теперь он почти мужчина! Его можно было бы уподобить средневековому оруженосцу. Еще одно испытание — и он рыцарь, то есть один из избранных.

Таким испытанием является убийство, которое он должен совершить. По законам племени настоящим мужчиной может стать только тот, кто убьет другого мужчину. Для женщин же законов не существует; их приравнивают к свиньям и применяют к ним те же правила, которые существуют для покупки и продажи свиней. Ночь накануне убийства молодой воин проводит вместе с отцом и дядьями, иногда со старшими братьями — это и есть ночь бодрствования в бамбуковых джунглях. Вероятно, испытуемый волнуется, но не смеет этого показать: ни один мужчина не должен выказывать страх или волнение. Чем он скрытнее, тем выше ставится среди других мужчин в мужском доме родной деревни.

И он знает, что отныне вся его жизнь зависит от нескольких часов на рассвете. Он видел смерть многих своих товарищей во время церемонии обрезания. Видел, как некоторые не выдерживали и начинали кричать, когда им плевали в лицо и протыкали носовой хрящ — теперь они годятся только на то, чтобы стать рабами, ходить за свиньями или надзирать за женщинами, и все! А у него есть шансы стать воином!

Для этого он обязан сам убить мужчину. Если же он сын влиятельного вождя, то случается и так, что кто-то из воинов отца доставляет ему пленного, когда ему самому не удастся найти такового. Пленник, связанный по рукам и ногам, лишен возможности обороняться. В присутствии родственников молодой воин убивает его ударом каменного топора в голову.

Все помыслы, вся, если угодно, творческая фанта-

зия юноши направлены на то, чтобы изыскать способ, как убить врага, а самому остаться невредимым. Жители деревень, на которые нападают, часто принадлежат к тому же племени кукукуку и на протяжении многих лет имеют определенные контакты с нападающими. Поэтому можно предположить, что, по понятиям этих людей, убийство — не что иное, как своего рода торговля, заключение сделки, когда умный дурачит простофилю. Убийство — настолько будничная акция в жизни племени, что кукукуку неведома кровная месть, известная многим другим народам. Деревня, подвергшаяся нападению, может через некоторое время объединиться со своими обидчиками, чтобы атаковать третью деревню.

О племени кукукуку говорят, что их жизнь можно сравнить со смертельно опасной горной тропой. Но чувствуют ли они повседневную опасность, сказать трудно. Когда мужчина выходит ночью по нужде из хижины, он рискует быть убитым. Утром, спускаясь к ручью, он может попасть в засаду. Женщине и того хуже. Она живет вместе со свиньями, и, если тень ее упадет на тень воина, женщину ждет смерть. Мужчина, пребывающий в дурном расположении духа, отыгрывается на своих женах. Если по вине женщины пропадает свинья, несчастную нередко запарывают до смерти. Никто не может убежать из своей деревни. Весь окружающий мир для них — враг; в другой деревне вы рискуете быть убитым и съеденным. Территория, по которой решаются ходить люди, часто не больше европейского городского парка.

Патрульный офицер Маккарти из Меньямьи, откуда моя экспедиция отправилась в страну кукукуку, весьма красноречиво поведал мне, как мало для этих племен значит жизнь человека. По его словам, он находился неподалеку от здания своего патрульного поста, где покупал у местных жителей кау-кау (клубни таро).

— Один из них швырнул к моим ногам несколько корней и протянул руку за солью. В это время другой протянулся вперед и оттолкнул его в сторону. В тот же миг торговец вытащил из-под накидки каменный топор и размозжил обидчику голову, после чего, едва взглянув на убитого, засунул топор на прежнее место и с хихиканьем снова протянул руку за солью.

А мне вспоминается другой, еще более тяжелый случай. Во время моих странствий по бамбуковым за-

рослям среди людей племени кукукуку отряд воинов поднимался по скользкой тропе на гребень горы. Неожиданно одному из пожилых мужчин стало плохо — возможно, у него случился сердечный приступ. Все дальнейшее произошло настолько быстро, что я не успел даже сообразить, в чем, собственно, дело. Я только увидел, что мужчина упал навзничь и с трудом дышит. Я пытался позвать переводчиков, чтобы хоть немного облегчить его страдания: в моей походной аптечке были разные лекарства, которые, возможно, ему помогли бы. В этот момент к старику подбежал Сиу-кун, известный своей храбростью воин, с которым у меня сложились добрые отношения. Подняв каменный топор, он с такой силой опустил его на голову старику, что у несчастного треснул череп.

Все происшедшее произвело на меня такое тягостное впечатление, что я долго не мог прийти в себя. Но понемногу я оправился от шока и даже записал всю сцену в свой дневник. И только тогда понял, какую поистине уникальную, с точки зрения журналиста, картину упустил: мне надо было ее заснять, держа наготове фотокамеру, но меня остановил Джон, один из переводчиков.

— Если ты подойдешь ближе, нас всех убьют, — крикнул он.

— Но почему Сиу-кун его убил? Ведь это его отец.

— Потому-то он и убил его. Сын должен помочь отцу уйти из жизни. Настоящему мужчине уготовано умереть насильственной смертью, лучше всего в бою. Если же духам так неуютно, сын должен прийти ему на помощь и убить. Это акт любви. Но только не подходи ближе, умоляю тебя, киап!

— А что там должно теперь произойти?

— Сиу-кун съест мозг отца.

Эти слова переводчик произносит с таким спокойствием, словно рассказывает о человеке, возлагающем венок на могилу своего покойного отца.

И хотя все это кажется мне каким-то жутким сном, я еще не настолько утратил связь с жестокой действительностью, чтобы не понять одного: я должен запечатлеть на пленку воина-кукукуку, только что ударом топора прикончившего своего больного отца, а затем поедающего его мозг. Такое фото будет настоящей сенсацией, которая облетит весь мир. Вот что еще случается на нашей планете в последнюю треть XX столетия.

И это в век космических полетов и искусственных спутников!

Но Джон смотрит на меня и тихо говорит:

— Ты ведь хорошо знаешь, что тебе никогда не удастся сделать этот снимок. Своим поступком ты отравил бы остаток жизни Сиу-куна. Никто не должен видеть, что там происходит. У человека из племени кукукуку в жизни есть два момента, когда никто не должен ему мешать: когда женщина уходит одна в джунгли, чтобы родить ребенка и затем съесть послед, и когда сын помогает отцу уйти в царство мертвых, остается наедине с его мертвым телом и съедает мозг покойного.

Разумеется, Джон прав. Как мог я думать, что у этих людей притуплены все чувства. Да, они могут казаться тупыми, если мерить их по тем меркам, которыми оценивается жизнь в наше время и в тех широтах, где мы росли. Разве такая основа для оценок справедлива? Сиу-кун убил своего отца, ибо знал, что тот уже не в состоянии бороться в этой жизни, а съел мозг покойного, чтобы тем самым почтить его память и впитать в себя частичку его мудрости и духовной силы. Таковы обычаи племени кукукуку.

Итак, Сиу-куна оставили наедине с отцом. Вместе со всеми и я, погруженный в мысли, по петляющей тропе удаляюсь вверх, туда, где высокая трава кунай закрывает обзор. Прошло минут десять, а может быть, и больше. Наконец появляется Сиу-кун, молча присоединяется к остальным, и мы трогаемся в путь. Никто не проронил ни слова. Но вот Сиу-кун, сначала едва слышно, произносит магическое «куку-куку», и вслед за ним призывный клич подхватывают соплеменники. Так они на сей раз воздают дань уважения умершему. Мне даже кажется, будто в воинственных призывах появились другие, более мягкие тона, которых дотоле не доводилось слышать. Впрочем, не исключено, что все это мне просто почудилось и знаменитые крики означают отнюдь не то, что я пытаюсь в них вложить. А может, в них вообще скрыт более глубокий смысл, чем тот, который до сих пор им приписывали белые.

Я недоумеваю: разве покойника не будут хоронить? Мы ведь оставили труп старика в траве. Вечером, когда мы разбили лагерь, по обыкновению чуть поодаль от воинов, Джон рассказал мне о местном обычае: если кто-либо умирает в походе, его тело оставляют в траве

или джунглях — при условии, что поблизости нет жилья. Здесь опасаются только одного: как бы труп не попал в чужие руки, пока мясо еще съедобно. Если места необитаемы, этого можно не бояться. Если же смерть настигнет война дома, то его труп коптят и помещают на вершину или склон горы, откуда покойник может обозревать родные места и деревню. В землю же ни при каких условиях умершего не закапывают. Кукуку не желают, чтобы он стал добычей червей и грызунов.

2

Теперь, пожалуй, пришла пора рассказать о моих отношениях с воинами-кукуку и о том, как меня приняли в их боевой отряд. Благодаря Сиу-куну, но прежде всего при содействии вождя То-юна я, запасшись щедрыми подарками, получил разрешение отправиться в поход с боевым отрядом племени. Мне было поставлено условие: свой лагерь я должен был разбить не ближе чем на расстоянии полета двух стрел. Кроме того, в моем распоряжении было только два дня. Мне, разумеется, не сказали о цели похода, а я сделал вид, будто ни о чем не догадываюсь. Впрочем, вряд ли воины задавались вопросом, кто я такой и почему нахожусь среди них. Должен, однако, заметить, что не я первый удостоился чести быть принятым кукуку: мисс Беатрис Блэквуд, этнограф из музея Пит-Ривер при Оксфордском университете, сумела прожить много месяцев в одной из деревень племени и ни разу не подверглась нападению. Почему ее не тронули, неизвестно. Что же до меня, то я целый день пытался втолковать То-юну, что не имею ничего общего с правительством и местной администрацией. А кроме того, Джон и другой переводчик, который переводил на моту, как мне показалось, из кожи вон лезли, стараясь убедить воинов, что я «чокнутый» и по этой причине наделен огромной властью над силами природы. В этой части света душевнобольных считают посредниками неведомых могущественных сил. Мне рассказывали, будто и мисс Блэквуд не трогали именно по этой причине. В самом деле, вокруг меня происходят события, которые только подтверждают то, о чем говорил Джон: мне, например, ничего не стоит «закрыть в ящике» (моем магнитофоне) голоса Сиу-куна и То-юна, а потом снова «выпустить» их. Я могу разговаривать с «повелителями

темноты», включив радиоприемник после захода солнца. И хотя я вовсе не человек-боонг (человек с ружьем), но из своей волшебной коробки (фотокамера со вспышкой) могу вызывать молнии. Но больше всего их поразило мое общение с птицей-драконом; судя по всему, меня приняли за сына этого могущественного существа. Многие воины слышали о самолете, некоторые видели даже, как самолет садится и взлетает. Называя его драконом, они, видимо, имели в виду огромного казуара. Племена, живущие вблизи Меньямь, иногда выносят к самолету батат, дабы накормить и убагодворить гигантскую птицу. Самым же удивительным для них казалась непостижимая связь, существующая между мной и этой птицей. Так они и не могли взять в толк, кто же я такой: человек или же сын птицы-дракона, которого не в силах поразить ни одна стрела? Когда солнце стоит высоко в небе, птица с ревом проносится над равниной и прямо над нами «откладывает яйца», которые оказываются подарками для моих новых друзей: здесь брикетки соли, карамель (которую они уплетают прямо с оберткой), старые номера газеты «Порт-Морсби Таймс», из которых удобно делать самокрутки, стальные топоры и раковины.

Сдается мне, не будь этих «яиц», ни меня, ни проводников давно не было бы в живых. Кто станет резать курицу, несущую золотые яйца?! К тому же речь идет об огромной боевой насадке, внушающей почтение.

Настал день, когда отряд приблизился к деревушке, которую То-юн, судя по всему, намеревался атаковать. Он решительно объявил мне, что я должен их покинуть. Джон знал, где находилась их деревня, и я с невинным видом спросил, нельзя ли нам подождать там возвращения отряда. Надо ли говорить, что вопрос был задан вскоре после получения очередного груза с подарками. Показывая на них, я сказал, что будет еще много подарков, но только после того, как мы снова встретимся. В подкрепление своих обещаний я вскакиваю и принимаюсь исполнять воинственный танец, то и дело громко выкрикивая: «Да здравствуют королева Маргрете и большие тиражи „Семейного журнала“!» Все это мои переводчики до вполне понятным причинам не переводят, но у воинов, по-видимому, создается впечатление, что я не в своем уме, и если не выполнить мою волю, то это восстановит против них силы природы.

Может ли цивилизованный европеец думать, как ка-нак, вжиться в образ мыслей местных жителей? Это не-легко, но думаю, что может, надо только постараться выйти за рамки того, что принято называть буржуаз-ным образом жизни. Должен признаться, что, путеше-ствуя более четверти века среди так называемых «дика-рей», я по возвращении домой не раз попадал в боль-ницу — столь велико и длительно было напряжение. На-сколько мне известно, в таком состоянии пребывали и многие другие писатели и журналисты, старавшиеся максимально приобщиться к жизни тех племен, среди которых находились. В самом деле, дорогой читатель, разве автор этих строк не был истинным сыном птицы-дракона в упомянутой мною момент? Иными словами, мог ли он не воспользоваться той верой или суеверием (а где, собственно, проходит граница между этими по-нятиями?!), объектом которой он становится, чтобы до-биться разрешения на поход на обреченную деревню? Надеюсь, читатель поймет, каково это день за днем, неделю за неделей находиться среди диких племен и ни разу хотя бы краешком глаза не приподнять завесу, прикрывающую тайны их повседневной жизни. Нужно ли говорить, что я отнюдь не стал кровожаднее и мои этические нормы в отношении проблемы жизни и смер-ти также не претерпели никаких изменений? Но сейчас эти люди меня принимали — да простится мне это слово! — за сверхчеловека, и я не намеревался их разу-верять, потому что хотел идти с ними в поход. Я знал, что не смогу запечатлеть операцию на пленку и что в первую шеренгу мне не попасть. Должен же, думал я, хоть один европеец стать живым свидетелем этих вар-варских акций, чтобы потом поведать о них свету. Ради этого можно выдержать и последующую критику.

Итак, решено, я возьму на себя роль сына птицы-дракона. Пусть только То-юн и Сиу-кун попробуют угрожать мне копьями! Никто не может меня убить! С поднятой головой я отправляюсь в палатку и прикла-дываюсь к бутылке виски. Каждый глоток словно огонь обжигает горло и наполняет душу уверенностью. Конечно же, я сын птицы-дракона! И таким для них останусь!

— Вот что, Джон, я пойду с ними... Переведи! — решительно говорю я.

В ответ опять слышу слова, которые Джон твердил неоднократно:

— Они тебя убьют.

— Переведи им, и пусть остальные подтвердят твою речь: если кто-нибудь осмелится меня убить, то не пройдет и двух полнолуний, как все умрут и превратятся в падаль. Так сказала птица-дракон!

Не знаю даже, как такая дурацкая мысль пришла мне в голову; впрочем, это неважно. Пока переводчики переводили воинам, я снова забрался в палатку, чтобы прополоскать горло виски.

В конце концов я победил: мне разрешили присутствовать при нападении на деревню. Но теперь, находясь уже в сотнях километров от тех мест и воспроизводя все дальнейшее на бумаге, я хотел бы, чтобы такого разрешения мне не давали.

Всю ночь мы лежим в грязи в бамбуковых зарослях, ожидая рассвета. Я пытаюсь сосредоточиться и взглянуть на происходящее трезвыми глазами. Разве не так чувствовали себя люди в окопах в минувшую войну? Они шли на смерть, вдохновляемые мыслью о том, что перед ними враг, которого надо уничтожить во имя жизни других людей. А сейчас люди вокруг меня жаждут пойти в атаку, твердо веря (и те, кто постарше, и те, кто помоложе), что дальнейшая судьба трех подростков зависит от того, будут ли убиты трое взрослых мужчин — врагов.

Облака то и дело закрывают луну. В мгновения, когда становится светло, я вглядываюсь в лица воинов. Они сейчас и в самом деле похожи на лица бойцов. Да и вообще эти лица ничем не отличаются от всех других лиц в мире. Воины такие же люди, как и те, что сидят перед экранами телевизоров у нас дома, в Дании, или разгуливают по улицам Лондона.

С первыми проблесками рассвета мы покидаем свое убежище и выходим к посадкам таро. Повинуясь безмолвному приказу вождя, воины окружают хижины, крытые листьями пандануса, где живут женщины. Деревня спит. Луна еще какое-то время видна на светлом небе, но вскоре скрывается. Вокруг никаких признаков жизни, не слышно даже собачьего лая. Воины занимают удобные позиции и присаживаются на корточки, с луками и стрелами на изготовку. Я остаюсь в кустах на окраине деревни. Где-то тявкнула и тут же смолкла собака. В полумраке я различаю, как двое молодых воинов подбираются к ближайшим хижинам и поджигают их. И в тот же миг То-юн издает протяжный

клич, в котором слились рев, шипение и свист и который закончился обычным кукованием. Воины разом подхватили боевой призыв. В британской армии началу атаки предшествовали барабанная дробь и игра на волынке. Утверждают, что солдаты сами подражали этому инструменту. Воины-кукукуку предваряли атаку звуками, которые дали название племени. Каждый из них старался что было сил. Вскоре их крики слились с бешеным лаем собак и криками местных жителей, понимавших, что произошло нападение кукукуку.

Огонь охватил хижины, где находились женщины. Отблески пламени были ярче утренней зари. К небу поднялись густые клубы дыма. То-юн в сопровождении воинов приблизился к мужскому дому в надежде, что им удастся убить троих мужчин и тем самым выполнить ритуал посвящения трех своих подростков в мужчины. Нападающие полукругом выстраиваются перед домом, выпуская горящие стрелы в бамбуковые стены. В дом ведет узкий вход, попасть внутрь или выбраться наружу можно только ползком. Но во многих мужских домах делают в полу люк, и, так как сам дом стоит на сваях, многим мужчинам в случае опасности удается спастись именно таким путем.

То-юн предусмотрел и этот вариант, и беглецов встретил град стрел. Однако никто не знает, есть ли среди них убитые, а потому атака длится до тех пор, пока нападающие не убедятся, что есть убитые. Но это не так-то просто: жители деревни, оправившись от неожиданности, начинают оказывать сопротивление. Женщины, которых в обычное время ни во что не ставят, в минуту опасности сражаются бок о бок с мужьями. Теперь, когда мужской дом осквернен и более не является местом, куда женщинам входить запрещено, они бросаются туда. Не обращая внимания на пламя и удушливый дым, они хватают оружие, а затем, словно бешеные фурии, устремляются на врага. История кукукуку знает случаи, когда их атака не имела успеха из-за вмешательства женщин, за это женщинам позволяли мучить пленных до смерти.

Глава десятая

Вождь То-юн метит меня в зятя.—Экспедиция лишается проводников.—Удивительные проявления карго-культы¹⁷.—«Мана» белого человека.—Пребывание женщин в «месячной» хижине.—Обычай девушек мазаться свиным жиром.—«Семейные» обряды.—Цена женщины.— Знакомо ли молодым воинам чувство влюбленности?

От поста Меньямья до деревни То-юна примерно десять-двенадцать дней пути — в зависимости от того, каким шагом идти. Тропа проходит по территории трех враждующих кланов, поэтому мне трижды приходится менять проводников. Они запрашивают бессовестную плату в ракушках и мешочках соли, но торговаться с ними бесполезно. Как бы то ни было, в одно прекрасное утро я оказываюсь у То-юна. Я и раньше в глубине души побаивался, чем может обернуться для меня путешествие к кукуку. Однако регулярные рейсы самолета, который в определенное время в назначенных местах сбрасывал нам провиант, придавали мне некоторую уверенность. Теперь же моя договоренность с авиакомпанией кончилась, к тому же сели аккумуляторы приемника, а мы, как я уже отмечал, находились в десяти днях пути от патрульного поста.

Судя по всему, То-юн заметил мое беспокойство и связал его с тем, что птица-дракон меня больше не защитит. Во всяком случае, когда я попросил у него проводников, которые сопровождали бы экспедицию по территории его клана, он внезапно сделал вид, что не понимает переводчика. Мне ничего не оставалось, как послать двух человек в соседнюю деревню в надежде, что там им больше повезет и они сумеют нанять проводников. Но через полчаса они, прихрамывая, возвратились назад. Один из них корчился от боли: он напо-

---

¹⁷ Карго-культы — особые синкретические формы религиозных верований, распространившиеся на Новой Гвинее и в Меланезии в колониальную эпоху.

ролся на острие стрелы, и, хотя на нем была обувь на кожаной подметке, стрела прошла насквозь и вонзилась глубоко в ногу. Оказывая раненому помощь, я обратился к То-юну, который, как всегда, стоял в окружении нескольких вооруженных воинов:

— Почему ты не даешь нам уйти?

Вместо ответа он бросил несколько слов стоящим рядом мужчинам, те исчезли и вскоре возвратились в сопровождении молодой девушки, которая для приличия прикрыла затылок плетеной берестой.

— Вечером ты увидишь ее в праздничном наряде, киап,— говорит То-юн.

— Какое отношение это имеет к моему отъезду, о гроза всех врагов?

— Это моя дочь Кавинджа. Разве она не хороша собой?

— Но я спрашивал тебя об отъезде. При чем здесь твоя дочь?

То-юн подошел к тому месту, где я занимался раненым, и сел передо мной на корточки. Кость казуара, протетая в его носу, дрожит от возбуждения, когда он начинает говорить. Первые фразы он произносит шепотом, а заканчивает речь криком — это особенность языка кукукуку.

— Он говорит, ты должен жениться на Кавиндже и сделать ее толстой, не то ты умрешь!

— Чтобы я женился на этой девице и сделал ей ребенка!? Что вообразил! Передай ему: я счастливо женат в своей собственной стране, там, за «содавандет» (так на языке пиджин называют океан). Что скажет моя жена, узнав, что я оставил потомство в стране кукукуку?

От возмущения я опрокинул походный стул, на котором сидел. То-юн тоже вскочил на ноги. Так мы и стояли друг против друга, как два боевых петуха. Воины придвинулись ближе, поигрывая большими пальцами по тетиве лука. Звук почти не отличался от звука настраиваемых скрипок, с той лишь разницей, что здесь предстоял необычный концерт. Сомнений не было — события приняли нешуточный оборот, и мои люди дрожали от страха.

— Ты делать пиканинни Кавинджа-мери... или ты мертвый! — с перекошенным от ужаса лицом шепчет переводчик. — Мы просим тебя, иначе кукукуку делать каи-каи всех нас благочестивых мисси.

Тут мне придется пояснить, что означают эти слова в переводе с пиджин. «Пиканинни» означает «ребенок», словом «мери» называют женщин, а «каи-каи» значит «мясо», и нетрудно понять намек переводчиков: если я откажусь от предложения То-юна и не стану его зятем, всех нас ждет земляная печь. «Мисси» можно приблизительно перевести как «все, кто не принадлежит к племени кукукуку и вырос недалеко от миссионерской станции».

Ни время, ни место не позволяют мне настаивать на отказе от предложения То-юна, которое следует воспринимать как приказ. Остается оттянуть время и попытаться найти выход, который позволил бы мне и моим провожатым живыми выбраться из деревни. Одна надежда на пилота Стэна: хоть бы он догадался, что у меня не все в порядке, раз я не смог ему сообщить о моем уходе из деревни То-юна. Хорошо было бы, если бы он, как прежде, сделал несколько кругов над нами и тем самым восстановил авторитет птицы-дракона и белого человека. Но пока никаких намеков на самолет. Должно быть, Стэн воспринимал мое молчание как знак того, что я благополучно вышел из деревни и нахожусь в пути к Меньямье.

Раз так, нельзя ли все-таки попытаться ублажить То-юна и его воинов? Пожалуй, следует выяснить, почему вождю так хочется, чтобы я женился на его дочери. Что это — своеобразный прощальный подарок с его стороны? Или таким путем он стремится получить от меня как можно больше нужных ему вещей? Мне доводилось слышать, что нечто подобное уже случалось прежде со старателями. Кукукуку придерживаются строгих правил в отношении подарков. Если даже вождь племени захочет содрать побольше с киапа, то он не посмеет переступить племенной закон, который в этом обществе столь же незыблем, как и библейские десять заповедей среди добрых христиан каких-нибудь сто лет назад. Поэтому он должен либо убить человека и похитить его вещи, либо же придумать повод к тому, чтобы принять подарки. Одним из таких спасительных поводов является брак с дочерью вождя, который принесет отцу невесты стальные топоры, соль, ракушки. Именно этими предметами я уже рассчитался с То-юном за предоставленных мне проводников на обратный путь до Меньямьи. Видимо, он понял, что больше подарков с неба ему не свалится, это последняя возможность погра-

бить меня. Тогда он и придумал всю эту затею с женьбой на его дочери.

Правда, к сожалению, мне известно и другое. Случается, что кукуку не возражают, чтобы белый человек остаток своей жизни провел среди них, народил бы кучу детей от их женщин, что позволило бы получить свою долю в так называемом карго-культе. В самых общих чертах смысл этого понятия сводится к следующему: если хочешь получить что-то из сказочно богатого мира белого человека, то нужно приманить его к себе, как делает опытный охотник, когда в ожидании дичи подражает ее повадкам. И если у белого киапа родятся дети от женщины из их племени, то есть надежда обогатиться кое-какими вещами из тех, что окружают белых людей в их повседневной жизни.

В труднодоступных горных районах, где живут кукуку, ходит немало легенд об этих удивительных неведомых предметах. Когда-то и наши далекие предки верили в чудеса, в частности в истории о неиссякаемом роге изобилия. Среди кукуку вы можете услышать о загадочной штуковине в кухонной «хижине» белой мери, из которой льется обжигающе горячая вода (имеется в виду обыкновенный водопроводный кран), или о ящике, который может говорить голосом киапа, стоит ему нажать на ягоду (кнопку). Это, разумеется, магнитофон. Но у киапа есть и другая удивительная вещь. Он ударяет пальцами по нескольким ягодам, и вверх выскакивают стебельки, из которых выдавливается влага на белые пальмовые листья. Глядя на эти листья, киап может вспомнить свои мысли! Способен ли читатель догадаться, что это за вещь? Не стану долго томить его, скажу только, что эти строки я пишу как раз на такой машинке. У белых людей есть и другие диковинки, но, возможно, самая удивительная — это «зверь зверей». Киап залезает к нему на шею и плечи, пихает его в грудь, и тот с ревом устремляется вперед.

За пределами Меньямья вряд ли кто из кукуку видел автомобиль, но даже в самых отдаленных деревнях ходят слухи об этом фантастическом «звере». И чему только не поверишь в этом мире, где столько всевозможных духов! Почему бы и не существовать трубе, из которой брызжет кипяток, и рычащему зверю, который оставляет за собой клубы дыма, хотя это и кажется непонятным!

Чтобы самому приблизиться к этому удивительному

миру, надо держаться белого человека: у него есть «мана», благодаря которой он владеет всеми этими штуками. Такой же особой силой наделены вождь и шаман племени. Если у киапа хорошая мана, то очень важно заставить его поселиться в их деревне и дать ему в жены самых красивых женщин в надежде на то, что он родит с ними много сыновей. Тогда удастся получить ману киапа, и деревня станет сильнее своих врагов.

Боюсь, что именно это имел в виду То-юн, когда предлагал мне остаться с ними. Но я на него не в обиде, он поступает так, думая о благе своего племени. Он и убивает своих врагов, потому что считает это добрым поступком. Так поступали его предки. Однако мне отнюдь не улыбается перспектива стать его подручным и жить по законам дикого племени. Находились и среди белых такие, кто более или менее добровольно соглашался остаться в этом затерянном уголке, чтобы жить на манер вождя в окружении множества женщин. Но мыслимо ли перестроить свое сознание и из современности перенестись в каменный век, даже если из тебя сделают полубога? Не говоря уже о том, что такое пристало бы молодому мужчине, которого не связывают семейные узы. Только холостяк, вольный, как птица, может позволить себе все, что ему заблагорассудится.

Мечта о свободной жизни будоражила не одну голову у меня на родине, в Скандинавии. Но позволь спросить тебя откровенно, уважаемый читатель, независимо от твоего возраста: мог бы ты влюбиться в Кавинджу или любую другую молодую женщину из племени кукукуку? При этом я полностью отвлекаюсь от ее внешнего облика. Мог бы ты влюбиться в девушку, которая, следуя законам племени, не умывается, чтобы как можно сильнее пахнуть «женщиной»? В девушку, которая ежедневно мажется прогорклым свиным салом, а в особо торжественных случаях — жиром умерших родных: девушку, натирающую бедра и зад мочой, которая хранится в специальном помещении, так называемой «месячной» хижине, куда женщины отправляются в период менструаций?

Из-за языкового барьера я не имею возможности выяснить, как мужчины племени кукукуку отнеслись бы к женщинам, употребляющим духи. Может быть, сильное благоухание или даже аромат самого дешевого

одеколону, исходящие от женщины этого племени, настолько отвратили бы мужчин от них, что они попросту умерщвляли бы женщин за то, что те позволили себе такую смелость.

Но читатель может не опасаться — пройдет еще немало лет, прежде чем проблема парфюмерии станет актуальной на Новой Гвинее. Должен признаться, что несколько раз, когда мы сидели на «ток-ток» (переговорах) с вождями племени кукукуку, от меня немного пахло виски. Запах доброго шотландского виски, к которому я — а со мной наверняка и многие мои соотечественники — не испытываю ни малейшей антипатии, на кукукуку действовал настолько отталкивающе, что они отодвигались от меня подальше.

Здесь я все больше убеждался в том, что у народов, населяющих разные уголки Земли, отличаются точки зрения не только на нормы морали, но и на проблемы секса, в том числе и на такие понятия, как «привлекательная» или «отталкивающая» женщина. Что касается лично меня, то я решительно противился браку с Кавинджей и потому, что стал бы двоеженцем, и прежде всего по той причине, что мне пришлось бы с величайшим отвращением ожидать совершения ежемесячного туземного брачного обряда. К тому же меня отнюдь не возбуждали затылки местных женщин, тогда как на вкус мужчин племени кукукуку и других племен, проживающих в глубине Новой Гвинеи, затылок — это одна из самых привлекательных частей женского тела.

Но особенно отталкивающее впечатление на европейца производит вступительная церемония, хотя, разумеется, права упрекать кукукуку за их действия он не имеет. В самом деле, как отнеслись бы аборигены к символам христианской вечери и причастия, к тому, что вино превращается в кровь Иисуса Христа? По какому праву мы осуждаем представителей этого и других племен, считающих, что лучшим подарком девушке накануне свадьбы будет отрезанный пенис врага, который она должна съесть. Разумеется, эстетически такая мысль нас оттолкнет, но символика этого действия вполне ясна: поступая так, девушка набирается сил, чтобы родить сыновей. Девочки в счет не идут, поэтому мечта о сыне красной нитью проходит через все культовые обряды кукукуку. У племени форе, живущего севернее кукукуку, муж съедает половой орган умершей жены, а вдо-

ва — мужа. Этот обряд совершается на торжествах (что-то вроде наших поминок), когда собираются все члены рода. Во время церемонии присутствующие мужчины рассказывают о выдающихся способностях покойного — воина, отца семейства, заклинателя духов.

Посредством брака семья обретает силу, а потому сексуальная жизнь семейной пары является составной частью культовых обрядов семьи и племени. Сумей мы с помощью самых лучших переводчиков рассказать представителю племени кукукуку, что в Скандинавии расшатаны семейные устои и, в частности, что сексуальную жизнь не связывают с браком, он был бы не в состоянии это понять. По его понятиям, совместная жизнь мужчины и женщины может происходить только в браке, имеющем одну цель: рожать сыновей, которые со временем смогут защищать родную деревню от врагов.

Сказанное, однако, не означает, что мужчины кукуку обрекают себя на жизнь только с одной женщиной. Когда боевой отряд выступает в поход, он преследует цель не только убивать врагов, но и насиловать женщин. К женщине, которая не принадлежит к числу местных, относятся как к рабыне, ее насилуют и убивают. Об этом свидетельствуют сообщения, поступавшие на патрульные посты. Женщина в той или иной степени — предмет потребления. Если она ценится высоко, ее можно продать по крайней мере за полтора десятка откормленных свиней. Ей иногда делают подарки — так протягивают лучшие кусочки любимому борову или свинье. Только существа мужского пола — настоящие люди, будущие воины! Именно в них смысл жизни. Итак, на первом плане мужчины, затем свиньи, и замыкают список женщины!

Свыше четверти века провел я среди людей природы и повсюду старался уяснить для себя два вопроса: как относятся в племени к старикам и больным и существует ли у аборигенов чувство любви или влюбленности. Как у нас?

Получить ответы на эти вопросы было, разумеется, нелегко, а во многих случаях просто невозможно, ибо понятие «влюбленность», как бы его ни определяли, все же специфично для нашего культурного уровня. Но попробуем поставить вопрос иначе и спросим любого скандинава:

— Считаете ли вы, что скандинавы обладают маной?

— А что такое мана? — захочет узнать ваш собеседник.

Мана — это невидимая сила, которой обладает каждый человек. У одних она сильнее, чем у других, и благодаря этому они пользуются большим влиянием. Без маны человек существовать не может. Именно она делает жизнь интересной, а людей богаче.

Полагаю, что, услышав такое определение, кое-кто недоуменно покачает головой и, быть может, подумает, что у автора этих рассказов «не все дома». И все-таки я утверждаю: для миллионов жителей Новой Гвинеи, Меланезии, Полинезии и Микронезии мана значит ничуть не меньше, чем вера в святого духа для христиан.

Размышляя над вопросом, может ли молодой человек, живущий во внутренних районах Новой Гвинеи, влюбиться в девушку, я пришел к выводу, что такое чувство им неведомо. Этому вопросу равносильны, например, такие: может ли кто из жителей Запада влюбиться в молочного поросенка или, скажем, в пишущую машинку? Возможно, кто и влюблен в свой автомобиль, но в таком случае вопрос ставится по-другому. Конечно, мужчина из племени кукукуку способен возжелать девушку, увидев ее неприкрытый затылок. Но в таком случае он может либо «купить» ее и взять в жены (так, во всяком случае, мы назвали бы эту сделку), либо испросить разрешение приобрести себе женщину на какой-то срок. Обычно это кто-нибудь из пленниц, отбитых во время набегов. Прибегают мужчины, как я уже говорил, и к насилию, когда им удастся попасть во вражеский стан. Но тот, кто полагает, что в глубинных районах Новой Гвинеи молодые люди парочками любят луну, более чем наивен.

Среди кукукуку и других племен существует такой обычай: каждому мужчине, который приходит в деревню как друг, предлагают наряду с клубнями таро молодую женщину. Выглядит это так. Женщина подходит к гостю, садится перед ним на корточки и, медленно поворачиваясь к нему спиной, на мгновение обнажает затылок. Если она ему приглянется, он заночует в ее хижине, если нет — устроится на ночлег в мужском доме. Это так же обыденно, как, например, у нас в Скандинавии вопрос, который задает портье приезжему в гостинице: «Вам номер с ванной?»

Быть может, читателю покажется, что я уделил этим вопросам излишне много внимания. Мне они по-

казались не просто любопытными и полнее раскрывающими образ жизни незнакомых народов. Должен признаться, что мной руководило и желание в какой-то степени раскрыть самого себя — по-моему, это вполне естественно, когда пишешь воспоминания о путешествиях и обо всем, что с ними связано. Я отчетливо понимал, что То-юн хотел женить меня на своей дочери не только с целью выманить последние из имевшихся у меня товаров, но и чтобы удержать меня от возвращения в цивилизованный мир. Ему надо было, чтобы Кавинджа родила сына, который в этих краях будет не менее желанным, чем в Скандинавии наследник короля. Мне же приходилось ломать комедию; впрочем, это я уже не раз проделывал и прежде, в ожидании благоприятного момента, чтобы улизнуть.

Однако избежать посещения хижины, где находятся «нечистые» женщины, мне не удалось. В определенные дни месяца в этом помещении собираются женщины, чтобы переждать там менструальный период. Доступ туда имеют только так называемые свободные женщины. Рабыни в это время вынуждены скрываться в джунглях. Если в мужском доме хранятся черепа, а иногда и мумии особо уважаемых воинов деревни, то в «нечистой» хижине таким фетишем служит мумифицированное тело женщины, отличавшейся особой плодовитостью. Его пребывание там — знак того, что хотя бы в этом отношении женщины племени играют известную роль в сообществе. Вступающий в брак мужчина вместе со своей избранницей входит, вернее, вползает в хижину и целует низ живота мумии.

За свою долгую жизнь путешественника я повидал всякое и к разного рода церемониям отношусь с известной долей иронии — будь то званые коктейли у меня на родине, питье опьяняющей кавы из общей чаши на островах Южных морей или целование женской мумии в глубинных районах Новой Гвинеи. Во всем этом есть авантюрный элемент, придающий путешествию и новизну впечатлений, и сопричастность к обрядности, и азарт, особенно в опасных ситуациях. Что такое «искатель приключений»? Мы не раз пытались дать этому понятию точное определение в своем клубе и, насколько я могу судить, не нашли однозначного ответа. Как мне кажется, среди прочего важное значение имеет возможность насладиться необычностью происходящего, в центре которого ты оказываешься, и незнание того,

сумеешь ли ты выйти из этих перипетий живым. Если сможешь, значит, ты истинный искатель приключений, притом удачливый.

Ко мне судьба не так благосклонна, потому что в особенно опасных ситуациях я испытываю чувство страха. Когда я на четвереньках вползал в хижину «нечистых», чтобы прикоснуться к священной для кукукуку реликвии, мне было страшно: ведь если после этой церемонии я не смогу подарить сына молодой женщине, которая следует за мной и по такому торжественному случаю вся вымазана жиром, то меня убьют и свой бранный путь я закончу в земляной печи. Но даже мысль об этом не смогла полностью заглушить во мне азарта: это ли не памятный момент в жизни писателя-путешественника?!

Глава одиннадцатая

Какао по вечерам.— Экспедиции удается скрыться.— На северо-запад по незнакомым местам. Ливень преграждает путь преследователям.— Висячий мост через реку Иагита

1

Каждый вечер То-юн и я торжественно выпиваем по чашке какао. Как-то раз я решил расширить круг участников этой церемонии и пригласил четырех его приближенных. Очевидно, именно благодаря этому обстоятельству я теперь имею возможность писать. Не то не миновать мне было печи. И не только мне, но и Джону, а также моему переводчику с языка моту Амбути и его доброму другу Сомане, повару нашей экспедиции.

После того как состоялась «помолвка» — не могу придумать иного слова — в хижине, где мне пришлось поцеловать живот мумии, То-юн с новой силой стал настаивать на том, чтобы я женился на Кавиндже. Более того, он требовал, чтобы я произвел на свет наследника и стал владыкой над половиной земель племени. Если откажусь, меня и моих спутников ждет смерть! Отсюда до Меньямьи не менее десяти дней пути, проводимых То-юн нам не дает. Помощи извне ждать не приходится: передатчик не работает, и я не могу связаться с пилотом. А в Меньямье никто и не подумает, что с нами что-то стряслось, я мог пойти иным маршрутом и выйти к другому патрульному посту. Так что пройдет не меньше трех-четырех месяцев, прежде чем заподозрят неладное и организуют поиски. И если То-юн всерьез намерен осуществить свою угрозу, ему вряд ли следует особо бояться какого-нибудь патруля — он принадлежит к племени, которое нередко уходит далеко в горы, где его никто не может выследить.

Что и говорить, положение не из приятных. Но долгие годы путешествий научили меня не отчаиваться. Подчас самые неожиданные события могут круто изменить,

казалось бы, безвыходную ситуацию. На сей раз спасение пришло в виде пяти чашек какао.

Совместное ежевечернее питье какао способствовало установлению определенных дипломатических отношений между То-юном и мною. Если в течение дня у нас и возникали кое-какие разногласия, то решение их отодвигалось именно на вечер. Насколько я мог судить, То-юн воспринимал эту церемонию как своего рода приобщение к миру белого человека, которое возвышало его в собственных глазах. Между тем в самой церемонии не было ничего мудреного: я заливал молочный порошок и какао кипятком, размешивал смесь, протягивал одну кружку То-юну, другую брал себе, и, усевшись около палатки, мы наслаждались горячим душистым напитком. Переводчики предпочитали пить кофе.

Но в тот вечер я решил поднять праздничное настроение и обратился к То-юну со следующими словами:

— Всем нам будет приятно, о биг килл-килл-феллоу (на пиджин — «великий убийца»), если сегодня не только ты, но и твои замечательные воины понаслаждаются этим ободряющим напитком.

Я прошу, чтобы переводчики подчеркнули, как это важно — ведь приближается время свадебного пира.

Не надо быть психологом, чтобы заметить, какое благоприятное впечатление произвело мое галантное приглашение на людей, перед которыми самые жестокие мафиози кажутся плаксивыми мальчишками. Пировать так пировать! По правде говоря, мои запасы какао были почти на исходе, тем не менее широким жестом я развел в палатке шесть кружек дымящегося напитка. В пять из них добавил несколько таблеток сильнодействующего снотворного. Я не сомневался, что, осушив кружки, вождь и его приближенные не скоро придут в себя. Мой лагерь в двухстах метрах от деревни, где находятся остальные воины, но они вряд ли осмелятся выступить без санкции и участия То-юна или кого-нибудь из телохранителей. Собаки же к нам привыкли и больше на нас не лают.

Причмокивая от удовольствия, цвет деревенского воинства наслаждается какао. Через некоторое время я показываю знаком, что мы намерены ложиться спать. То-юну и в голову не пришло выставить караул вокруг лагеря, он исключал всякую возможность побега: проводников у нас нет, а чтобы из владений его клана

добраться до племен к востоку от реки Таури, на которые не распространяется его власть и которые, быть может, снабдят нас провожатыми для дальнейшего пути до Меньямь, требуется не меньше суток. Снотворное вряд ли будет действовать столько времени. А утром То-юн обнаружит побег, и ему ничего не будет стоить нас догнать. К западу течет река Иагита; здесь еще живут кукукуку, но между реками Иагита и Ламари они смешались с аваями, которые относятся к племени форе. Если бы можно было двигаться через Ламари, разделяющую территории двух племен... И от этого плана надо отказаться из-за отсутствия проводников. Тут я вспомнил, что на патрульном посту Окапа на земле племени форе мне вручили экземпляр «Медицинского журнала Папуа и Новой Гвинеи» со статьей о болезни куру и картой, которую я вырвал и взял с собой в это путешествие.

При слабом свете карманного фонаря я принялся изучать карту. Она была настолько замусолена, что я с трудом различал названия местностей и рек. Наконец мне удалось определить, что если мы сумеем переправиться через реку Иагита и дойдем до Ламари, то попадем на территорию, которая определена на карте словами: «Населения нет». К северу живут форе, и оттуда нам будет легче добраться до Окапы или миссионерской станции Аванде. Оба эти места мне знакомы. Но на другой карте, которую я также прихватил с собой и которая имела столь же неприглядный вид, этот район обозначен как «неисследованный». Значит, вопрос в том, живут ли здесь какие-нибудь племена. Если же места эти безлюдны, то это только на руку То-юну и его воинам. Они вряд ли упустят возможность преследовать нас.

Изучать карты дальше бессмысленно. Ясно, что единственный шанс спастись — это как можно быстрее добраться до реки Ламари. Время тянется страшно медленно. Я оглядываю палатку. Все, что нельзя тащить на себе, придется оставить. Но без некоторых вещей обойтись невозможно, среди них фотоаппаратура с пленками, вахтенный журнал, компас, заряженный всего шестью патронами пистолет. К счастью, имеется неплохой запас стальных топоров и мешочков с солью — достаточно, чтобы заплатить проводникам, если таковые найдутся к западу от реки Ламари.

И тут же возникает множество не менее важных

вопросов: ведет ли тропа, которая тянется из деревни в западном направлении, к реке Иагита или упирается в ближайшие посадки саговых пальм? Как нас примут кукукуку в других деревнях, мимо которых нам придется идти и которые, судя по всему, находятся под властью То-юна? Удастся ли нам обойти их незамеченными?

Надо было тщательно продумать все вопросы заранее, чтобы не заниматься их решением по дороге. Собрав поклажу, мы с величайшими предосторожностями вырезали отверстие в задней стенке палатки. Кто знает, может, хитрый То-юн выставил дозорных (из числа тех, кого я не угощал какао) в кустах.

Сквозь тучи пробивается слабый свет от молодого месяца. Не зажигая фонарика, мы ощупью пробираемся к тропе. Найти ее в темноте нелегко, по-моему, мы бредем уже целый час. Где-то в деревне залаяла собака. Я замер: неужели нас обнаружили? Но лай прекратился так же внезапно, как и начался. Тучи медленно плыли по небу, и в слабом лунном свете мы наконец обнаружили тропу. Местность вокруг казалась призрачной, похожей скорее на декорацию. Мало-помалу мы успокаиваемся.

Однако меня беспокоит, как долго будет действовать снотворное. Достаточно ли сильны таблетки, чтобы обеспечить беспробудный сон на протяжении двенадцати часов? Обычно жители деревни приходят в наш лагерь на рассвете. Сейчас дождя нет. Часы показывают половину четвертого утра. Через два-три часа солнце окрасит небо в пурпурный цвет. Надо торопиться, к тому времени, когда То-юна предупредят о нашем побеге, мы должны как можно дальше уйти от деревни. Интересно, смогут ли вождь и его приближенные преследовать нас, или же снотворное будет действовать на них еще какое-то время после пробуждения?

Мы зажигаем карманные фонарики и убыстряем шаг. Наш повар Сомана высказывает предположение, что То-юн не станет устраивать погоню. Он получил богатый выкуп за невесту в виде вещей, оставленных в палатке, и только «потеряет свое лицо», если будет преследовать нас лишь затем, чтобы убить. Тем самым он как бы признается, что всерьез замыслил брак между киапом и канака-мери.

Но Джон, который много лет работал проводником у белых, возражает Сомане. По его мнению, мы надули

То-юна со свадьбой и тем самым лишили его дочь надежды на появление сына от белого человека. Уже по одной этой причине он «потерял лицо», его авторитет вождя будет поставлен на карту, если он нас не догонит и не убьет. А кроме того, мы околдовали не только его самого, но и его воинов, погрузив их в крепкий сон. Чтобы снять с себя колдовские чары, он должен нас убить.

— Если То-юн этого не сделает,— продолжает Джон,— то еще до наступления следующего месяца ему придется покончить с собой. Если же он доставит нас в деревню живыми, то скорее всего передаст в руки женщин и детей, которым позволят потешаться над нами и замучить до смерти.

— Да уж, Кавинджа, над которой ты надсмеялся, постарается придумать для тебя особые мучения,— не удержался Амбути.

Я поспешно меняю тему разговора. Дальнейший путь мы проходим молча, лишь изредка обмениваясь короткими репликами. Идти трудно, тропа то неожиданно ведет вверх, то круто спускается вниз. Ноги то и дело вязнут в жидкой грязи. Я человек немолодой и тучный, поэтому пыхчу, как паровоз, хотя и стараюсь дышать размеренно и не поддаваться панике. Признаться, когда мне становится особенно тяжело, я с нежностью вспоминаю о горячем какао...

Наконец над кряжами горной цепи, на востоке, в солнечных лучах зажглись первые блики красного пламени, и почти сразу в воздухе заметно потеплело. Идти и без того было трудно, мешали грязь, бесконечные лианы. А теперь еще беспощадное солнце!

По-прежнему никаких признаков погони. Мы миновали уже три деревни — первую ранним утром, две другие в полдень. Кто знает, может, их жители и удивились тому, что мы идем без проводников, а возможно, решили, что они следуют за нами. Мы избегали контактов с местным населением, а они, в свою очередь, не требовали от нас подарков. Нам это было только на руку, так как каждый топор и мешочек соли у нас был на счету и предназначен для проводников, которых нам хотелось нанять за рекой Иагита.

Далеко ли до нее? Поднялись на кряж, но реки не увидели. Вероятно, она скрыта в глубине долины и сверху ее не видно! Удастся ли нам переправиться, когда мы подойдем к берегу?

Первым его услышал Сомана — звук, который мы за последний месяц научились так хорошо распознавать. Из-за гор, из глубины ущелий, донеслось злое «ку-ку» — боевой клич, свидетельствовавший о приближении отряда. На сей раз ни у кого из нас не было сомнений, за кем охотятся воины, которые постараются взять нас живыми. Значит, То-юн и его приближенные пришли в себя и сделают все, чтобы нас догнать. Одно меня смущает: обычно боевой клич сначала разносится по равнине. Легко представить, какой ужас вызывал он у жителей здешних деревень, с каким страхом они прислушивались к нему!

— Но почему они начали куковать уже сейчас? — недоумевал я.

— Так им повелели духи, — отвечает Джон.

— Как по-твоему, скоро ли они нас догонят?

По словам Джона, это будет зависеть от дождя:

— Нам остается надеяться, что сегодня дождь начнется рано. Если он разойдется, по тропам не пройти. Если же дождь будет не очень сильный, кукукуку смогут найти дорогу.

— А почему ты думаешь, что сегодня он особенно сильный?

— Месяц молодой, а это признак большого дождя.

До сих пор я ненавидел бурные тропические ливни. Они нередко приостанавливали работу экспедиции, не давали ничего делать, губили фотопленку, портили магнитофоны. Надо ли говорить, как отличается дождь в тропиках от нашего мягкого летнего дождичка, капли которого тихо падают на землю. Этот немилосердный ливень как бы вмещает все зло, которое таят в себе разбушевавшиеся силы природы. Он превращает вас в толстую, ленивую жабу, обессилевшую от бесконечных потоков воды, которая пропитала все ваше тело до костей и превратила в жалкое, бездумное существо.

Теперь же я жду ливня, как ждут друга в беде. И он приходит! Сначала на землю нерешительно падают редкие капли, но вот небо с грохотом открывает свои шлюзы, кажется, будто десятки реактивных самолетов одновременно совершают посадку. Обратив мокрые лица к черным тучам, мы кричим хором: «Еще! Сильнее!»

Начавшийся потоп наполняет нас неудержимой ра-

достью. Мы как безумные пускаемся в пляс по грязи, выжимая из бутылки последние капли виски. Никто не может передвигаться в этой стене воды! Каких-нибудь полметра — и уже ничего не видно! За несколько минут тропа превращается в бурную речку.

Дождь спас нас от мести воинов, во многом благодаря ему нам удалось уйти с земель То-юна. Наступило утро, и мы побрели по раскисшей от грязи тропе. До нашего слуха вновь доносятся крики кукукуку. Но мы уже поднимаемся на вершину горы и внезапно замечаем внизу, в глубине ущелья, реку, покрытую белопенными гребнями волн и несущую свои воды к лесам равнины.

— Иагита!

Ликующий крик вырывается у нас одновременно. Мы не можем сдержать восторга при виде реки, но, скорее, потому, что замечаем перекинутый через нее жиденький висячий мостик.

Его соорудили из лиан местные жители. Построен он довольно высоко над рекой. Если нам удастся достичь его раньше преследователей и после переправы перерубить, То-юну и его воинам нас не поймать. Без моста перебраться через реку невозможно.

Кукукуку появились на вершине поросшего травой холма и один за другим покатались по склону, стараясь опередить нас. Охваченные яростью, они издавали злобные, нечеловеческие крики.

Мне трудно бежать, я задыхался, но все же я успел крикнуть Джону, чтобы он достал пистолет и выстрелил в воздух — может, это их испугает. Но у Джона не было больше оружия, он потерял его вчера на одной из скользких от грязи тропинок. Итак, мы оказались беззащитными. И хотя у нас было некоторое преимущество в скорости, нам не устоять перед вооруженными воинами, которые уже натянули луки и приготовились стрелять. Едва мы добежали до середины мостика, как обрушился первый шквал стрел. К счастью, ни одна из них не достигла цели.

Как только мы оказались на противоположном берегу, Джон швырнул на землю мешок с топорами и перочинным ножом вспорол парусину. Каждый из нас схватил по топорiku и полулежа, чтобы не стать мишенью стрел, принялся перерубать лианы. Жесткие плети поддавались с трудом, а между тем первые воины уже подошли к мостику. Но никто из них не решал-

ся вступить на это хлипкое строение... Через несколько секунд мы перерубили лианы, и мостик со свистом устремился в воды реки Иагита.

Спасены!

Но мы находимся на незнакомой территории, без проводников, почти без провианта и знаем лишь, что где-то за горами и за реками лежит земля племени форе и патрульный пост Окапа.

Глава двенадцатая

По местам, не обозначенным на карте.— Жили ли здесь цивилизованные народы? — Находка в Чимбу.— Раковины — разменная монета.— Неприкосновенность торговцев.— Встреча с Рупертом: Болезнь куру.— Рассказ Марии Хорн.— Необычное применение сахарного тростника. Роль колдуна. Против «смерти от смеха» лекарства нет

1.

К западу от висячего мостика в глубь густых, высотой с человека зарослей бамбука тянется едва заметная тропа, мало похожая на протоптанные тропинки, какие встречаются в наших северных лесах. В лесах Новой Гвинеи изобилие подлеска, и немногочисленному населению — часто лишь случайно проходящим племенам — не под силу остановить буйный рост лиан и других тропических растений. Вот почему тропы обычно проложены там, где болота не преграждают путь, а колючий кустарник не встает неодолимой стеной.

Однако в местах, куда мы попали, не было возможности проложить тропу в обход цепких растений, а потому висячие мостики удавалось строить либо с высоких деревьев, либо перебрасывая сплетенные лианы с одного берега реки на другой. Где-то здесь должна проходить главная тропа, соединяющая земли племен форэ и кукукуку. Амбути и Джон острыми мачете рубят лианы. Внезапно одна из них взлетает вверх, и мы видим перед собой длинный, скользкий, черный от старости ствол пальмы, который, видимо, давным-давно положили здесь для удобства передвижения.

Наш путь ведет через заросли бамбука и колючего кустарника, по горам, в обход болот. Наконец после многочасового, утомительного перехода мы попадаем в лес с высокими, стройными деревьями, которые тянутся вверх, словно колонны средневекового собора. Кругом тихо — слышатся только птичьи голоса и свист наших мачете в воздухе. На какой-то миг нам кажется, будто мы попали в заколдованный лес и никого, кроме

нас, на свете нет. Я не устаю удивляться своим спутникам: хотя никто из них не бывал тут раньше, они, как самые опытные следопыты, без труда находят дорогу. Им не впервой отыскивать следы, ведущие к нужным тропам, и они действуют как заправские археологи. И само путешествие по этим местам представляется мне не менее интересным, чем раскопки на земле древних этрусков или вавилонян. На расчищенных полянах некогда стояли деревни, на деревьях то и дело замечаешь остатки дозорных хижин. В одном месте перед обтесанной скалой мы замечаем выложенные из камешков узоры. Что это? Уж не священное ли это место неизвестного древнего народа? Невольно ловишь себя на мысли о том, что если бы вдруг все эти бесчисленные деревья и кусты сгорели, то перед изумленным человечеством предстали бы огромные сокровища в виде брошенных селений, следов древней культуры. Кто знает, не приоткроет ли Новая Гвинея через несколько лет завесу тайны археологических загадок, как это произошло в джунглях Латинской Америки? Ведь еще несколько десятилетий назад ученые и не догадывались, например, о священном городе инкских девушек в Мачу Пикчу, в горных долинах Перу, или о солнечных храмах и других строениях на полуострове Юкатан в Мексике, или о мощеных дорогах чибчей в Колумбии. Сколько удивительного смогут, быть может, раскрыть джунгли перед учеными, как только те получат возможность изучать их! На плоскогорье вокруг Чимбу несколько лет назад под слоем почвы обнаружили каменный жернов, хотя нынешние жители этих мест никогда не выращивали зерновых. находка эта говорит о том, что когда-то здесь жило племя, которое занималось полеводством. Археолог Сесил Абель в бухте Милн обнаружил остатки ирригационной системы...

Начинается дождь, и мы спешим разбить примитивный лагерь на поляне возле тропы. Сомана и Джон натягивают уцелевший брезент, разводят под ним костер и разогревают пару банок солонины. Провианта хватит еще на три-четыре дня, а за это время мы надеемся встретить местных жителей, у которых сможем выменять батат и бананы. Где-то здесь должны жить люди — об этом говорит утоптанная тропа да и висячий мост через реку Иагита.

По мнению Джона, этим путем здешние торговцы перевозили раковины. На побережье моря Бисмарка

(ныне Новогвинейское море) они собирали раковины каури, издавна служившие среди племен внутренних районов страны единственным средством платежа. Чем дальше от побережья, тем больше ценятся раковины. Джон без малейших угрызений совести признается, что не только он сам, но и его товарищи, собираясь в глухие места, по дешевке скупали в Порт-Морсби тысячи раковин, которыми они расплачивались за «ночи любви».

— Деревенская девчонка обходится недорого, — хвастливо добавляет он. — Раковины нанизываются на тонкую плеть лианы вплотную друг к другу. Чтобы переспать с девушкой, нужно отмерить ей «норму»: от ступни до колена.

— А сколько ты платишь за раковины в Порт-Морсби?

— Люди, что собирают раковины на берегу залива Папуа, продадут их тебе по два доллара за мешок. А может, и дешевле. В мешке около тысячи раковин, а на нить, натянутую от большого пальца девушки до ее колена, пойдет штук тридцать — тридцать пять. Как видишь, удовольствие не из дорогих. Но не забывай, что и здесь все быстро обесценивается. Мне приходилось бывать в местах, где раковины за какой-нибудь месяц почти полностью потеряли свою цену. Все дело в том, что миссионеры поблизости сооружали аэродром и все, кто прилетал, привозили с собой полные мешки каури. К тому же провоз одного мешка самолетом обходится в три-четыре доллара — они ведь тяжелые. Так что теперь на раковинах много не заработаешь.

Профессор Карл Г. Хейдер в своей работе о повседневной жизни дугум-дани также писал об оплате раковинами. Его исследование проливает свет на отношение всех примитивных племен к этому платежному средству, хотя цена его, как справедливо заметил Джон, зависит от того, насколько часто коренные жители соприкасаются с окружающим миром. Хейдер отмечает, что существуют различия в цене между простой береговой ракушкой (насса), раковиной моллюска ципрей (каури) и раковиной улитки (иначе — конкилия). Нассы и каури нанизываются на плеть лианы. Во время экспедиции Арчболда (1939) одну свинью можно было купить за такую нить ракушек, которой можно было обвить один раз шею животного. Конкилии ценятся гораздо дороже. Кукукуку, например, за одну

конкилию отдают 50 бус из береговых ракушек. В какой-нибудь глухой деревеньке женщину низкого сословия или рабыню уступают за две-три конкилии.

Пока никому из ученых не удалось выяснить, какими путями каури попадали с побережья к племенам, живущим в глубинных районах острова. Но известно, что существуют определенные маршруты. Как полагают, своеобразные «денежные посылки» годами находились в пути, и возраст многих раковин насчитывает не одну сотню лет. Возникает вопрос: были ли в племенах особые торговцы, которые считались неприкосновенными и могли беспрепятственно ходить по своему маршруту, невзирая на межплеменную вражду? Тропа, которую мы обнаружили, возможно, свидетельствует именно об этом, иначе непонятно, с какой целью построен висячий мост, а в болоте навалены стволы деревьев для гати.

Ответ на этот вопрос мы получили гораздо раньше, чем могли предполагать. Рано утром, когда деревья еще не стряхнули с себя последние капли ночного дождя, нас разбудил Сомана.

— На тропе кто-то есть,— прошептал он.

Нам не оставалось ничего другого, как ждать. В нашем положении необходимо было установить контакт с любым, кто двигался в нашем направлении. Но кто же пустился в путь в такую рань?

Через несколько минут на тропе показáлась цепочка из десяти человек. Шествие возглавлял мужчина, вооруженный старым дробовиком. Добрый знак—видимо, у него был какой-то контакт с цивилизованным обществом. При виде белого человека он удивленно вскрикнул и, оправившись от неожиданности, поспешил ко мне навстречу.

— Я Руперт из Кайнанту,— представился он.— Привет вам! Мы движемся на юг.

Я, в свою очередь, назвал себя и, предложив ему сесть, принялся рассказывать о нашем положении, предусмотрительно опустив историю бегства из деревни То-юна и некоторые другие обстоятельства. Руперт заверил, что он сам лишь бедный торговец и раз в году отправляется по этой старой тропе, ведущей от центральных плоскогорий на севере к землям кукукуку на юге, чтобы торговать каури, солью и топорами.

— Я дам тебе четыре топора, если ты предоставишь нам человека, который проведет нас через реку Ламари к землям форе,— предложил я.

Но у Руперта топоров и без того хватало. Он предпочел деньги и потребовал с меня двести долларов. Проводнику же я должен заплатить дополнительно.

— Он будет тебе не только проводником,— пообещал Руперт.— Он также хороший переводчик с языка форе.

— Он проводит нас до Окапы?

— Нет, нам это не по пути. Но он выведет тебя на тропу, которая ведет прямо в Окапу.

Руперт так хорошо изъясняется на пиджин, что я понимаю почти все, что он говорит.

— Далеко ли отсюда до Ламари?

— Об этом скажу тебе, когда заплатишь.

Такой поворот дела мне не понравился, да и моим спутникам он был явно не по душе. Руперт, видимо, смекнул, что мы у него в руках. Понял ли он к тому же, что у нас нет оружия? Я выставил вперед радиопередатчик, и, хотя ему было неизвестно, работал ли он, торговец все же сообразил, что радиосвязи у нас не было. Иначе мне не понадобилась бы его помощь.

Итак, мы полностью отданы на его милость.

По лицу Руперта я пытаюсь угадать, что он за человек. За четверть века путешествий чуть ли не на всех континентах я убедился, что миссионер может выглядеть как грабитель, а грабитель быть похожим на миссионера. Руперт — высокий, толстый папуас с необычайно широкими ступнями — по ним сразу видно, что он привык путешествовать в горах. Всю его одежду составляют грязные шорты и широкополая шляпа. Следом за Рупертом идет его телохранитель или кто-то в этом роде, с ружьем наперевес. Внешний вид его мне ни о чем не говорит. Кто знает, что произойдет, если я достану из авиасумки бумажник с австралийскими долларами? А если я отойду в сторонку и постараюсь незаметно достать деньги, он, разумеется, сообразит: коль скоро нашлось двести долларов, значит, у нас есть еще. И если нас прикончат, то об этом никто не узнает ни в Окапе, ни в Меньямье. Пока спохватятся, пройдет немало времени. Потом выяснится, что мы пытались переправиться через реку Иагита или Ламари и, судя по следам, погибли во время переправы. Мне вдруг вспомнилось, что однажды в Меньямье я в шутку высказал мысль о том, что не худо бы попробовать дойти до Окапы через горы. Мне дружно отсоветовали, и к этому разговору мы больше не возвращались. Так

что самолет, который будет послан на наши розыски, не скоро пролетит над этими местами.

Я решаюсь на хитрость.

— У меня нет при себе таких денег,— говорю я.— Но как только мы попадем в Окапу, мне смогут очень быстро перевести их по телеграфу.

Руперт раздражается громким смехом.

— Конечно, у тебя есть двести долларов, туан,— заявляет он.— Ты, верно, думаешь, я не знаю, кто ты такой? В миссии Аванде меня как-то попросили посмотреть за тобой. Моя мать умерла от куру. Это было больше десяти лет назад, я был тогда еще мальчишкой, но я помню, что ты жил на миссионерской станции. Мне этого не забыть, потому что ты был первый белый, которого я увидел. И когда мальчишка, мать которого умирает от колдовства, видит белого человека, это производит на него впечатление. Я тогда только что пришел из нашей деревни в горах и, прежде чем увидел врача, медсестру и женщину-миссионера, встретил тебя с фотоаппаратом в руках. А теперь тебе трудно, но ты уверяешь, что нет денег. Ты врешь!

Усталым движением руки делаю знак, чтобы Руперт последовал за мной под навес.

— Да, я сказал неправду,— признаюсь я.— Но только потому, что я тебя не знаю и боюсь. Мы бежали от То-юна, который хотел нас задержать, потому что я отказался жениться на его дочери.

— Такой номер он пытался выкинуть и со мной,— говорит Руперт.— Но, как видишь, я жив.

— Не сомневаюсь, что он хотел меня убить. Он никого не боится, ведь он живет на неподконтрольной территории.

— Это я ее контролирую,— смеется Руперт.— С тобой там ничего бы не случилось. Можешь быть в этом уверен.

Я достаю бумажник и, отсчитав двести долларов, протягиваю их Руперту.

— Ты мне соврал, потому что я местный, канак? — спрашивает он, но в его тоне не чувствуется неприязни.

Я отвечаю, что поступил так просто потому, что не знал кто он такой.

— А если бы ты повстречал здесь белого жулика, ему ты доверился бы?

После того как я признался в обмане, у меня не было причин скрывать от него правду, и на этот вопрос

я отвечаю утвердительно. В ответ на мою откровенность Руперт возвращает мне сто долларов.

— Хватит и сотни! — говорит он и, поплевав на указательный палец правой руки, принимается пересчитывать деньги, после чего подзывает к себе Джеймса Монолка, молодого человека из племени форе:

— Ты и твои товарищи пойдете до Аванде. Джеймс будет вас сопровождать. Об оплате договаривайся с ним сам. Я не хочу встречать в это дело.

— Когда, по-твоему, мы сможем туда добраться?

— Скажу. Вам придется преодолеть три горных хребта и заросли. В них мы проложили дорогу, так же как и вы, я надеюсь, расчистили нам путь до Иагиты. В полдень через три дня вы перейдете через Ламари и вступите на землю форе. А на следующий день ты сможешь быть в Аванде.

Мы не сразу расстаемся с Рупертом. У него ко мне особое отношение — я для него не просто белый человек, но первый европеец, которого он увидел в своей жизни. А я, беседуя с ним, вспоминаю свое первое путешествие к племенам форе, чьих женщин поражает страшная болезнь — куру. С той поры утекло много воды, я многое повидал и научился многому не удивляться, но мне никогда не забыть жуткий обычай форе, они поедают большую часть своих мертвецов, а хоронят лишь самых старых. Этот обычай, с которым невозможно покончить на протяжении жизни одного поколения, и сегодня не отличается от того, каким он был десять лет назад.

Против него оказались бессильными миссии и патрульные посты. А между тем, по мнению ученых, он может служить причиной распространения куру. В то утро, когда я беседовал с Рупертом, мать которого стала жертвой этого заболевания, я еще раз спросил себя: вправе ли мы судить других? С точки зрения цивилизованного человека, упомянутый обычай отвратителен. Но попробуем посмотреть на него глазами самих форе. Они рассматривают его как акт любви, совершаемый ими по отношению к умершим членам семьи. Многие старики, лежа на смертном одре, умоляют, чтобы тело их было съедено детьми и внуками, они, если можно так выразиться, завещают свое тело как наследство, выделяя каждому из живущих определенную часть. Молодых, погибших в бою или от внезапной болезни, хоронят на «кровавом поле».

Типы жителей Новогвинейского нагорья

Группа кукукуку,
переходящая реку

Охотник на крокоди-
лов в заливе Папуа

Кукукуку, стреляющие
из лука

Куши, инкрустированный
раковинами каури
и бусинами

Воины кукукуку

Группа кукукуку с автором

Молодой воин кукукуку, целящийся в автора

Кукукуку исполняют ритуальный танец

Танцующая группа кукукуку

Болезнь куру — до сих пор загадка для медицины. Течение ее несколько напоминает рассеянный склероз; поражает она только женщин племени форэ во внутренних районах Новой Гвинеи. Больные умирают от жестоких судорог, которые чем-то похожи на неуправляемые приступы смеха. Еще пару десятилетий назад цивилизованный мир не знал о существовании племени форэ. Как сообщалось в телеграмме агентства ЮПИ из Сиднея от 14 августа 1968 года, доктор Р. В. Хорнабрук на конгрессе медиков в Австралии утверждал, что «смерть от смеха» — заразная болезнь; инфекция передается с принятием в пищу местными жителями разлагающегося человеческого мозга.

Я не врач, и не мне судить о достоверности исследований доктора Хорнабрука. Но я путешествовал в этих краях и посещал сестру Марию Хорн, которая живет среди племени форэ и пытается помочь тысячам женщин, заболевших этой болезнью и умирающих в страшных мучениях, веря, что на них ниспослано колдовство. Когда я впервые встретился с Марией Хорн, пост Аванде существовал всего три года. Здесь, в зеленой долине среди гор, собирали больных куру из близких и дальних мест, пытаясь облегчить их страдания перед смертью. Марию Хорн называют «белой мери из Аванде», и работа ее — тяжелейший повседневный труд. Неделю за неделей странствует она по дальним деревням и джунглям в поисках осиротевших детей, которые погибли бы от голода, не возьми она их с собой в Аванде. Когда идут непрерывные дожди, она вынуждена шагать по колено в грязи, а во время засухи лицо ее опалает беспощадное солнце. Ее постоянно мучают паразиты, трясет малярия, она страдает от голода и жажды во время своих изнурительных походов по землям племени форэ. Но не было такого случая, чтобы ее труд пропал даром. Где-нибудь в зарослях она находит умирающую мать в окружении ребятишек. Помочь больной Мария бессильна, но она остается с ней до тех пор, пока не наступит смерть, хоронит умершую и забирает с собой детей. А в другом месте она удерживает мужчин от набега на соседнюю деревню, потому что тамошний колдун, по их убеждению, наслал на их женщин болезнь куру. Сестра Мария коллет больных пенициллином и заставляет их принимать

другие лекарства, ставит клизмы, собирая при этом вокруг испуганной больной жителей нескольких деревень. Она перевязывает раны, ухаживает за больными и умирающими... Словом, она врач, медицинская сестра, детская няня, миссионер и учительница домоводства одновременно.

Во время нашей беседы Мария Хорн говорит:

— Я по-прежнему безуспешно борюсь с бессмысленным страхом людей перед колдовством. Мне вряд ли удалось обратить в истинное христианство хотя бы одного жителя здешних мест, несмотря на то что многие называют себя христианами. Как-то раз, когда скончалась одна из наших больных в Аванде, ко мне пришли ее муж и брат с просьбой выдать им тело умершей. Вот уже много месяцев, как они сами называли себя христианами, и я столько времени убеждала их, что куру — это наследственная болезнь и не имеет ничего общего с колдовством и магией. «Мы не будем есть ее труп,— заверил меня муж покойной,— мы хотим только устроить маленькие поминки в деревне, а потом принесем тело назад и похороним его здесь, в Аванде». Я поверила ему, но все же решила пойти в деревню, когда начались поминки. Мертвую женщину посадили, прислонив к стене мужского дома. В руки ей вложили веревку, и все жители деревни, распевая псалмы, подходили и дергали за эту веревку. На мой вопрос, зачем они это делают, лулуай (вождь) ответил: «Мы дружим с христианским богом. Если женщина выделит мочу, когда кто-то дернет за веревку, бог укажет нам на колдуна».

Мария Хорн была одной из первых, кто услышал о племени форе и о страшной болезни, поражавшей его женщин. Бросив все, она решила отправиться в эти глухие места, чтобы прийти на помощь. Об этой первой экспедиции Мария Хорн и рассказала мне.

В конце сороковых годов до поселков, расположенных вдоль побережья Новой Гвинеи, дошли удивительные рассказы о племени, живущем в горных внутренних районах острова. Патрульный офицер Скиннер, находясь в трех днях пути от полицейского участка Кайнанту, наткнулся на укрепленные деревни. По словам жителей, они принадлежали племени форе, о котором представители властей до того времени никогда не слышали. Жители казались очень напуганными, но не потому, что увидели белого человека и вооруженных сол-

дат-папуасов, а потому, что, как они утверждали, их женщин околдовали и теперь им суждено умереть.

Переводчику Скиннера нелегко было объясниться с этими людьми — никто из них, естественно, не говорил на пиджин, но Скиннер все же с огромным трудом сумел понять следующее: они уехали из своих деревень, расположенных в горах южнее этих мест, так как местный колдун приобрел слишком большую власть и мог теперь наказать любую женщину смертью. Они показали на трех скрюченных женщин в одной из хижин. В первый момент Скиннер принял их за больных полиомиелитом; женщины были частично парализованы и не могли разогнуться. Ползая вокруг костра, они дрожали всем телом, словно очень замерзли. Офицер был несведущ в медицине, но даже он, наблюдая за несчастными, понял, что это не полиомиелит: лицевые мышцы у них так дергались, что казалось, будто бедняги смеются; то и дело они издавали звуки, отдаленно напоминающие хохот. Три дня спустя все они умерли в страшных мучениях. Местные жители называли болезнь «куру», что, по словам переводчика, означало «смерть от смеха».

Как только я услышала о страданиях этих людей, — продолжала Мария Хорн, — я сразу же решила отправиться в те места, чтобы оказать им посильную помощь. Рассказывать о том, как мне удалось снарядить экспедицию, было бы слишком утомительно, достаточно сказать, что четыре месяца спустя я вместе с четырнадцатью проводниками, полицейским сержантом и переводчиком тронулась в путь из поселка Кайнанту на юг, где жило незнакомое племя форе.

Следует ли удивляться тому, с каким волнением я ждала предстоящей встречи? Когда мы останавливались на ночлег, мне не спалось, и, как только вставало солнце, разгоняя ночной туман, и птицы начинали свой концерт, я выползала из-под защитной паутины противомоскитной сетки, чтобы приветствовать наступление нового дня. Из густых зарослей папоротника клубами вырывался туман, обнажая контуры реки, текущей со склонов далеких гор. Стоило сделать пару шагов в сторону, и я оказывалась на земле, на которую прежде не ступала нога белого человека. И где-то там, в неведомых долинах, в ярах, живет племя, которое лишь несколько месяцев назад впервые увидело белого человека.

Новая Гвинея. Всю свою жизнь я провела в этой стране. Родилась я на Земле кайзера Вильгельма — так в дни немецкого господства называлась нынешняя Территория Новая Гвинея — и была свидетельницей всех происходящих тут в последние десятилетия перемен. Как сестру милосердия меня посылали то в одно, то в другое племя, еще совсем незнакомое с современной цивилизацией. После окончания второй мировой войны в Австралию прибыло около двух миллионов переселенцев из Европы. Тогда же на Новой Гвинее было обнаружено много ранее неизвестных племен, которые совершенно неожиданно для себя попали в новый мир — из каменного века в эпоху атома.

Оказалось, что жители острова говорят более чем на пятистах языках, отличных друг от друга так же, как, например, немецкий от турецкого. В пределах одного племени женщины и мужчины говорили на разных языках. Были племена, где существовали слова-табу, произносить которые имели право только взрослые воины, любого другого ждала за это смерть. В одном племени единственной одеждой мужчин был огромный, чуть ли не метровый футляр, который они надевали на пенис, а в соседнем племени женщины намазывали ягодицы толстым слоем жира. В одном племени и мужчины и женщины в торжественных случаях мазали себя смесью глины, пепла и свиного жира, в то время как их соседи протыкали себе ноздри перьями райских птиц и украшали кожу татуировкой. Некоторые племена свинью почитали за священное животное, другие ее презирали как нечистую силу. Тут поклонялись солнцу и луне, а по соседству детей и молодых женщин приносили в жертву духам вербы, а крысу почитали как самое высокое божество. В иных местах убивали мужчину, в которого вселился злой дух, и тут же съедали внутренности, дабы ублажить его душу...

На пятый день после того, как мы покинули Кайнанту, к вечеру, я занялась подсчетом кассы, а проводники — устройством лагеря. Каждый день перед заходом солнца я обычно выплачивала им дневной заработок — по три коробка спичек на человека. Прямо передо мной в высокую траву убегала тропа. Вдали, за синюющими на горизонте горами, лежали земли племени кукукуку, а внизу, в долине, можно было различить первые жилища форы. Была одна из тех чудесных минут, когда все кругом дышало миром и покоем. Трудно-

сти дневного перехода остались позади, я мечтала поскорее закончить раздачу спичек, чтобы освежиться в реке, протекавшей под нами, и полакомиться рисом с бобами, который готовил мой превосходный повар Камайя из племени чимбу, заглушая своим пением шум пыхтевшего примуса.

Мои размышления прервал неожиданно появившийся Камайя.

«Одна семья канаков хочет поприветствовать тебя и Бонти (полицейского сержанта), — стряхивая с губ рисинки, произнес он на пиджине. — Вместе с ними находятся их мери. Я позволил им всем прийти прямо в лагерь».

Словом «мери», как мы помним, называют тут женщину-островитянку, и все на Новой Гвинее знают, что, если присутствуют мери, у мужчин самые мирные намерения.

«Что им надо, Камайя? — спросил сержант Бонти.

— Они просят, чтобы одному из них позволили поздороваться с вами, только это один из тихих...»

Бонти взглянул на меня, как бы вопрошая: «Сестра Мария, вы поняли, что он имел в виду, когда сказал, что с ними находится „один из тихих“? Это покойник».

Да, конечно, я сразу поняла. Местные жители уверены, что мертвые по-прежнему могут наблюдать за всем происходящим вокруг, пока существуют их мумии. Именно по этой причине жители деревни прячут в своих хижинах прокопченные тела усопших родичей. Они убеждены, что умершие старики радуются играм внуков и правнуков и слышат все, о чем говорится в кругу семьи. Иногда мужчины и женщины берут с собой мумии, если хотят показать им что-то необычное. Сейчас они, верно, сочли, что мертвец хочет посмотреть на такую диковину, как белая мери.

Бонти не сомневался, что жителям деревни будет приятно видеть меня свежей и умытой, и он сказал:

«Мисси-систа (искаженное „сестра-монахиня“), надень свое платье, это так обрадует тихого!»

Я удивленно посмотрела на него. Он что, шутит? Нет, судя по его виду, Бонти совершенно серьезен. Все объясняется просто. Хотя сержант и может стрелять из ружья, не раз слушал радио и бывал на борту самолета, его детство и молодость прошли в такой же глухой деревушке, как и та, откуда прибыла делегация, и он хорошо помнит обычаи предков. Я поспешила к ре-

ке, скинула рубашку и брюки, так хорошо защищавшие меня от moskitov, и надела форму медицинской сестры, после чего вернулась к Бонти и Камайе.

Делегация вышла на полянку перед нашим лагерем. Мужчины несли носилки из плетеного бамбука, на которых лежала сморщенная мумия старика. Они остановились метрах в двух от нас. Три женщины осторожно приподняли голову мертвеца, обращая его лицо к нам. Они делали это с такой любовью и почтением, что я невольно прониклась симпатией к этим бесхитростным людям. В том, что они совершали, не было ничего отталкивающего, напротив, их чувство благоговения на какой-то миг передалось и мне. Женщины дали мертвецу хорошенько на меня насмотреться, а я украдкой поглядывала на Бонти, не зная, как мне следует держаться: быть серьезной или изобразить на губах приветливую улыбку. Бонти выбрал последнее. Он обратился к мертвецу на пиджин, пожелав ему доброго вечера, а затем произнес несколько приветливых слов в адрес сопровождавших его членов семьи. Камайя перевел приветствие на язык чимбу. Мне было очень интересно узнать, поймут ли они этот язык. Хотя племена чимбу и соседствуют с форе, насколько мне пришлось слышать, между их языками нет ничего общего. Однако нам повезло: оказалось, что одна из молодых женщин, судя по всему внучка покойного, была выкрадена мужчинами чимбу и провела в этом племени несколько лет, прежде чем ей удалось бежать. Она и помогла нам с переводом, но, признаться, то, о чем она говорила, меня немало озадачило:

«Возвращайся скорее обратно, белая мери! На расстоянии дня пути отсюда живет колдун Лоту, он насыляет на всех женщин болезнь куру. За последние несколько огородов он убил много-много женщин! Возвращайся обратно!»

Тогда я еще не знала, что форе исчисляют время тем сроком, который необходим, чтобы вырастить батат. Огород — это примерно три-четыре месяца. Тогда же я решила, что Камайя перевел неверно либо я его не поняла. Я попросила женщину рассказать мне, что такое куру, но она решительно отказалась, заявив, что говорит от имени «тихого», а он просит, чтобы я повернула назад. Иначе меня ждет страшная смерть. Я пыталась объяснить этой женщине, что направляюсь в ее страну как раз затем, чтобы помочь ей и ее народу побороть

болезнь. Но она не хотела меня слушать. Вскоре делегация ушла. На опушке леса, обернувшись в мою сторону, женщина снова крикнула:

«Белая мери, мы не хотим, чтобы ты умерла. Против власти колдуна ты ничего не сможешь сделать. Вернись, пока не поздно!»

Когда мы остались одни, я обратилась к Бонти и Камайя:

«Я не хочу подвергать вас опасности. У нас только одно ружье, и, если форе нападут, у нас мало шансов остаться в живых. Поэтому решайте, следует ли нам идти дальше или возвращаться. Как вы слышали, колдун Лоту собирается убить меня одну, вам же он, видимо, зла причинять не собирается».

«Правда, та женщина сказала, что Лоту посылает болезнь только на женщин,— сказал Камайя.— Только женщины умирают от „болезни смеха“».

«Ты в этом уверен? Быгь может, ты не так ее понял?»

Камайя обиделся.

«Мисси-систа, она говорила на языке чимбу так же хорошо, как и я. Только у женщин бывает куру. Вот почему ни Бонти, ни я не собираемся поворачивать обратно».

В тот вечер я заварила побольше крепкого чая и пила кружку за кружкой, лежа в гамаке и размышляя о загадочной болезни куру. Мне, разумеется, не раз приходилось сталкиваться с колдунами и убеждаться в их огромной власти над людьми. Многие из них обладали такой силой, что могли приказать человеку умереть. А некоторые даже уточняли: «Ты умрешь до следующего полнолуния». И, как правило, так оно и случалось. На сей раз речь шла совсем о другом — о неизвестной болезни у неизвестного племени.

Я долго лежала без сна. Около полуночи возле гамака послышался какой-то зловещий смех. Я не считая себя трусихой, но в этом смехе в такой час и в таком диком уголке было что-то нереальное. Он звучал неестественно, будто его выдавили из человека, которому совсем не до веселья. Я зажгла карманный фонарик и осмотрелась. Под одним из деревьев недалеко от гамака я увидела женщину средних лет, которая ползла в мою сторону на четвереньках, не сводя с меня печальных глаз. Черты ее лица были искажены, все тело тряслось как в лихорадке. В глазах отражались боль

и страх, а изо рта вырывались всхлипывания, похожие на смех.

Я быстро вскочила и бросилась к ней с кружкой чаю в руках. Поднеся кружку к губам, я пыталась заставить ее отпить немного жидкости, но вскоре поняла, что женщина не может сесть. Судя по всему, у нее была последняя стадия болезни и часы ее сочтены. Будучи не в состоянии с ней объясниться, я поспешила разбудить Камайю и всех остальных в нашем лагере, но несчастная женщина говорила только на языке форе. Я просидела с ней всю ночь. В полдень она прислонила голову к дереву, и вновь ее тело сотрясла дрожь, а изо рта вырывался судорожный смех. С каждой минутой он звучал все громче и выше, а женщина дергалась все сильнее. Вскоре смех перешел в хрип, и она скончалась.

Я приказала своим проводникам похоронить ее. Пока они копали могилу, появилась женщина, с которой мы встречались накануне и которая говорила на языке чимбу. На сей раз она пришла в сопровождении шести мужчин, вооруженных копьями и вымазанных золой, у одного из них, видимо вождя, на голове было украшение из перьев райской птицы. Правую руку он держал прижатой к виску: по-видимому, он страдал от боли. Через переводчицу он сказал, что зовут его То и что он муж умершей женщины. Камайя перевел:

«Он говорит, чтобы мы ее не хоронили. Они хотят забрать тело, съесть мозг умершей и тем самым оказать ей уважение».

То показался мне приветливым человеком, и у меня не было никаких оснований противиться соблюдению похоронных обычаев племени. Я распорядилась отдать тело покойной и спросила, не могу ли быть полезной чем-нибудь. Теперь я более не сомневалась; убеждать их, что куру — это болезнь, не имеющая ничего общего с колдовством, бесполезно. Поэтому я попросила перевести следующее: в страну племени форе меня послал могущественный белый колдун, желая унять всех злых колдунов в их племени, которые насылали на женщин болезнь куру. Однако сказать так недостаточно, свои слова надо чем-то доказать. Но чем? У нас был при себе живой провиант — четыре живых поросенка. В доказательство моего могущества одного из них выпустили, и я лично пристрелила его из ружья Бонти.

Это произвело на людей форе известное впечатление, но тут я вспомнила, что патрульный офицер Скиң-

нер уже демонстрировал таким путем силу оружия белого человека. И тогда я подумала: кажется, у вождя болит зуб.

— Власть моя настолько велика, что я могу удалить твой больной зуб так, что тебе не будет больно,— сказала я, обращаясь к То.

Начались длительные переговоры, но зубная боль, видимо, была так сильна, что в конце концов То отбросил все сомнения и позволил сделать обезболивающий укол в воспаленную десну. Минут через двадцать я вытащила больной зуб и с торжествующим видом протянула его вождю.

Эта операция открыла мне доступ в мир племени форе. С помощью То меня изо дня в день вводили все глубже в это незнакомое общество. С каждым новым днем пути я приближалась к великому колдуну Ййоге, человеку, который взял на себя смелость распоряжаться жизнью людей и насылать на них смерть. Он, видимо, прослышал о моем приближении к его деревне — оттуда то и дело поступали предупреждения, чтобы я наконец остановилась.

Первая деревня на моем пути называлась Касогу. На поляне за частоколом То разделал тело покойной жены и на глазах у всех съел низ живота.

Возможно, мой рассказ покажется неэстетичным, но в нем нет ни капли вымысла. Все это я наблюдала собственными глазами, так как мне разрешалось свободно расхаживать по деревне. Я могла без каких-либо помех, пользуясь переводчиком, обращаться к жителям деревни во время их трудовых занятий, сидеть у очага, заходить в хижины, в том числе и в ту, где женщины племени форе скрываются во время менструаций. Я могла пригласить их к себе в лагерь, показать, как пользоваться карандашом, как зажигается карманный фонарь, давала им посмотретья в зеркало. Но как далеки были мы друг от друга! Наш образ жизни разделяли тысячелетия. Не буду касаться обычаев, связанных с употреблением в пищу человеческого мяса, ограничусь самыми простыми примерами. Младший брат наследует жен старшего брата. Братья и сестры не должны смотреть друг на друга и разговаривать между собой. Мужчина имеет право вступать в интимные отношения с женой друга, причем муж должен присутствовать при этом акте. Существует обычай глотать куски тростника, чтобы вызвать рвоту и тем самым

«очистить внутренности» от пищи, приготовленной беременной женщиной или женщиной, у которой начались месячные. Женщину, которая увидит играющего на дудке мужчину, ждет смерть.

Мало кто из живущих на Земле народов боится смерти меньше, чем форе, зато они очень страшатся позорной смерти от куру, когда нечистая сила пожирает больного изнутри. В ту пору я еще не знала, что на долю этой болезни приходится половина всех смертных случаев среди женщин в здешних краях. Но надо было быть слепой, чтобы не увидеть, как опасались женщины, девушки и девочки заболеть болезнью куру. По утрам, выбираясь из хижин, чтобы заняться работой на полях, женщины некоторое время стоят неподвижно, выпрямившись во весь рост и свесив руки плетью. Стоит им почувствовать малейшую дрожь в теле, как их охватывает страх: не вселилась ли в них нечистая сила? Внимательно приглядываясь друг к другу, они стараются выискать жертву куру, успокаивая себя тем, что если злая сила уже вселилась в какую-нибудь женщину, то она не сразу поразит другую.

Я имела возможность наблюдать все стадии болезни. Первые признаки обычно проявляются в незначительных нарушениях координации движений. Стоит больной взять в руку какой-нибудь предмет, как пальцы ее начинают слегка дрожать и ей не сразу удается унять дрожь. Нередко она и сама этого не замечает, зато другие не упускают случая поведать об этом не только самой несчастной, но и всей деревне. Из-за постоянного страха перед болезнью у женщин племени форе выработалась привычка брать предметы одной рукой, а другой придерживать сверху. Такая нехитрая манипуляция позволяла им в какой-то степени сдерживать судорожное подергивание мышц, которое приводило к повышенной нервозности, доходящей до истерики. По той же причине женщины не осмеливаются громко смеяться, ограничиваясь только улыбкой.

3

В своих наблюдениях за жизнью племен я столкнулся с такими понятиями категорий добра и зла, которые столь разительно отличаются от наших, что я попросту не приложу ума, как можно помочь этим людям и приобщить их к современному миру. На эти мысли

меня натолкнули их отношение к тем, кого поразила болезнь куру, их страх перед колдовством и всем, что связано с этим.

Осталось ли подобное отношение таким же, как и десять лет назад, когда я впервые попал на землю племени форе? По мнению Руперта, никаких изменений здесь не произошло, но, так ли это в действительности, я смогу судить лишь сам, когда вторично попаду в племя. Итак, в распоряжении миссионеров, врачей и администрации было десять лет. Есть ли какие-нибудь сдвиги? В прошлый раз мне довелось попасть в деревню, которую сами жители нарекли «деревней обреченных на смерть женщин». Помню, что прибыл я туда к вечеру. Вершины гор были озарены бледно-розовым отблеском заката, в ясном воздухе вверх устремлялись клубы дыма от костров. Маленькие хижины купались в свете вечернего солнца, все, казалось, дышало миром и покоем. Стоило нам приблизиться к хижинам, как с десятков поросят врассыпную бросились в заросли. Навстречу нам устремились пятеро ребятишек, протягивая подарок — веточку эвкалипта с жирной зеленой гусеницей. Я великодушно отдал ее мальчишке постарше других, и он с радостью засунул ее в рот.

Помимо детворы и двух женщин в деревеньке оставалось всего пятеро мужчин, остальные женщины, как об этом я узнал со слов переводчика, заколдованы. Двенадцать из них поражены болезнью куру. Кто к этому времени успел умереть, а кто добровольно ушел в лес ждать, пока смерть принесет избавление от ужасных страданий. Они ушли из деревни, пока еще могли кое-как передвигаться, опираясь на палки, в сопровождении мужчин. Но мужчины знали, что женщинам суждено умереть, помочь им они были бессильны, а потому большинство из них ушли из деревни в другие места. Там они построили новые хижины, а возможно, и обзавелись новыми женами. Ведь, как они полагали, небезопасно жить с женщиной, в которую вселилась нечистая сила.

Все в племени знают, откуда пришла к женщинам эта напасть. Порчу на них напустил старый Ийюга. Он и четверо его сыновей продолжают жить в деревне. Прикончить старика ни у кого не хватает мужества. Они жаловались белому киапу из проходившего по тропе патруля, но тот не пожелал задержать Ийюгу. Белые люди такие странные: не верят в колдовство,

вероятно, потому, что сами в родстве с богами и им не страшны злые духи; но в то же время полицейский офицер из Окапы запретил убивать старого поганого колдуна и предупредил, что, если кто попытается это сделать, его закуют в цепи и отправят в Кайнанту. Он предложил отыскать больных женщин и доставить их в пункт для заболевших куру при миссии в Аванде. Но они не пожелали об этом слышать. Больные должны умереть, чтобы вместе с ними умерла болезнь.

Я встречал Ийогу во время своего первого путешествия на землю племени форе. Когда в сопровождении переводчика я пришел на деревенскую площадь, он сидел перед очагом. Я поздоровался с ним, но он не проронил ни слова в ответ, его мрачное лицо было бесстрастно. Помнится, я тогда подумал, что так же, должно быть, выглядел колдун и в наших местах в давно минувшие времена. Присев рядом, я подал знак переводчику, чтобы тот сел между нами. Переводчик не принадлежал к племени форе, однако он все же, видимо, побаивался Ийогу, и мне не сразу удалось уговорить его занять указанное место. Старик, казалось, не обратил внимания на эту сцену — судя по всему, он привык, что люди его боятся.

Я попытался задобрить его подарком и предложил сигарету. Он соблаговолит взять ее у меня и молча стал следить за тем, как я зажигаю свою сигарету. Когда же я, чиркнув спичкой, протянул пламя к его сигарете, он не выказал страха и принялся спокойно втягивать дым. Некоторое время мы курили в полном молчании. Стемнело. Где-то захрюкал поросенок.

Выкурив сигарету, Ийога протянул руку за новой. Добрый знак. Надо полагать, скоро завяжется беседа. Но пока слышалось только гудение безжалостных moskitov. Старик по-прежнему молчал. Тогда я не спеша принялся переодеваться — снял шорты, надел брюки, не переставая дымить, чтобы отогнать moskitov. Вдруг Ийога встрепенулся. Заметив, что под брюками на мне трусы, он изобразил на своем морщинистом лице подобие улыбки и, обернувшись к переводчику, что-то ему сказал.

— О чем спрашивает старик? — поинтересовался я.

— Он хочет знать, собираешься ли ты воевать.

— Воевать? Как это понять?

Переводчик разъяснил, что форе, отправляясь в военный поход, надевают под набедренную повязку нечто

вроде лубяных трусов, которые представляют собой своеобразные доспехи. Старика Ийогу немало позабавило, что белый киап путешествует в «военных штанах».

Лед был сломан, между нами завязалась беседа, правда вначале довольно робкая. Но вскоре мы освоились и даже почувствовали взаимную симпатию. Как оказалось, Ийога вовсе не колдун. Он старый, уставший от жизни человек с «трясущейся кожей» (по его собственному признанию), ему очень больно, что в его деревню пришла болезнь. Однако он тут ни при чем, это один человек в соседнем селении навлек на женщин куру. Вот если его убить, то больные быстро поправятся. Ийога добавил, что жен своих сыновей он никуда не отправил, две из них так и живут в хижине. Никто из них не верит, будто он наслал порчу. Когда-нибудь сыновья пойдут и убьют того злого человека, продолжал Ийога. Возможно, полицейский офицер их за это закует в цепи и отправит на принудительные работы, только они все равно сделают это ради отца.

— Ну, а где твоя жена, Ийога?

— Она умерла от куру. Она умерла первой. А потом заболели две дочери. С тех пор прошел почти целый огород. Так что теперь они, верно, тоже умерли... или вот-вот умрут.

— А ты не думаешь, что было бы лучше, если бы ты пошел вместе с больными в Аванде?

Что может сделать добрая белая мери? Там бы они тоже умерли. Ведь куру — это колдовство, а против колдовства человек бессилен.

Ийога прав: белая мери, медицинская сестра в миссии, немка по национальности, не в состоянии была исцелить больных женщин, но об оставшихся детях-сиротах она, во всяком случае, могла бы позаботиться. А так они скорее всего погибнут в джунглях, куда их увели умирающие матери.

— Женщины обречены на смерть, и никто не может их спасти,— повторяет старик.— Никто, кроме колдуна из соседнего селения.

— Ты с ним об этом говорил?

— С ним разговаривали мои сыновья... но он, конечно, отказывается.

— Почему же его гнев обрушился именно на твою деревню?

— Между нашими людьми шла война из-за не-

скольких поросят. Поросята достались нам, в отместку он заколдовал наших женщин.

Выжать из Ийоги что-нибудь еще мне не удалось, но я понял, что он был человеком, который умел смотреть в будущее. Было время, когда он обладал неограниченной властью, мог выгнать любого жителя из деревни и даже принудить к самоубийству. Его приказы безропотно исполнялись. Перед тем как вернуться в привычный для меня мир, я спросил старика: как он думает, вернусь ли я снова на землю форе (в те годы у меня на этот счет не было каких-либо планов)?

— Все белые люди быстро уезжают отсюда прочь,— помолчав, ответил он.— Но пройдет немало лет, и ты вернешься обратно. Ты приедешь с юга, перейдешь через реку Ламари.

— Но это же земля племени кукукуку... оттуда никто не приходит живым! — возразил я.

— Тебе помогут. Ты доберешься до нашей земли,— были его последние слова.

Я записал его предсказание в дневник. Прошло десять лет, и вот, похоже, оно и впрямь сбывается. Я спрашиваю Руперта: как он полагает, в самом ли деле среди форе, одного из самых страшных племен на Земле, водятся колдуны?

4

Руперт всю свою жизнь провел в стране форе. Сам он деревенский паренек, сделавший карьеру благодаря миссии в Аванде. Вот его рассказ:

— Когда я родился, нога белого человека еще ни разу не ступала в мою деревню. Мы только знали, что такие люди существуют; мой дядя как-то повстречал одного из них между Кайнанту и Окапой, когда шел за солью и раковинами. После того как мать заболела куру, отец оставил ее и велел вместе с детьми отправляться в лес. Мы бродили по горам, нам нечего было есть. Сначала мать собиралась убить двух моих младших сестер, она не верила, что они выживут. Но я слышал о белой женщине, которая пыталась помочь заболевшим куру, жившим недалеко от деревни Аванде. Мать же считала, что болезнь на нее навлек колдун из соседней деревни и никто из белых мери ей не поможет, она обречена.

Я не хотел этому верить. Говорили, будто белые

мужчины и женщины могут делать все: приручать больших птиц, на которых они летают по воздуху; а когда кто-нибудь сильно заболевает, ему втыкают в руку острую соломинку — и через несколько дней этот человек здоров. Колдуны пытались убить их, но им это не удалось. Почему же белая мери в Аванде не сможет снять с матери болезнь?

Я побежал в Аванде, чтобы разыскать белую мери и рассказать ей про мать и сестер. Но когда я вышел к склону, который спускался к миссии, передо мной появился белый человек с черным ящиком в руках. Он направил ящик прямо на меня, и я с криком бросился обратно в лес. Я подумал, что он хочет меня убить этим ящиком.

Я затаился в кустах и стал следить за белым человеком. Скоро я понял, что его черный ящик не опасен. Когда я осмелился выйти из укрытия, он раздавал подарки ребятишкам, которые окружили его со всех сторон. Мне показалось, что он снимает белые листочки с каких-то незнакомых фруктов, но позднее я понял, что этот человек разворачивал леденцы, прежде чем протянуть их детям.

Этим белым человеком был ты. Тогда у тебя не было бороды, и, хотя теперь ты стал гораздо старше, я сразу тебя узнал. Первого белого человека, которого встречаешь в жизни, не так легко забыть.

Ты повел меня к сестре Марии Хорн, и мы вместе отправились в лес за моей матерью и сестрами. Мы их нашли, но оказалось, что к тому времени мать убила обеих дочерей. Она пошла вместе с нами в Аванде, там никто не сумел ее спасти, и через три месяца она умерла от болезни куру. Я остался у сестры Марии Хорн, она научила меня читать и писать.

Я прекрасно помню события, о которых рассказал Руперт. Когда на следующий день, с трудом переправившись через реку Ламари, мы достигли первых деревьев форе, я сразу обратил внимание на то, как мало здесь все изменилось за минувшие десять лет. Одна из деревьев, Камира, показалась мне покинутой жителями. Однако в углу мужской хижины я увидел около десятка стариков. Они сидели с безучастным видом, полускрыв глаза, а вокруг них бегали свиньи. Двое стариков искали друг у друга насекомых и прекратили свое занятие лишь после того, как переводчик спросил их, куда девались остальные жители деревни.

— Люди из Пуросы заразили наших женщин болезнью куру. Мы прогнали их в лес вместе с детьми.

— А где молодые мужчины?

— Они глотают тростник, чтобы очиститься... Быть может, колдовская сила их не поразит.

Мы нашли подростков и молодых мужчин недалеко от деревни за удивительным ритуалом, свидетелем которого не может быть женщина. Они были заняты тем, что вставляли в рот длинные, сантиметров в тридцать, тростниковые трубки (предварительно удалив сердцевину) и старались протолкнуть их поглубже, после чего медленно вынимали обратно. Это вызывало несколько сильных приступов рвоты. Не обращая на нас внимания, они продолжали заниматься своим делом. Я попросил переводчика сказать, что мы не желаем им ничего дурного и вполне разделяем их чувства. Как уже не раз упоминалось, люди племени форе не боятся смерти, но страшатся смерти от куру. И хотя болезнь поражает преимущественно женщин и девочек, случается, что заболевают и молодые мужчины. В надежде избежать этой участи они, как я уже говорил, стараются очистить желудок с помощью тростника, веря, что в таком случае они не подвергнутся колдовству.

Чтобы причинить человеку зло и заразить его болезнью куру, следует — так считается в этом племени — заполучить что-то принадлежащее этому человеку. Форе верят, что, наслав на врага болезнь, они его тем самым уничтожат. Поэтому они занимаются магией, стремясь нанести врагу урон. Съев батат или банан, женщина обязана спрятать кожуру, чтобы она не попала в руки возможного врага — как полагают, этого достаточно для колдуна. Он завернет кожуру в листья или кору, перевяжет тонкими лианами и опустит в болото, после чего каждый день станет приходить к своему тайнику, вынимать пакет, трясти его до тех пор, пока намеченная им жертва не начнет дергаться от куру. После этого кожуру оставят в болоте, и, когда она окончательно сгниет, считается, что и больная умрет.

Вот почему женщины племени форе тщательно следят за тем, чтобы предметы, которых они касаются, не попали в руки колдуна. От этого их повседневная жизнь усложняется: форе верят, что только огонь способен избавить людей от злой напасти, и повсюду, где бы мы ни путешествовали на их землях, нам в глаза

бросались небольшие костры в деревнях. Их разводят после каждой трапезы, уничтожая остатки пищи. Сплетая новую лубяную юбку, женщина непременно должна сжечь старую, пепел же следует закопать. Подрезая волосы бамбуковым ножом, они тщательно собирают пряди и сжигают, чтобы они не стали предметом опасной магии.

5

За те десять лет, что миновали с тех пор, как я впервые познакомился с племенем форе, немало воды утекло и много всякого произошло в мире, но так никто и не смог мне сказать, какова же причина возникновения таинственной болезни куру. Передается ли она по наследству, или это вирусное заболевание, связанное с тем, что дети едят мозг покойных родителей? Но в таком случае почему болезнь поражает преимущественно женщин? К тому же обычай этот древний, а болезнь, как утверждают, начала распространяться среди этого племени всего каких-нибудь 35—45 лет назад. И чем объяснить ее распространение? Ведь если куру будет и дальше уничтожать женщин, это означает конец племени форе. Увы, на эти и другие вопросы я пока ответить не могу. Странно, однако, что за все это время болезнь поразила одно-единственное племя в мире.

В одно прекрасное утро мы подходим к горной цепи южнее патрульного поста Окапа. Бурная речка, мирные домики и хижины чуть поодаль, посреди волнистого ковра из травы кунай, окутанные влажной дымкой джунгли и далекие горы — таким мне запомнилось это место в то тихое, чудесное утро. А за домами в зеленой траве виднеется коричневая полоска — это грунтовая дорога, ведущая в Кайнанту и Гороку. Мое путешествие по Новой Гвинее подошло к концу.

НОВАЯ ГВИНЕЯ — ОБЫДЕННОСТЬ И ЭКЗОТИКА

Датский путешественник Арне Фальк-Рёне хорошо знаком советскому читателю. Два издания выдержала его книга «Слева по борту — рай», в которой отважный датчанин рассказывает о том, как он повторил по многочисленным островкам Тихого океана путь знаменитого мятежного корабля «Баунти». Тогда, плывя от Таити на запад, он добрался до Новой Гвинеи и административно входящих в нее островов Торрессова пролива. Там он встретил странных людей — отшельника-шведа, австралийца, ловца змей, аборигенов этого района, тайно охотящихся на крокодилов. Эта одна из глав, завершавшая в предыдущей книге плавание по следам героической шлюпки капитана Блая, стала в книге, которую вы только что прочли, начальной, открывающей захватывающий рассказ о самой Новой Гвинее.

Этот крупнейший остров мира, почти целый материк, остается еще в наши дни последним прибежищем древних традиционных культур, едва вошедших в соприкосновение с большим миром. На островах существуют вполне современные государственные образования и политические структуры: в восточной половине располагается независимое с 1975 г. государство Папуа-Новая Гвинея, член ООН, а в западной — индонезийская провинция Ириан-Джая (бывший Западный Ириан, о котором, как наверняка помнят читатели старшего возраста, много писали в газетах в начале 60-х годов). Но наряду с ними там все еще сохраняются многочисленные островки изолятов, где живут папуасские племена, не то чтобы не признающие государственную власть, а просто не воспринимающие ее реально — настолько далеко представление о государственности от той системы принципов и категорий, на которой построено их видение мира.

Первые сведения о Новой Гвинее просачиваются во внешний мир еще в средневековье. В индонезийских и китайских исторических сочинениях, летописях или древних документах время от времени встречаются упоминания о каких-то «черных рабах», вывозившихся с «восточных островов», о белых какаду, высоко ценившихся при дворах дальневосточных правителей. В еще более древнюю эпоху, на грани новой эры, Новой Гвинеей достигли затухающие импульсы процветавшей в континентальной и отчасти островной частях Юго-Восточной Азии бронзовой культуры донгшон. Мы можем судить об этом по некоторым орудиям, по старинным орнаментам. Однако вплоть до нового времени, до эпохи колониализма, остров оставался практически в полной изоляции.

Причины тому многообразны, наверное, одна из них кроется в особенностях традиционной культуры папуасов, порой вызывающей у нас чувство глубокого уважения, но порой и чувство не менее глу-

бокого возмущения. Строго говоря, выражение «культура папуасов» достаточно условно, потому что Новая Гвинея, среди прочего, славится еще и тем, что на ней сосредоточено около одной пятой всех языков мира — этническая и лингвистическая дробность здесь поразительна. Но, несмотря на это, остров, особенно его центральную часть, Новогвинейское нагорье, можно рассматривать как вполне самостоятельный и в чем-то даже однородный культурный регион. По сути дела, прочитанная нами книга повествует именно о горцах-папуасах. К ним относятся и жители долины Балием, и грозные кукуку (или анга, как их называют сейчас), и форе, пораженные загадочной болезнью. Только охотники за головами, асматы, живут в низменной, болотистой области Южной Новой Гвинеи.

Культура папуасов своеобразна и далеко не всегда соответствует бытующему кое-где в европейских странах стереотипу: жизнерадостные туземцы в юбочках из листьев, весело танцующие на берегу моря под пальмами. К сожалению, А Фальк-Рёнке мало внимания обращал на повседневную, будничную жизнь папуасов, сосредоточив его на более экзотических сторонах их быта, поэтому его книга не дает нам исчерпывающего представления о том, как живут люди на Новогвинейском нагорье. Неверно мнение, что папуасы — совсем остальные племена, добывающие себе пропитание ловлей крыс или собиранием гусениц. Они земледельцы, причем такие, которые обладают достаточно сложными, развивавшимися в течение тысячелетий навыками полеводства. Так, в долине Балием, где разворачиваются наиболее драматические события этой книги, жители издревле создавали сложные ирригационные сооружения, умели даже террасировать поля, т. е. строить искусственные орошаемые земельные участки на склонах гор и тем самым делать пригодными для возделывания труднодоступные части горного ландшафта.

Известно, что сложные ирригационные сооружения вообще связаны с достаточно высоким уровнем социального развития, при котором возможно соединение усилий нескольких производственных коллективов. Один из западных ученых даже назвал общественную организацию такого типа «гидравлической цивилизацией». Так что одно это указывает на то, что слухи о примитивности папуасов Новогвинейского нагорья сильно преувеличены.

Интересно, что при развитой технике земледелия папуасы — народ монокультуры. Выращивают они в основном батат (сладкий картофель), который служит для них главным продуктом питания. Другие культуры редки и встречаются главным образом в периферийных или низменных местностях. Но батат, как это теперь доказано, — растение американского происхождения. Проник он на Новую Гвинею не ранее чем 400 лет назад, т. е. после того, как испанские открытия в Тихом океане сделали возможным трансплантацию ряда продовольственных культур из Америки в Юго-Восточную Азию. Так что изоляция Новой Гвинеи тоже была довольно относительной. Нововведение не только проникло сюда из островной части Юго-Восточной Азии, но и смогло вытеснить какие-то предшествовавшие культуры (есть мнение, что основной пищей горцев-папуасов в древности была пuerария из семейства бобовых).

Как полагают ученые, внедрение батата в зоне Новогвинейского нагорья было поистине революционным фактом. Культура эта имела много преимуществ перед бобовыми или другими тропическими корнеплодами и клубнеплодами, такими, как таро и ямс. Батат более урожаен, лучше приспособлен к часто случающимся в горах климатическим перепадам, к сухим почвам. Благодаря батату папуасы

смогли расширить зону обитания, проникнуть в такие высокогорные области, что тех же чимбу или дани по праву можно поставить в один ряд с жителями Анд или предгорий Гималаев. Более того, благодаря батату в этих районах резко возросла плотность населения. В некоторых горных долинах (например, в Балием) она достигла немыслимой для Океании цифры: 75 человек на 1 кв. км.

Кроме батата хозяйство большинства папуасских народов опирается на свиноводство. Свинья была завезена когда-то мигрантами из Юго-Восточной Азии и теперь на Новой Гвинее повсеместно служит мерилом богатства и власти. Из домашних животных папуасы держат также собак (но они не играют сколько-нибудь существенной роли в их хозяйственной жизни) и разводят немного кур. Так что домашним животным в полном смысле этого слова была только свинья — основа не только благосостояния, но и общественной жизни. Свиньями окупались за нарушения требований традиции, ритуальный обмен свиньями становился средоточием социальных связей, во время торжественных «свиных праздников» устанавливались контакты между представителями разных родов и племен. Свиньи ценились настолько высоко, что в некоторых местах поросят женщины выкармливали грудью вместе с собственными детьми. Но ценность эта определялась не тем, что свиное мясо шло в пищу, а тем, что свинья рассматривалась как инструмент поддержания социальных связей. Резали свиней редко и только по церемониальным случаям. Зарезанную свинью хозяин не потреблял сам, а использовал для дарения, ибо дар был главной формой хозяйствования традиционного папуасского общества. Дарение иногда могло быть доведено до абсурда. Существует описание папуасского праздника, на котором получивший в дар от кого-то кусок свинины должен был тут же подарить его еще кому-то, тот, в свою очередь, находил третьего, и так продолжалось до тех пор, пока мясо не испортилось.

Конечно, не всегда получалось так, но в целом действовал один из основных законов первобытной общественной морали: авторитетом и властью пользовался тот, кто мог дарить. За редчайшим исключением, папуасы не знали наследственного лидерства или даже лидерства, обусловленного какими-то жесткими условиями, как говорят специалисты, «статусного», лидерства. Лидером (по терминологии Фальк-Рёнке — «вождем») становился наиболее влиятельный, часто наиболее богатый в их понимании или удачливый человек. Для обозначения таких лидеров в науке даже существует термин «бигмен», что можно перевести с английского как «большой человек». По-своему папуасское общество было довольно «демократичным» — бигменом мог при определенных условиях стать каждый.

Бигмен обычно руководил небольшой общиной, в которой связи между ее членами регулировались в зависимости от родственных отношений друг с другом, иными словами, такая община была кровнородственной. Поэтому, несмотря на «демократичность», включиться в такую общину постороннему очень трудно, для этого он должен быть как бы рожден в ней. Вспомним рассказ о посещении Фальк-Рёнке и его товарищами деревни асмагов, где хозяева заставили их проползти под выстроившимися в ряд женщинами селения. Тем самым пришельцы «вродились» в эту общину, после чего с ними можно стало общаться. Предполагалось даже, что, став «рожденными» среди асмагов, они должны были тут же освоить и их язык. Общие же с чужаками, если оно и происходило, принимало здесь практически всегда антагонистический характер.

Папуасскую социальную организацию, всю внутреннюю жизнь

этих замкнутых общин можно представить себе в виде постоянного противостояния центробежной и центростремительной тенденций. С одной стороны, мелкие, раздробленные этнические или этнолингвистические сообщества стремятся обособиться друг от друга, будучи разделенные географическими условиями обитания, языковым барьером, наконец, постоянной враждебностью, вызванной стремлением к овладению достаточно скудными ресурсами. С другой стороны, опасность замыкания в самих себе, полная оторванность от окружающего мира в эволюционном плане настолько велики и губительны, что установление каких-то регламентированных связей с соседними сообществами ощущается как настоятельная необходимость.

Но как же в таком случае осуществлялась связь между этими общинами? Одним из таких путей, как и повсюду на земле, был брак. Между разными кланами или селениями иногда устанавливались постоянно действующие брачные связи, так называемые коннубумы. Наряду с отношениями родства, часто фиктивными, как это случилось, например, у асмагов, устанавливаются отношения свойства, далеко не всегда радужные. В целом ряде сообществ Новогвинейского нагорья учеными зафиксировано существование ритуализированных антагонистических отношений со свойственниками, которые воспринимаются как опасные амбивалентные «друзья—враги». С одной стороны, они поставляют женщин, но, с другой стороны, само женское начало в большинстве папуасских племен воспринимается как вредоносное и магически опасное, поэтому опасны и свойственники.

Вообще папуасское общество строго патриархально, матриархальные тенденции проявляются только на некоторых меланезийских островах, окружающих новую Гвинею. Сами же папуасы, особенно горцы, довели патриархат до предела, в чем-то соперничая в этом плане с мусульманскими народами Ближнего Востока. Множество усилий в жизни папуаса-мужчины направлено на охранение от вредоносного женского начала. Этим объясняется, например, поражающая путешественников сегрегация мужчин и женщин в повседневной жизни. Мужья живут отдельно от своих жен, обитающих в небольших хижинах с незамужними дочерьми и младенцами. Мужчины же и мальчики с пятилетнего возраста проводят основную часть времени в мужских домах, вход в которые женщинам строго воспрещен. Но вместе с тем получение женщины, ее завоевание — необходимая часть жизни мужчины, к которой он стремится и ради которой он готов пройти через трудные, а подчас и мучительные, опасные обряды; часть их описана в книге Фальк-Рённе. Женщина не просто необходимый член общества, не просто член общества, обеспечивающий его воспроизводство, — она еще и почетный знак, мерило престижа и богатства мужчин. Одновременно она и воплощение враждебного начала, которое может и должно быть сведено к минимуму охранительными мерами. Все это сложное, также амбивалентное отношение к женщине выражается в кажущемся нам странным и безусловно неприемлемым поведением по отношению к женщинам в быту.

Подобно этому и отношение к окружающим общинам. Они необходимы, но вредоносны, поэтому контакт с ними нужен, но носит он также двойственный — «дружественно-вредоносный» характер. Какое-то взаимодействие между замкнутыми общинами земледельцев, конечно, существовало благодаря робкому, но регулярно обмену или даже экстерриториальным торговцам типа Руперта, встреченного героями книги на «ничейной» земле между кукукуку и форе. Но ча-

ще взаимодействие это осуществлялось, как это ни странно, в форме вооруженных столкновений и насильственного присвоения продукта, производимого соседями. Война — не только из ряда вон выходящее бедствие, она — постоянный спутник традиционного папуасского общества. Каждый мужчина, хотя формально участие его было не обязательным, многократно в течение всей своей жизни участвовал в различных военных кампаниях. Войны были органичным элементом папуасской социальной организации, дополнявшим мирный межплеменной контакт. Побудительные причины межплеменных войн и столкновений на Новой Гвинее более или менее общезвестны. Это, говоря словами Редьярда Киплинга, «великие вещи — все, как одна, женщины, лошади, власть и война!».

Действительно: женщины — традиционная военная добыча, в том числе и у папуасов; вместо лошадей, отсутствующих на острове, — свиньи; а что касается власти, то, хотя уровень социального развития папуасов редко толкал их к установлению власти над соседними племенами, успешно проведенный военный набег укреплял власть и престиж бигмена или военного предводителя в своей собственной общине.

Военные межплеменные столкновения, как и вообще традиционный уклад папуасской жизни, сейчас стремительно уходят в прошлое. Но еще совсем недавно они были, и уникальные кинокадры, снятые этнографами в той же долине Балием в 60-х годах, донесли до нас удивительное зрелище столкновений, подобных тем, которые разворачивались в Европе не позже раннего средневековья.

Но если в Европе Великое переселение народов открыло дорогу широкому взаимопроникновению самых разных культур, то Новая Гвинея, несмотря на изобилие военных столкновений, а скорее всего в значительной степени благодаря им оставалась конгломератом изолированных кровнородственных общин земледельцев, часто составлявших даже генетические изоляты, как следствие ограниченности брачных связей. Этим можно, в частности, объяснить сравнительно редкие, но все же имеющие место случаи эндемичных патологий, таких, как довольно правдиво описанная Фальк-Рёнке болезнь куру у народов форе. Причины и характер этой болезни были разгаданы американским ученым Д. К. Гайдужеком, награжденным за это в 1976 г. Нобелевской премией по медицине. Она вызвана какими-то вирусными инфекциями и подобна целому ряду известных науке странных заболеваний, присущих только отдельным народам. Таковы, например, арктическая истерия эмереченье, бытовавшая у народов Сибири и эскимосов и поражавшая, к стати сказать, тоже в основном женщин; психоз виндиго у североамериканских индейцев; знаменитая форма психического заболевания амок у бугисов Сулавеси, вдохновившая С. Цвейга на написание своей знаменитой новеллы. Едва ли правомерно сводить причины таких заболеваний к какому-то одному фактору, как это делает, в частности, автор, усматривая его в эндоканнибализме. Видимо, здесь действует, как и всегда при распространении того или иного заболевания, целый комплекс причин, проявляющихся в рамках генетически замкнутых популяций. «Но в чем же дело? — может спросить иной читатель. Почему не наступило на Новой Гвинее то время, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся?»

По-видимому, дело здесь как в скудости естественных ресурсов на большом острове, бывшей особенно ощутимой до внедрения культуры батата, так и в относительно слабом по сравнению с центрами исторического развития Евразии или отдельных частей Америки уров-

не развития производительных сил. И то, и другое, а также отсутствие стабильного контакта Новой Гвинеи с окружающими народами, в том числе и Азиатского материка, сдерживали общественное развитие папуасов и препятствовали созданию основы для перехода к каким-то принципиально иным формам социальной интеграции, в том числе к классовому обществу. Ведь контакт в классических центрах цивилизации — в Средиземноморье, на Ближнем и Дальнем Востоке — был мощным катализатором прогресса. Всегда во много раз труднее было тем, кто вынужден был идти в одиночку великим путем становления форм человеческого общества. Папуасы оказались именно среди таких народов, и в XX в., когда многие из них впервые увидели вокруг себя незнакомый им мир, они достигли примерно той ступени развития, которую мы могли бы назвать варварской, или были на подходе к типу такого общества, которое в трудах Ф. Энгельса названо «военной демократией».

Кстати, случаи жестокости, о которых рассказывается в прочтенной нами книге, в целом как раз характерны для варварских обществ. Вспомним рассказы о лангобардских королях, пивших вино из черепов поверженных врагов, о разграблении Рима вандалами, о резне, об уничтожении памятников, о принесении в жертву жен и рабов на похоронах знатного руса на Волге. Есть и многое другое на Новой Гвинее, что демонстрирует кардинальное различие в восприятии действительности между современным европейцем и членом традиционного новогвинейского общества, каким-нибудь Обахароком, оказавшимся на неделю мужем безответственной американки. Фальк-Рёнке рассказывает много случаев, где, как говорится, остается только руками развести — настолько непонятны нам силы, толкающие папуасов на совершение тех или иных поступков.

Но есть один обычай на Новой Гвинее, который из-за своей неприемлемости и полной исключенности из нашей жизни вызывает и активное противодействие, и определенный интерес, как нечто диаметрально противоположное нашим представлениям о человеческой сущности. Этот обычай — каннибализм, которому так много места отведено в прочитанной нами книге. Встречается он в наши дни крайне редко. Как укоренившийся обычай, а не просто как отдельный эпизод он дожил до середины XX в. только у немногих еще сохраняющих традиционный образ жизни папуасских народов Новой Гвинеи. Причем в Папуа-Новой Гвинее он практически исчез в наши дни (напомним, что книга Фальк-Рёнке была написана более 10 лет назад), да и в Ириан-Джая, одном из самых глухих уголков планеты, он не сохранился даже в недоступных горных долинах.

Так стоит ли о нем говорить в таком случае, не лучше ли предать забвению этот позорный пережиток варварства и не вспоминать о нем вовсе? Думается, что это было бы не совсем правильно. Действительно, многотысячелетняя борьба цивилизации с каннибализмом сейчас близка к завершению, не только дни, но и минуты его сочтены, и это можно записать нашей цивилизации в актив. Но само по себе это явление было в свое время широко распространено, принимало разные формы и практиковалось в разные периоды времени на разных континентах и широтах. Оно требует надгробного слова как в виде эмоционального рассказа, так и в виде научной интерпретации. Почему люди ели людей?

В свое время ареал распространения людоедства охватывал всю заселенную человеком часть земного шара, всю ойкумену. Каннибализм весьма древен. Людоедами были наши отдаленные предки — архантропы, людоедами же были и более близкие к нам неандер-

талцы. Свидетельство тому — многочисленные находки остатков каннибальских пиршеств на многих древних стоянках, например в знаменитой пещере Крапина в Югославии. Иными словами, можно сказать, что Homo sapiens появляется на арене истории около 40 тыс. лет назад каннибалом. Имея в виду одно только это, закономерно поставить вопрос: почему же люди перестали есть людей?

Запрет поедания человеческого мяса в течение тысячелетий утверждал себя в качестве категорического императива человеческой культуры, вернее, ее определенной исторической формы, называемой цивилизацией. Нечто сходное мы наблюдаем с запретом инцеста, т. е. кровосмесительных связей. Этот запрет более универсален и более строг в человеческом обществе, а соответственно и более древен, чем запрет каннибализма. Много споров велось среди ученых по поводу того, как и почему был запрещен инцест. Одни говорили, что древние люди осознали каким-то образом вредный биологический эффект кровосмешения, другие утверждали, что необходимость установления контактов между разнородными общинами побудила древних людей искать брачных партнеров вне своей собственной группы. Так или иначе, запрет инцеста настолько универсален в человеческом обществе, насколько редок в животных сообществах. Можно сказать, что этот запрет оказался полезен, как говорят специалисты — адаптивен, именно для человеческого общества, отличительной особенностью которого является существование культуры, понимаемой, как это принято в советской науке, как специфический человеческий способ деятельности и ее результат. Первым шагом на пути становления культуры и человеческого общества и был запрет инцеста, который, по выражению французского этнолога К. Леви-Стросса, «сам и есть культура». Каннибализм, первоначально появившийся, подобно кровнородственным связям, в качестве наследия дочеловеческих предков, на какой-то стадии общественного развития стал препятствием на пути дальнейшей эволюции. Общества, исключавшие его из своей жизни, оказывались более адаптивными, более приспособленными к требованиям истории.

Однако является ли каннибализм в том виде, в каком он был зафиксирован начиная с эпохи Великих географических открытий, только пережитком звериного состояния, или же он приобрел какие-то другие, новые качества, изменившись со временем, как изменяется все сущее? Наверное, последнее более верно. Посмотрим, что мы можем сказать о «современном» каннибализме, т. е. о каннибализме последних четырех-пяти столетий.

Прежде всего следует сказать несколько слов об источнике наших знаний, так как это имеет непосредственное отношение не только к выяснению характера каннибализма, но и к книге Фальк-Рёнке. Рассказов о людоедах в сочинениях, посвященных экзотическим странам, накопилось немало. В них описывается каннибализм в самых причудливых формах, приводятся леденящие кровь рассказы о съедении несчастных путешественников или туземцев живьем, в вареном, жареном, пареном, соленом виде, о выкармливании людей на забой, о специальных базарах, где торговали человеческим мясом, и т. д. Характерна во всех этих сюжетах одна деталь: они передаются не очевидцами, а посредниками, слышавшими их от кого-то. Число свидетелей людоедских оргий, опубликовавших свои воспоминания, обратно пропорционально количеству живописаний каннибальских пиршеств. И это безусловно не случайно.

Сомнения нет: каннибализм существовал и даже местами существует до сих пор, но знаем мы о нем ничтожно мало, потому что

значительная часть информации, которой мы обладаем, при строгом источниковедческом подходе должна быть признана ненадежной. И это неудивительно. Во-первых, каннибализм все же редок. И Фальк-Рённе, хорошо знающий эту тему, приводит разговор с каннибалом, который говорит ему, что ел человеческого мясо только четыре раза в жизни. И это в долине Балием, о которой ходит столько жутких слухов! Ряд других свидетельств из других источников утверждает нас во мнении, что людоедство было далеко не повседневным явлением, так что быть его свидетелем не так легко. Во-вторых, сама по себе позиция свидетеля каннибальских акций этически небезупречна. Некоторые из таких людей пытались воспрепятствовать происходившему на их глазах — это оправдывало их нравственную позицию, но тем самым делало их информацию фрагментарной и зависящей от третьих лиц. Другие не имели желаний или возможности вмешаться и соответственно... молчали. Наверное, таких было большинство, и только немногие решились опубликовать свои наблюдения. Среди последних, впрочем, выделяется несколько очевидцев поневоле, попавших в плен к племенам каннибалов. Таков, например, известный немецкий путешественник XVI в. Ганс Штаден, проведший 9 месяцев у индейцев тупинамба в Южной Америке и оставивший уникальное описание их жизни, в частности поразивших его каннибальских пиршеств, жертвой которых он чуть не стал сам. Такого рода очевидцев мало, совсем немного их в современности, и, заметим, не относится к их числу и автор прочитанной нами книги, который, насколько можно понять из его повествования, сам не был свидетелем людоедства, а сообщает о нем со слов третьих лиц. Из этого, конечно, не следует, что нельзя верить ни одному его слову, но определенный скептицизм в отношении ряда сообщений, например о разрывании на части согрешивших девушек, о пожирании мозга и т. п., вполне допустим.

Внимательное рассмотрение различного рода «свидетельств» побуждает нас также скептически относиться к рассказам о так называемом кулинарном каннибализме, т. е. о поедании человеческого мяса из простого пристрастия к нему или из чревоугодия. Если такие случаи и существовали, то объяснение им скорее следует искать в позднейшей деградации под влиянием контакта. Оставим в стороне всегда и везде имевшие место спорадические случаи каннибализма, вызванные сильным голодом (как, например, во время войн и особенно осад — широко известен рассказ о том, как мать съедает свое дитя во время осады римлянами Иерусалима, дошедший до нас в книге Иосифа Флавия), психическими заболеваниями или криминальными соображениями (например, изготовление в голодные годы после первой мировой войны в Германии пирожков с человеческим мясом). Все эти случаи не являют собой примера каннибализма как социального установления, они — отклонения от нормы, признаваемые таковыми всеми членами данного общества, чаще всего и самими каннибалами.

Основная масса заслуживающих доверия сообщений о каннибализме как об обычае, признанном общественной нормой, указывает на то, что он теснейшим образом связан с религиозными и магическими представлениями, разделявшимися этими обществами. Об этом же говорят практически все примеры, приводимые Фальк-Рённе. Вспомним многочисленные упоминания в книге об использовании частей человеческого тела, костей в ритуальных целях, о хранении их в мужских домах в качестве фетишей. Среди папуасов широко распространено представление о том, что все человеческое тело или

только голова являются вместилищем особой духовной силы, маны, а поедание тела передаст ману ее **новому обладателю**. Недаром пауасы, участвовавшие в убийстве и поедании миссионеров и их спутников в долине Балием, говорят потом: «Мы съели их для того, чтобы получить часть их силы». Связь каннибализма с верой в магическую силу маны многообразна. Своеобразное проявление ее — так называемый **эндоканнибализм**, или **патрофагия**, т. е. полное или частичное поедание тел умерших родственников, примеры чему мы также видим в книге. Как сообщают различные наблюдатели и ученые, это действие совершается не из стремления присвоить себе ману умершего, а из пиетета к нему, из желания сохранить его материальную оболочку внутри родственного коллектива, не дать возможности червям исполнить свою мрачную миссию. Кстати, эта форма каннибализма была в прошлом едва ли не самой распространенной.

Сходные с этими представлениями, возможно, лежат в основе еще одного экзотического обычая — мумификации, известной, как мы видим, не только в Древнем Египте, но и на Новой Гвинее и в других районах мира, например на **Алеутских островах** — в зоне распространения культа предков, принимающего самые причудливые формы.

Герой Достоевского Иван Федорович Карамазов сказал следующую фразу: «... уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие... тогда ничего не будет безнравственного, все будет позволено, даже антропофагия». Действительность, однако, прямо противоположна этому мнению, хотя связь подмечена несомненно точно. Именно вера в свое бессмертие в виде веры в извечную и универсальную ману, переселение душ, или особую духовную субстанцию и является питательной средой антропофагии. На этой же почве явно покоится и другой дикий обычай — охота за головами, которой также немало места уделено в книге Фальк-Рёнке. В основе ее лежит культ черепа как магической субстанции. Любопытно, что чаще охота за головами и каннибализм исключают друг друга. Классической зоной первого обычая является островная и частично материковая область Юго-Восточной Азии. Каннибализм был раньше распространен более широко и отмечен в Южной и Центральной Америке, в Австралии и Океании. Но именно Новая Гвинея, последнее прибежище как каннибализма, так и охоты за головами, давала нам еще в 60-е годы XX века редкие примеры сосуществования обоих обычаев.

Как можно оценить их последствия? Определить даже приблизительно количество жертв каннибализма и охоты за головами весьма трудно. Полагаю, что, если бы была возможность вычислить такую цифру, она показалась бы нам, людям XX в., смехотворно низкой по сравнению, например, с количеством жертв второй мировой войны, так же как ужасы людоедства меркнут на фоне газовых печей Освенцима. И тем не менее обычаи эти, бытовавшие не одну тысячу лет, оставили существенный след в виде этнической и социальной атомизации этих обществ, разделения их на мелкие и мельчайшие фрагменты, весьма слабо связанные друг с другом. Подрыв контакта, искусственное замыкание общества и как следствие его — неизбежная отсталость, необходимость самим додумываться до того, что стало уже общим достоянием человечества, необычайно медленный социальный и духовный прогресс — вот прямые последствия этих двух обычаев. Часть вины за то, что Новая Гвинея вошла в XX в., сохранив ранневарварский облик, несомненно, лежит на каннибализме и охоте за головами.

Другое следствие — разительно отличающиеся от наших этические представления, в частности, обесценение человеческой жизни. От-

части оно идет от представления о вечности духовного существования, о постоянном перетекании духовной субстанции из одного состояния в другое. Но главным образом оно объясняется постоянно практиковавшимися убийствами, рассматривавшимися как необходимое условие для нормальной социальной жизни.

Наконец, хочется отметить еще одну особенность исторического развития каннибализма и охоты за головами. Вписываясь в современную историю, они иногда перерождаются, теряют свое культовое значение и превращаются в неприкрытый разбой и хладнокровное кровопролитие. Так, в Тропической Африке, где процветала уже в новое время работорговля, по своим масштабам далеко превзошедшая средневековый или даже античный размах этого позорного ремесла, бытовавший ранее ритуальный каннибализм переродился в некоторых местах просто в потребление человеческого мяса в пищу без всяких ритуальных мотивов. Обусловлено это было взглядом на раба как на животное, а не как на человека. Бывшие охотники за головами на Калимантане, оказавшись втянутыми в конкурентную борьбу европейских держав за обладание Индонезией, сводили ритуальный характер своих набегов до минимума и превращались в страшных пиратов и разбойников, нагонявших ужас на целые страны. Такого рода развитие, правда, почти не затронуло Новую Гвинею.

Таким образом, каннибализм и близкие к нему обычаи предстают перед нами не в виде простого пережитка животного состояния, не в виде вынужденного явления, обусловленного голодом, недоеданием или массовой патологией, а в виде определенного религиозно-магического действия, направленного как на врагов, так и на соплеменников. Развитие контактов с окружающим миром неизбежно приводит к исчезновению этих обычаев, которому иногда предшествуют переожде и деградация.

Установление контакта, влияние колониализма, драматическое столкновение разных культур — вот еще «герои» Фальк-Рённе, занимающие в книге не меньше места, чем каннибализм или ужасы традиционного образа жизни папуасов. Береговые области Новой Гвинеи, особенно ее северо-западной части, уже давно были втянуты в орбиту восточноиндонезийских феодальных государств, в частности султаната Тидоре, существовавшего с XV до начала XX в. Однако этот ранний контакт носил принципиально иной характер, отличный от влияния европейских держав в эпоху колониализма. Индонезийцы основывали свои опорные пункты на небольших, часто необитаемых островах недалеко от побережья; там постепенно селились выходцы из Малайского архипелага, смешиваясь с коренным папуасским населением, возникали так называемые торговые этносы, которые по своему культурному облику прекрасно вписывались в общую картину Малайского архипелага. Однако в глубь острова они не проникали. Жители Новогвинейского нагорья надежно охранялись от контакта как болотами, лесами и непроходимыми горами, так и каннибализмом и охотой за головами.

Только в начале XX в. в глубинных районах острова стали появляться первые посланники колониальных держав — христианские миссионеры. Некоторые из них действительно погибли там, не сумев установить контакта. Но большинство успешно обосновались в разных частях Новогвинейского нагорья, и места, где они построили свои миссии, довольно скоро стали превращаться в центры нового социального и этнического развития. Почти во всех других европейских колониях в Африке, Америке, Океании вслед за первопреход-

цами-путешественниками и миссионерами появились солдаты, а за ними и чиновники колониальной администрации, а еще позже предприниматели, торговцы и т. д. Новая Гвинея была одной из последних стран, завоеванных колониализмом, и поэтому здесь эта традиционная колониальная схема была несколько иной. Случилось так, что голландские колониальные власти, существовавшие в Ириан-Джая до 1962 г., практически не проникли в глубь страны, и вся центральная часть этой территории либо оставалась самостоятельной, не затронутой никакой колониальной администрацией, либо находилась под контролем миссионеров. На востоке острова, в будущем государстве Папуа-Новая Гвинея, австралийские власти сумели уже в послевоенный период установить свой контроль над большей частью Новогвинейского нагорья и даже создать в самом центре острова небольшие современные города, такие, как Маунт-Хаген, Менди или Горога, быстро ставшие центрами экономического развития, вовлекшими в сферу своей деятельности население окружающих сельских местностей, еще вчера обитавшее в условиях каменного века.

Контакт оказался стремительным, и преобразования традиционного образа жизни папуасов охватили самые глухие районы. Массовое распространение получило христианство — сейчас большинство папуасов исповедуют эту религию в самых разных ее вариантах. Именно христианство и развернуло основное наступление на традиционную социальную структуру и старые духовные ценности. Разумеется, лозунг уничтожения каннибализма был сразу же взят на вооружение миссионерами и колониальными властями. Каннибализм стал быстро исчезать, на смену ему пришла современная жизнь колонии, далекая от той, которую представляли себе папуасы, пытавшиеся по-своему понять проповеди миссионеров.

Язвы колониализма достаточно хорошо известны, и Новая Гвинея не была исключением в позорной истории этой эпохи. Парадокс заключается в том, что колониализм способствовал выходу острова из дикости и каменного века, но стоило это коренному населению огромных жертв, особенно в первую половину текущего века. Своеобразной реакцией на колониализм стали так называемые миллениарские движения, или карго-культы, — синкретические религиозные движения, завоевавшие большую популярность у папуасов и в массе носившие антиколониальный характер. Хотя Фальк-Рёнке и не касается вплотную этого явления, некоторое представление о нем можно составить из истории об Обахароке и ожиданиях им даров от его белой супруги. Аналогичные ожидания зарождаются и у вождя кукукуку, вознамерившегося женить автора на своей дочери. Многие папуасы, подобно этим двум, стремились овладеть тайной белого человека, его способностью доставить нужные вещи — карго. Но как это сделать, им было неясно, естественным для них казалось обращение к магии.

И здесь мы подходим к важному моменту, необходимому для понимания ряда эпизодов книги Фальк-Рёнке. Подобно тому как папуасы часто оказывались неготовыми к контакту с европейской цивилизацией, неготовыми к контакту с папуасами часто оказывались и сами представители этой цивилизации. Глубокое впечатление производит чтение главы о трагических событиях, связанных с деятельностью миссионеров С. Дейла и Ф. Мастерса в долине Балием в 1968 г. Безусловно, жалко этих людей, ставших мучениками неукротимого стремления насильственно привести папуасов к тому, что казалось им правильной жизнью. Казалось бы, так оно и есть: действительно, каннибализм ужасен, сожжение атрибутов старой жизни,

которого они требовали от папуасов, должно было стать символическим актом начала приобщения к цивилизации. Оставим, однако, на некоторое время в стороне этический аспект этой программы, забудем о том, что среди сжигаемых атрибутов немало прекрасных произведений искусства, которыми гордился бы любой музей, забудем на минуту также и то, что не всегда хорошо «насильно загонять в рай». Посмотрим исторический фон, на котором развивалось это событие.

Совсем рядом, немного к западу от мест, где обосновались оба миссионера, живет народ, известный этнографам под названием западных дани. Впервые в их страну чужеземцы, т. е. голландская географическая экспедиция, проникли в 1921 г., но реальный контакт был установлен только в 1954 г., когда там была построена первая миссия. К 1962 г. среди западных дани работали уже 12 миссий, при каждой из которых была небольшая посадочная полоса. Миссионеры стали активно бороться против межплеменных войн, последняя из которых разразилась в апреле 1961 г. Реакция дани на это и на призывы миссионеров отказаться от старой жизни была весьма положительной, потому что миссионеры привезли с собой много карго, и казалось, сделай так, как они призывают, и карго окажется у папуасов.

Акции, к которым призывали Дейл и Мастерс в 1968 г., здесь еще в 1959 г. стали происходить по инициативе самих папуасов. Среди них появился проповедник по имени Ябонеп, который объявил себя христианином и стал ходить по деревням дани и сжигать оружие и предметы старого культа. Однако при этом он проповедовал, что каждый, кто последует его призыву, станет бессмертным, что старухи снова превратятся в молодых девушек, что никто не будет испытывать физической боли и т. д. Миссионеры забеспокоились и бросились опровергать учение Ябонеп, но было уже поздно. В течение двух лет дани не только сожгли все материальные напоминания о прежней жизни, но и отказались от всех прежних обычаев: от «свиных праздников», от половой сегрегации, даже от традиционной системы родства, от избегания свойственников, от брачных выкупов. Они желали стать такими же, как миссионеры, и ждали от этого немедленной компенсации. Частично она последовала, потому что дани, благодаря тому что на их земле обосновались миссионеры, приобрели влияние на другие племена, которым они стали поставлять топоры и некоторые другие виды карго. Но весь народ был охвачен ожиданием чуда. Несколько смертей, которые случились за это время, объяснялись тем, что дани еще не от всего отказались.

К сожалению, мне неизвестно, как развивалось движение Ябонеп в 1968 г., но совершенно очевидно, что бессмертия и омоложения своих соотечественников он не добился. Можно предполагать, что его проповедь стала к тому времени менее популярной, что должно было начаться какое-то иное осмысление происходящих событий. И вот на этом-то фоне появляются два молодых миссионера, призывающие ближайших соседей западных дани снова жечь то, что осталось у них от прежней жизни! Прямо скажем, неясно, чего здесь больше — безрассудной жажды мученичества или просто безответственности. Два молодых человека в результате пали жертвой обоюдной неподготовленности к контакту.

Еще большую безответственность проявил Майкл Рокфеллер, также нелепо погибший на Новой Гвинее. Смерть его так и осталась неразгаданной. Скорее всего он просто погиб при кораблекрушении. Тогда, в начале 60-х годов, дело это вызвало широкий ре-

зонанс, велось следствие, в которое немало денег вложили родственники погибшего, но эркюлям пуаро и шерлокам холмсам тогда еще нечего было делать на Новой Гвинее. Более интересно другое— его экспедиция в погоне за эффектными приобретениями и яркими кинокадрами фактически выступила стимулятором охоты за головами и межплеменных войн. Совсем уже безобразно поведение Вин Сарджент, которая на время «вышла замуж» за папуасского бигмена и обрекла его тем самым на гибель. Цена этого — статья о «сексуальном поведении» новогвинейских аборигенов.

Контакт на Новой Гвинее продолжается, в него включились наряду с бывшими европейскими колониальными властями представители индонезийской администрации на Ириан-Джая. Большой остров вступил в пору современного политического развития. Сейчас повсюду возникают новые политические объединения, конфессиональные группы, начинают появляться, во всяком случае в Папуа-Новой Гвинее, зачатки будущего объединения в какие-то национальные организмы, одновременно с этим расцветает в обеих частях острова сепаратизм. Трудно предсказать, как именно сложится судьба того или иного папуасского народа, стоящего только на пороге контакта, как, например, кукукуку. Ясно одно: эра канибализма безвозвратно ушла в прошлое. Однако изучение наследия папуасских народов, в том числе, и его негативных сторон, не только имеет академический интерес, хотя и он немал, но и тесно связано с планированием современного развития освободившихся от колониализма стран, в том числе и молодых государств Океании. (Подробнее см.: Океания. Справочник. М., 1982.)

М. А. Членов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Охота на тайпанов.— Трапеза на о-ве Гоарибари.— Торресов пролив — кладбище кораблей. Шведский отшельник на о-ве Паки. Как была открыта Новая Гвинея. Земля курчавоволосых. Жители Берега Казуарин.— Охота за именами у охотников за головами 3

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вверх по реке Бетс.— Ванусс, охотник за крокодилами.— Бесконечный дождь.— Болотная лихорадка. Тучи москитов.— Ловля крокодилов в темноте.— Мафия охотников за крокодилами.— Посещение асматов 29

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Земля асматов.— Роковое путешествие Майкла Рокфеллера на катамаране.— Майкл пытается вплавь добраться до берега.— Поиски, организованные губернатором Нельсоном Рокфеллером, не дают результатов. Был ли Майкл найден охотниками за головами из Осчанепа? — Рассказ миссионера Хекмана.— Как ведется охота за головами? — Посвящение в мужчины. Ванусса поймали охотники за головами 43

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как летают на Новой Гвинее.— Аэродромы, пригодные для реактивных самолетов, и «почтовые марки» с «теннисными кортами». — История воздушных сообщений на Новой Гвинее. Майор Граймс находит ворота в Шангри-Ла. Авария самолета приводит к открытию долины Балием.— Из каменного века в современность за несколько месяцев . . . 62

ГЛАВА ПЯТАЯ

Беседа с Обахароком.— Супружество сроком шесть суток.— Абутури, коллекционер холимов.— Сексуальная сила женского затылка.— Страх перед духами предков.— Другие жены Обахарока. Долина Балием и места вокруг нее, еще не нанесенные на карту.— Фетиши местных деревень 76

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Миссионеры уничтожают фетиши.— Племена яли и их земли.— Миссии в неподконтрольных районах.— Йейкварагу и Бинггуок.— Священник Стэн Дейл спасается бегством. Возвращение Дейла в «Долину теней». — Нападение на миссию Корупун.— Стэн Дейл и Фил Мастерс убиты и съедены.— Рассказ Йему.— Индонезийская экспедиция. Авария самолета на земле викбунов 89

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Что такое Ириан-Барат и Ириан-Джая.— Визит президента Сукарно.— Требование властей о «принудительных штанах».— Земля бывшего германского кайзера Вильгельма.— Страх австралийских колонистов 109

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Река ужасов.— Откуда произошло название племени.— Каждый подросток должен стать «убийцей людей».— Гибель золотоискателя Даммкёлера. «Злейшие люди планеты».— Нужны три переводчика.— Нападение 114

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Трава кунай и бамбуковые заросли.— Посвящение в мужчины.— В чем смысл жизни?— Умершие на вершине скалы. Как я отношусь к кукукуку.— Может ли белый человек думать как канак?— Патруль нападает на деревню 125

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вождь То-юн метит меня в зятя.— Экспедиция лишается проводников.— Удивительные проявления карго-культа.— «Мана» белого человека.— Пребывание женщин в «месячной» хижине.— Обычай девушек мазаться свиным жиром.— «Семейные» обряды.— Цена женщины.— Знакомо ли молодым воинам чувство влюбленности? 136

ГЛАВА ОДИННАДАТАЯ

Какао по вечерам.— Экспедиции удается скрыться.— На северо-запад по незнакомым местам. Ливень преграждает путь преследователям.— Висячий мост через реку Иагита 146

ГЛАВА ДВЕНАДАТАЯ

По местам, не обозначенным на карте.— Жили ли здесь цивилизованные народы?— Находка в Чимбу.— Раковины — разменная монета.— Неприкосновенность торговцев.— Встреча с Рупертом. Болезнь куру.— Рассказ Марии Хорн.— Необычное применение сахарного тростника. Роль колдуна. Против «смерти от смеха» лекарства нет 154

М. А. Членов. Новая Гвинея — обыденность и экзотика 178

Арне Фальк-Рёнке

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАМЕННЫЙ ВЕК

Среди племен Новой Гвинеи

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Р. Г. Стороженко. Младший редактор М. В. Малькова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор Г. А. Никитина. Корректор Н. Л. Петрова

ИБ № 15311

Сдано в набор 29.05.84. Подписано к печати 21.12.84. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Цветные иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 13,23, Уч.-изд. л. 11,38. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5607. Зак. № 385. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31 ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

